ПИОНЕРы,

МАРТ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», 1959 год 3

Мы ваши спутники везде!

Бригада Льва Новикова — передовая на Калужском турбинном заводе. Ей присвоено звание бригады коммунистического труда. А пионеры 6-го класса «А» — лучшие в дружине 7-й калужской школы. Их отряд борется за звание «отряда—спутника семилетки». Бригада и отряд заключили договор: стать первыми в учении и труде. Рабочие будут отчитываться перед пионерами, а пионеры — перед рабочими.

«Отряд — спутник семилетки»... Правда, гордое звание? Как заслужить его? В этом номере вы прочитаете еще об одном калужском отряде, который добивается права стать «отрядом-спутником».

Семь лет труда,
Семь лет ученья,
Семь лет великого пути!
За эти годы, без сомненья,
Ребята смогут подрасти.
Мы станем взрослыми и сильными,
Но мы не только подрастем.
Как вы,
Шагами семимильными
По семилетке мы пройдем.
Теперь в ученье и в труде —
Мы ваши спутники везде!

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

Год издания 36-й

№ 3

МАРТ

1959

В этом номере:

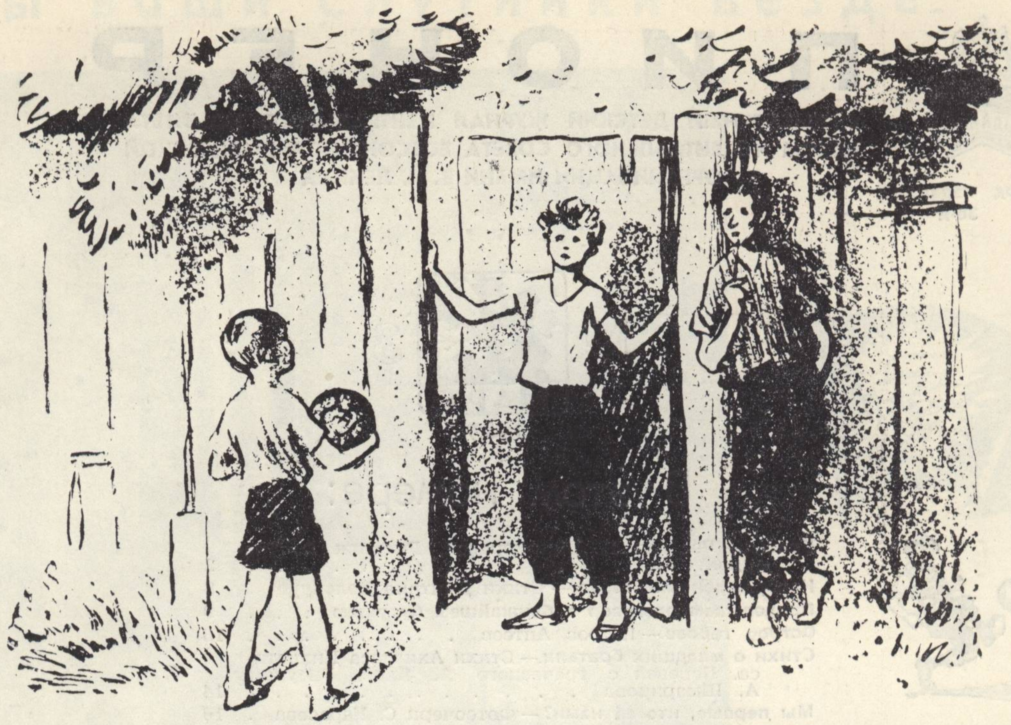

На вклейках:

На обложке:
«Пионеры, охраняйте птиц!»
Рисунок В. Андриевича.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

БРАТЬЯ

РАССКАЗ

Е. ШИШМАРЕВА

Рисунки О. Траскиной.

Горячее июльское солнце бросало косые лучи в открытое окно избы. День обещал быть жарким.

Марья Тимофеевна поставила кувшин с молоком на стол и взглянула на спящих сыновей. Леша раскинулся на широком хозяйском сундуке, а кудрявый Дима вытянулся на раскладушке.

— Вставайте, ребята,— сказала Марья Тимофеевна,— давайте завтракать. Мне уже скоро уходить.

Дима приподнял всклокоченную голову и прищурился спросонья.

— Куда ты уходишь, ма?

— Еду в город. У меня сегодня педсовет. А с утра всякие дела.

Леша завозился на своем сундуке и сразу сел.

— Ма, а когда ты вернешься?

— Если поспею на девятичасовой поезд, приеду сегодня, а если собрание затянется, тогда уж завтра утром, пораньше.

— Ну-у-у...

— А теперь вставайте, живо! Дима, у тети Нюры в печке стоят щи и каша, в два часа пообедаете, она вам достанет. Ужин в погребе, ты сам его разогреешь на керосинке. Помни, Дима, ты остаешься за старшего в доме. Смотри, чтобы у тебя все было в порядке.

— Слышишь, Алексей? — сказал Дима, вскочив.— Слушаться брата по первому слову! А теперь подъем. Але-гоп! — И он запустил в Лешу подушкой.

Леша увернулся и, спрыгнув с сундука, полез под стол за футбольным мячом.

— Перестаньте, ребята, не возитесь,— сказала Марья Тимофеевна.— Мне некогда. Леша, оставь в покое мяч!

— Чур, мой футбол! — закричал Леша.— Я первый сказал!

— Что значит твой? — Дима повернулся к брату.— Все будем играть.

— Ну да, все! Вы будете играть, а я — подавай вам мячи, знаю! Ты мне вчера дал играть? Дал?

— Так ведь вчера...

— Будет вам спорить,— вмешалась

мать.— День велик, успеете оба наиграться. Умывайтесь — и за стол.

Через полчаса Марья Тимофеевна с портфелем в руке вышла на деревенскую улицу и заспешила по дороге на станцию.

Небольшая подмосковная деревня Костино вытянулась вдоль лесной опушки. У одного края деревни протекала речушка Лиска с запрудой, у другого раскинулся луг, служивший ребятам футбольным полем.

Не успела Марья Тимофеевна отойти от дома, как под окном вырос длинный Генка.

— Димка, Димка! Тащи футбол!

Из калитки с независимым видом вышел Леша, зажав под мышкой футбольный мяч.

— Сегодня мы будем играть в футбол,— заявил он.

— Кто это вы?

— А вот мы: Колька, Сашка, я...

— Что же, вы втроем, что ли, будете играть?

— Зачем втроем? И другие ребята тоже.

— Ну, вот мы и есть другие ребята,— сказал Дима, выходя из калитки, и, подскочив к Леше сзади, выбил у него мяч из-под руки.

Леша кинулся за мячом, но Генка быстро поддал его ногой. Мяч взвился вверх, перелетел через дорогу и упал в яму. Вдоль всей улицы были выкопаны ямы глубиной метра полтора: в деревне проводили электричество. Рядом с каждой ямой высилась куча еще не просохшей рыжей глины и лежало по свежеоструганному столбу. Леша побежал за мячом, на секунду остановился, затем спрыгнул вниз и скрылся. Из-под земли показалась только темная макушка. Гена и Дима издали смотрели, что будет дальше. Две руки ухватились за край ямы, и из нее выглянуло Лешино лицо, измазанное глиной. Затем лицо скрылось, и на краю показался футбольный мяч. Положив его на траву, Леша снова подтянулся на руках и выглянул из ямы, стараясь выкарабкаться наверх. Но вскоре покрасневшее от усилий Лешино лицо снова скрылось. Тут Дима и Гена подбежали к яме, и Дима со смехом схватил мяч.

— Чур, футбол мой! — крикнул он ехидно.— Ты поиграл — и будет. Теперь моя очередь!

— Счастливо оставаться! — добавил Генка. И они удрали, громко хохоча.

Сколько Леша ни пытался вылезти наружу, у него ничего не выходило. Рукам было не за что ухватиться, ноги скользили по глиняной стенке. На дне ямы стояла жидкая грязь, и он весь перепачкался.

— Вот гад кудрявый! — выкрикнул он, весь красный от возмущения.

— Эй, малый, ты чего залез в яму? — раздался голос сверху.

Леша поднял голову. Над ним стоял Сергей Иваныч, их хозяин, колхозный бригадир.

— Я за футболом, Сергей Иваныч, я сейчас вылезу.

— Это ты, Лешка? Ишь, забрался! Где же тебе вылезти? Да и перемазался весь... Давай-ка руку! — И, схватив Лешу повыше локтя крепкой рукой, Сергей Иваныч вытащил его из ямы и поставил на дорогу.

— Ну, хорош! — сказал он, оглядев его.— А где же твой футбол?

— Футбол Димка взял.

— Футбол взял, а тебя, значит, оставил?

Леша нахмурился.

— Нет... Я сам остался...

Сергей Иваныч усмехнулся.

— Так, так. Что ж, Алексей, душа-человек, пошли со мной на молочную ферму?

Лицо у Леши просветлело.

— Пошли, Сергей Иваныч!

И, выкинув на время из головы футбол и предателя Димку — он ему еще покажет! — Леша зашагал рядом с Сергеем Иванычем.

На молочной ферме у Леши был большой приятель — племянник Сергея Иваныча Коля. От него Леша узнал важную новость. В соседнем селе Марфине вечером должен быть футбольный матч между колхозами «Красные всходы» и «Заря революции». Вот это будет игра! Не то что у Генки с Димкой! При мысли о брате Леша снова покраснел от возмущения.

Он договорился с Колей идти вместе на футбол, и, когда Сергей Иваныч позвал его домой, Леша не пошел. Зачем ему идти? Мамы все равно нет дома. Что ж ему, у Димки отпрашиваться? Очень надо! И обедать он с ним не станет — пускай подавится!

Леша попил у Коли молока, и они не спеша отправились в Марфино. Идти надо было километров пять. Дорога шла полем. Солнце пекло нещадно, а над лесом медленно всплывало темное облако.

Вдоволь набегавшись под палящим солнцем, усталый и голодный, Дима вернулся домой. Хозяйка возилась у печки.

— Тетя Нюра, а Лешка где?

— Не видела, Дима, я сама только что с огорода пришла. Обедать-то будете? Доставать щи из печки?

— Будем, будем! Сейчас я Лешку позову.

Но Леши нигде не было видно. Дима покричал с крыльца: «Алексей!» — и, не получив ответа, вернулся в дом. Он налил себе щей, поел каши и решил отдохнуть. Прибирать со стола не имело смысла. Лешка придет есть, пусть он и убирает. Взяв под мышку «Таинственный остров», Дима прошел в огород и устроился в углу под рябиной. Было душно, воздух словно застыл, напоенный зноем. Начинало парить. Сон победил Диму прежде, чем он успел увлечься чтением, книга выпала у него из рук, и он заснул.

Проснулся он часа через два, весь обливаясь потом. Стояла гнетущая духота. Тяжелая черная туча заслонила солнце и постепенно обволакивала все небо. Вдали глухо прокатился гром. Дима подобрал книгу и лениво побрел домой.

В комнате жужжали мухи. На столе стояли раскрытая кастрюля со щами, горшок с кашей и грязная тарелка.

— Ишь, Лешка, паршивец, ничего не убрал!

Тут Дима сообразил, что Леша вообще не приходил домой с утра. Где он пропадает? Надо бы пойти поискать, да уж очень жарко. Вот мама узнает, что он не обедал, задаст ему! Впрочем, не только ему... Четырнадцатилетнему Диме частенько попадало за младшего брата. Куда он сбежал?

Дима выглянул в окно. Небо все темнело. Снова послышался раскат, уже гораздо ближе. Над улицей с писком низко носились стрижи.

Дима вышел из дому и отправился к речке. Толпа загорелых ребят купалась у запруды, разбросав по берегу одежду. Дима постоял, присматриваясь. Леши среди них не было. Выкупаться, что ли? Внезапно пробежал легкий ветерок и затих. Дима все стоял. Через минуту снова налетел порыв неожиданно холодного ветра и закрутил в воздухе листья, солому и мелкий мусор. Вдруг ярко сверкнула молния и раздался резкий удар грома, теперь уж совсем близко. Ребятишки, крича, как стая галчат, повыскакивали из воды и, хватая свое платье и одеваясь на ходу, побежали к деревне. Дима тоже заспешил домой. У калитки его нагнали первые тяжелые и теплые капли, а когда он взбежал на крыльцо, дождь уже громко барабанил по крыше. Не прошло и пяти минут, как гроза разыгралась не на шутку. Молнии сверкали одна за другой, раскалывая потемневший небосвод; гром, не успев затихнуть над лесом, уже снова громыхал над самой деревней. Дождь лил все сильней, и каждая капля превратилась в струю. Вскоре по улице уже бежал поток воды, от которого в стороны отходили ручейки, стекавшие в ямы, вырытые для столбов.

Дима стоял на крыльце под навесом и смотрел на опустевшую улицу. Интересно, где укрылся Лешка? Ему стало холодно, и он ушел в комнату.

Гроза застала Лешу на футбольном поле. При первых каплях дождя зрители начали разбегаться кто куда. Леша с Колей укрылись за ближним овином с низко нависшей крышей. Через минуту под оглушительный раскат грома насквозь промокшие футболисты дружно пронеслись по полю к колхозному клубу. Ливень обрушился стеной на опустевшее поле, стуча, как молотилка на току. Небо, лес, поле, деревня — все скрылось за плотной завесой дождя.

Вскоре Леша с Колей, как ни жались к стенке овина, вымокли до нитки. Но понемногу ярость ливня стала затихать. Теперь дождь лил спокойно, равномерно, деловито. Гром постепенно удалялся. Все кругом потускнело. Наступили сумерки.

Вымокшие мальчишки решили больше не пережидать дождя и зашагали домой, шлепая по лужам. Когда они подошли к молочной ферме, было уже совсем темно.

— Пошли ко мне ночевать,— позвал Коля.— Мама нас с тобой на печку положит. Знаешь, как там тепло!

— Нет, Колька, я домой. А вдруг мама из Москвы приехала... И Димка тоже...

— Ну, тогда бывай здоров, Лешка. Завтра приходи пораньше на ферму.

— Ага! — И Леша повернул в темноте на дорогу в Костино.

— Ты по середке дороги не иди. Держись края: там воды меньше! — кричал Коля ему вслед.

Дождь все не прекращался. Теперь он сеял мелкими, частыми каплями, как сквозь сито, шурша по траве. Леша шел по обочине дороги, не глядя под ноги. Мокрая рубашка облепила его, и он дрожал от холода. Идти одному среди поля в темноте было жутко. Хорошо бы мама домой уже вернулась... А Димка что делает? Может, уже спит? Нет, без Лешки он не ляжет, будет ждать, а потом отругает. Интересно, он его искал?

Впереди показались огни Костина, и Леша прибавил шагу. Вот этот первый огонек слева — Сашкин дом, он стоит на краю деревни. За ним на отлете есть только одна покосившаяся изба, но в ней сейчас никто не живет:

хозяйка куда-то уехала. Ребята почему-то прозвали ее «Маланьина усадьба». Огни были совсем близко, и Леша побежал им навстречу. Вон слева темное пятно — это и есть Маланьина усадьба, а дальше за ней... Вдруг, с громким всплеском, Леша куда-то провалился, окунулся с головой в воду, вскочил на ноги и оказался по шею в холодной воде. Он попал в яму для столба электропроводки. В нее, журча, стекал небольшой ручеек.

Опершись на подоконник, Дима долго смотрел в окно. Дождь все лил и лил, не переставая. На дворе постепенно темнело. Редкие вспышки молний на мгновение освещали опустевшую улицу, по которой с громким булканьем бежали потоки воды. Изредка между домами мелькала одинокая фигура с накинутым на голову платком.

Вряд ли мама приедет по такой погоде. А может, в Москве и не было дождя?.. Вдруг она приедет, а Леши нет дома? Что он ей скажет? Наверно, Леша отсиживается у кого-нибудь из ребят. Обедать он нарочно не пришел, со зла. А все-таки странно... Пора бы ему вернуться. Диме было как-то не по себе. В комнате стало совсем темно. В дверь заглянула хозяйка.

— Ты здесь, Дима? Что, сумерничаешь?

Дима отошел от окна и зажег небольшую керосиновую лампу.

— А где же Леша?

— Не знаю, тетя Нюра...

— Как это так, не знаешь! Куда он после обеда-то пошел?

— А он и обедать не приходил. Я его звал, звал... Не знаю, куда он провалился.

— Да что ж это, он цельный день не евши? Где же он пропадает с утра? Нешто по такой погоде гуляют! А ты чего смотрел? Мать уехала, небось, на тебя надеется, а ты о брате и думать забыл?

Тут на крыльце послышались тяжелые шаги, и тетя Нюра вышла в кухню. Отряхнув за дверью дождевик, вошел Сергей Иваныч, а за ним хозяйский сынишка Андрей.

— Эх, хорош дождичек, в самый раз приспел! Только бы не затянулся,— сказал Сергей Иваныч.— Ну, мать, давай-ка ужинать!

— Отец, слышь, а у нас Леша с утра домой не приходил,— сказала тетя Нюра.

— Лешка? Мы с ним днем на молочной ферме были. Наверно, его там дождь застукал, он и остался у Кольки.

— Нет, папка,— сказал Андрей,— его ребята в Марфине видели, на футболе. Ох, и

Одному среди поля в темноте было жутко.

лупили же наши домой под дождем! Прибежали мокрющие, грязнющие, ругаются...

— А Лешка с ними? — спросил Дима, выходя из комнаты.

— Видно, нет: они уж давно пришли, мне Сашка говорил.

Дима молча вернулся в комнату, сбросил тапки и натянул куртку.

— Куда ты под дождь? — спросила тетя Нюра.

— Я ненадолго, тетя Нюра, я к Сашке схожу.

И Дима быстро сбежал с крыльца. Дождь поредел, но все не переставал. Кругом стояла густая хлюпающая темнота. Кое-где в окнах мерцали тусклые огоньки, не освещавшие улицу. Дима вышел на середину дороги и зашлепал прямо по воде. Его охватила тревога. Знает ли Леша дорогу из Марфина? А что, если он отстал от ребят? Может, бродит один ночью в лесу? Он ясно представил себе

девятилетнего братишку с измазанным глиной лицом. Надо узнать, был ли Сашка сам на футболе. Дима шел все быстрей. Ноги у него разъезжались в грязи. Он крикнул в темноту:

— Лешка-а-а!

На пустой дождливой улице собственный голос показался ему затерянным и одиноким...

А если Леша всю ночь не придет, что тогда делать? Интересно, под Москвой водятся волки? Глупости! Вон впереди, на краю Сашкин дом, уже недалеко! Дима вдруг поскользнулся и чуть не упал. Он приостановился, и сквозь шум дождя ему послышался какой-то протяжный звук... Он медленно двинулся вперед, напрягая слух.

— А-а-а...— послышалось ему где-то впереди.

И через минуту опять:

— А-а-а...

Диме стало жутко, но он все шел вперед, прислушиваясь.

И снова тот же крик, уже гораздо громче. Сердце у него сжалось. Что это? Чей это голос? Неужели... Он побежал вперед, разбрызгивая грязь. Прошло несколько минут, и до него долетел слабый, но ясный крик:

— Ди-ма-а-а!

— Леша! Леша! — закричал Дима во весь дух.— Лешка, где ты?

Он мчался вперед по размытой дороге, спотыкаясь и скользя в темноте, а Лешин голос слышался все громче:

— Дима! Скорей! Дима!

— Леша, я бегу! Ты где? — кричал Дима прерывающимся голосом.

Дима пробежал мимо Сашкиного дома и выскочил за околицу. Огней больше не было. Кругом стояла непроглядная тьма.

— Леша, где ты? Я ничего не вижу! — закричал Дима, задыхаясь от бега.

— Я тут, Дима, я тут! Я попал в яму,— ответил Лешин голос совсем рядом, как будто из-под земли.

Дима присел, пристально вглядываясь в темную обочину, и вдруг его словно ударило в сердце: он смутно увидел у самой земли темный шар — запрокинутую Лешину голову. Вода наполнила яму почти вровень с землей. Дима бросился вперед и лег на живот прямо в грязь. Навстречу ему из воды вытянулись две ледяные руки и обхватили его за шею. Дима просунул руки Леше под мышки, изо всех сил стараясь вытащить его из воды, но это ему никак не удавалось. Ноги у Димы не находили опоры на скользкой глине, и он не мог встать на колени. Дрожавший крупной дрожью Леша висел у него на шее непосильным грузом. Вскоре Дима выбился из сил.

— Постой, Леша, пусти меня на минуточку,— сказал он, тяжело дыша,— я только стану на колени и вытащу тебя за руки.

— Я не могу отпустить, у меня вода в рот заливается. Если я пущу руки, я захлебнусь.

— Ты только на минутку отпусти, я тебя за руки перехвачу и вытяну вверх. Я не могу тебя вытащить лежа!

— Я боюсь,— прошептал Леша.

— Не бойся, я сразу. Давай, Леша, быстро! Ну!

Леша разжал руки и запрокинул голову. Из воды высовывались две беспомощные руки. Дима вскочил на ноги, нагнулся над ямой, схватил их и принялся изо всех сил тянуть на себя. Леша пытался помочь ему, переступая по глиняной стенке, но ноги его скользили, и он только мешал брату. Вдруг Дима поскользнулся и упал на колени. Руки его ослабели, Лешина голова наполовину скрылась в воде, послышалось слабое бульканье. Дима снова лег на живот и, опустив руки в воду, подхватил Лешу под мышки. Расширенные от ужаса глаза глянули ему навстречу, две дрожащие руки обхватили его за шею, и ледяное ухо прижалось к его щеке. На несколько минут ребята замерли, с трудом переводя дыхание. Обоих била дрожь.

— Давай покричим,— сказал Дима.— Кто-нибудь услышит и поможет.

— Я так долго кричал... а ты все не слышал...— Леша успел хлебнуть воды и говорил хриплым, прерывающимся голосом.— Дима, ты меня не отпустишь?

— Давай покричим вместе, Леша, так будет громче. Ну, раз, два, три...

— Помогите! — крикнули два слабых, дрожащих голоса.

Диме было трудно кричать, лежа в такой напряженной позе, а Леша еще не мог продохнуть. Мальчики прислушались. Кругом по-прежнему шелестел дождь. На улице никого не было, а в домах их не могли услышать.

— Помогите! — крикнули они еще раз и замолчали.

Дима думал сосредоточенно, напряженно. У него не хватит сил, он не сможет вытащить Лешу, но он должен его вытащить!

— Леша, давай повернись ко мне спиной, я возьму тебя под мышки, а ты подскочишь — и я тебя вытащу. Давай!

— Не могу я подскочить... У меня ноги завязли в глине.— Зубы у Леши стучали.— Дима, ты меня не отпустишь?

Дима сжал челюсти, мучительно напрягая

свой ум. Никогда в жизни мысль его не работала так лихорадочно. Он один может спасти Лешу. Никого нет, чтобы ему помочь. Он должен сделать это сам. Прошло еще несколько минут. Леша отчаянно цеплялся за шею брата.

— Нет, я тебя не отпущу,— сказал вдруг Дима изменившимся, тихим голосом.— Леша, я сейчас слезу к тебе в яму, а ты все держись за меня. Я подставлю тебе руки, и ты вылезешь по мне наверх. А потом я вылезу сам.

— Нет, Димка, нет! Ты не вылезешь!

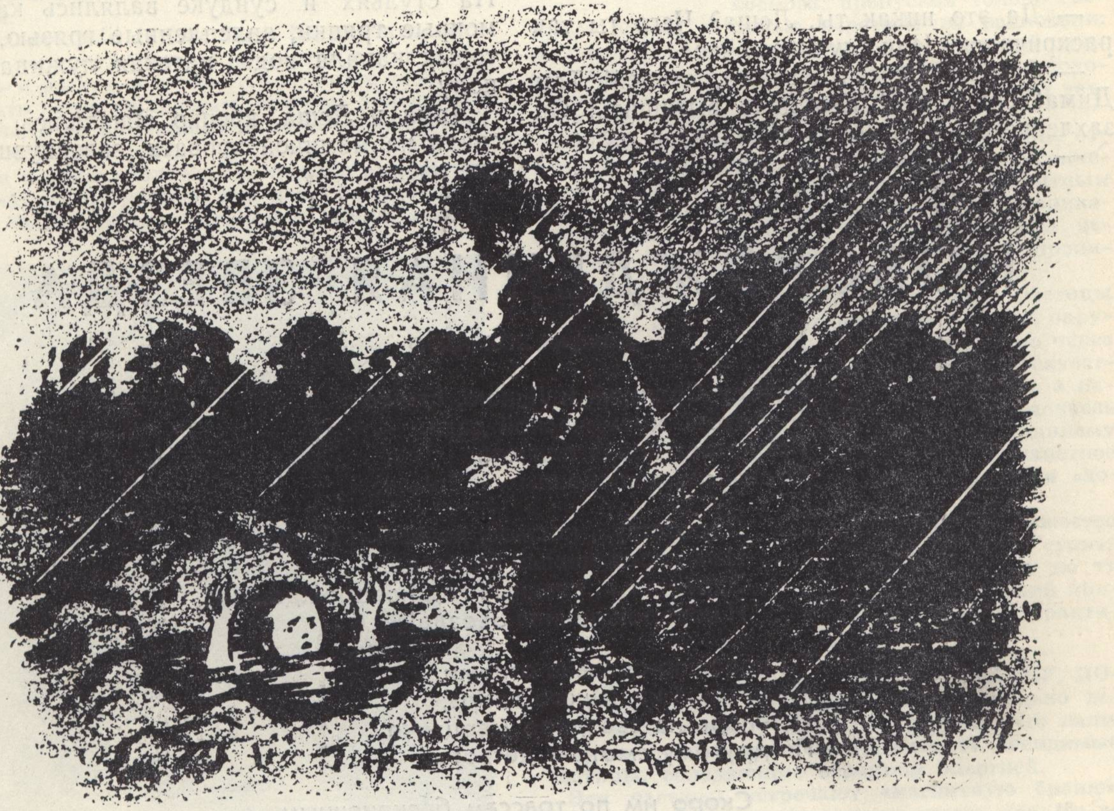
— Вылезу, давай попробуем.

Дима осторожно повернулся боком к яме, скользя по глине и упираясь на локоть. Но толкал его что было сил, и через минуту Леша лежал в грязи на обочине. С трудом поднялся он на ноги, весь сотрясаясь от дрожи, и обернулся. В двух шагах от него из ямы выступала голова Димы, стоявшего по плечи в воде. Ужас охватил Лешу с новой силой.

— Дима, Димочка, вылезай! Ну, вылезай же теперь! — закричал он отчаянным голосом.

Но Дима тоже не мог выбраться из ямы, она была слишком глубока. Он пытался подтянуться, ухватившись руками за край, но руки соскальзывали, и он только глубже погружался в воду.

Дима, вылезай! Дима, вылезай! — твердил Леша как потерянный.

У самой земли Дима увидел запрокинутую Лешину голову.

он не мог спустить в яму ноги, пока Леша держал его за шею. Дима быстро разжал Лешины руки, разом соскользнул вниз и подхватил брата на руки. Вода в яме сразу поднялась, переливаясь через край, и охватила Диму холодом, но он был выше брата и погрузился только по шею. Он подставил Леше сплетенные пальцами руки, тот поставил на них ногу, затем стал коленом Диме на плечо и лег животом на край ямы. Дима

— У меня не получается, Леша. Знаешь что? Беги за Сергеем Иванычем.

— А как же ты один? Дима, ты подождешь? Ты пока не захлебнешься?

— Я же выше тебя, Лешка, не бойся. Беги, беги скорей, только держись середины дороги.

— Я постараюсь, Дима. Я буду все время бежать... Я позову... я быстро...— И, не договорив, Леша бросился в темноту. Ноги у не-

го дрожали и подгибались, сердце колотилось, в ушах шумело. Но он заставлял себя двигаться, напрягая всю свою волю, и бежал, бежал что было сил, скользил, падал, вскакивал, задыхался и все бежал. Тревога его все росла, чем больше он удалялся от брата. Пробежав еще только полдеревни, Леша уже начал звать на помощь.

— Сергей Иваныч! — кричал он, останавливаясь на миг, чтобы перевести дух.— Сергей Ива...— Голос его обрывался, и он бежал дальше. Слезы катились по его мокрому лицу, но он их не замечал.

— Сергей Иваныч! — крикнул он охрипшим голосом, подбегая к калитке, и задохнулся. Сергей Иваныч стоял на крыльце, всматриваясь в темноту.

— Да это никак ты, Леша? Чего ты так раскричался? Или случилось что?

— Скорей, Сергей Иваныч, скорей! Там Дима! Он в яме! Его надо вытащить! Он захлебнется! — И Леша заплакал в голос.

— Ах ты беда! Где же он в яму угодил?

— У Маланьиной усадьбы. Скорей, Сергей Иваныч, бежим!

— Постой-ка, милок, постой, дай я из курятника лесенку прихвачу!

И Сергей Иваныч уверенно затопал по мокрому двору.

— Ну, вот она. Теперь пошли!

В одиннадцать часов Марья Тимофеевна, подоткнув юбку и держа в руках портфель и промокшие туфли, тихонько открыла дверь в свою комнату и с удивлением остановилась на пороге.

Прикрученная лампа коптила на столе возле открытой кастрюли со щами, тут же стояли горшок с кашей и грязная тарелка. На стульях и сундуке валялись какие-то мокрые тряпки, залепленные грязью, с которых капала вода, натекая лужицами на полу.

Дима и Леша, крепко обнявшись, мирно спали на маминой кровати, завернувшись в два одеяла.

НОВОРОЖДЕННАЯ ЗВЕЗДА

Дмитрий ХОЛЕНДРО

Между Солнцем и Луною, где-то
В голубой космической дали,
Пролетает новая планета
Огоньком, запущенным с Земли.

Здравствуй, космос, вечный и бездонный,
Нами покоренный навсегда!
Здравствуй, славный год новорожденный
И новорожденная Звезда!

Ты надежно сделана отцами
Мальчиков из нашего двора,
И теперь на звездное мерцанье
По-другому смотрит детвора.

Скоро им по трассам бесконечным,
Далеко внизу оставив дом,
Мчаться в звездолете древним Млечным,
Новым человеческим путем.

...Стихли позывные дальних странствий,
Радио умолкло на столе.
Но не потеряется в пространстве
Огонек, зажженный на Земле!

Словно потеснились и зарделись
Звезд других далеких огоньки...
Мальчики на небо загляделись,
В новый век глядят из-под руки.

ПРОДОЛЖАЕМ РАЗГОВОР О БЛИЖАЙШЕМ БУДУЩЕМ

Что расскажут нам ракеты?

РАКЕТЫ РАССКАЖУТ, ЧТО СКРЫВАЕТ ОТ НАС ДВОЙНАЯ БРОНЯ, о которой здесь пойдет речь. Когда человек хочет узнать, что находится в какой-нибудь неизвестной местности, например, на вершине высокой горы, он отправляется в путь, взбирается по горным склонам.

Вообразите, как трудно было бы изучать неизвестную гору, если бы мы не видели ее, не могли подняться на нее, и о том, что делается там, могли судить лишь по голосам, которые доносятся с вершины, и по камешкам, которые изредка срываются и падают вниз.

Почти в таком положении издавна находились люди, изучая Вселенную или даже ближайшие к Земле «окрестности» Вселенной. Сила земного притяжения крепко привязывала человечество к нашей планете, а вестников извне попадает к нам очень мало: лишь то, что может пробить двойную броню, которой прикрыта Земля. Одна броня — атмосфера. Она задерживает большую часть электромагнитных волн, идущих из космоса, пропуская только световые волны и самые короткие из радиоволн: миллиметровой, сантиметровой и метровой длины. Это похоже на то, как если бы с горы доходили даже не все голоса, а только тоненький детский голос и густой бас.

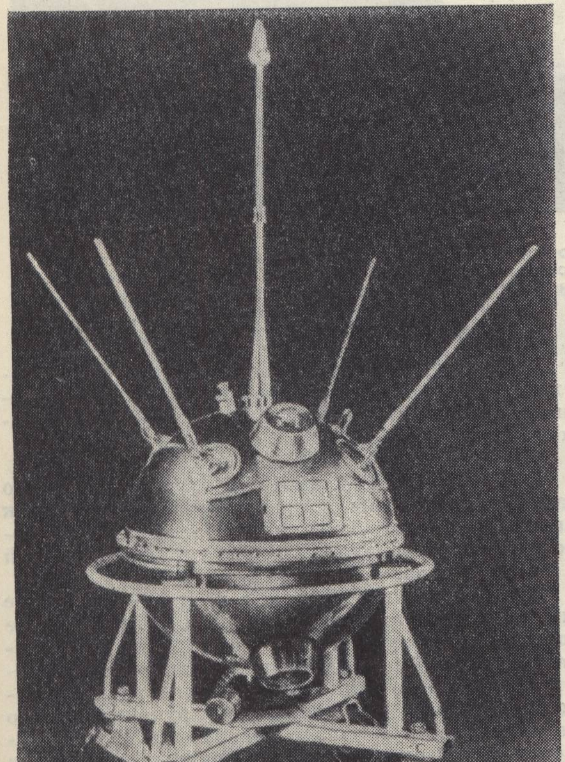
Вторая броня — магнитное поле Земли. Оно отклоняет летящие извне заряженные электричеством частицы вещества к земным магнитным полюсам. (Потому-то полярные сияния возникают именно в полярных областях!) Только небольшая доля самых энергичных частиц проникает через «магнитную броню» Земли.

Итак, свет, радиоволны и некоторые частицы вещества как бы открывают щель в броне, окружающей нашу планету. До сих пор только через эту щель люди изучали Вселенную. Три искусственных спутника Земли расширили щель, а наша первая космическая ракета пробила насквозь двойную броню Земли, промчалась по заданному пути мимо Луны и ушла дальше в межпланетное пространство, сообщая нам на Землю свои «дорожные впечатления».

Каждый сигнал заключал в себе множество различных сведений, помогающих лучше судить о том, что происходит в огромном мире по ту сторону брони. Некоторые из этих сведений пригодятся нам довольно скоро для самых практических целей. Вот, например:

РАКЕТЫ ПОМОГУТ РЕШИТЬ ЗАГАДКУ, ПОСТАВЛЕННУЮ СПУТНИКАМИ. Несколько десятков лет назад ученые обнаружили, что нашу планету непрестанно «обстреливают» невидимые частицы, обладающие огромной энергией.

Эти частицы встречают «магнитную броню». Самые энергичные проникают сквозь нее. Но до Земли они долететь все равно не могут. Долетают расколотые ими атомные ядра атмосферных газов, получившие при столкновении большую энергию. Казалось бы, этих осколков внизу, у Земли, должно быть во много раз больше, чем в верхних слоях атмосферы. Так оно и получалось, пока измерения велись на километры и на десятки километров в вышину: с горных вершин, со стратостатов, с шаров-зондов. Но вот оторвались от Земли и закружились вокруг нее искусственные спутники: первый, второй, третий. И тут случилось неожиданное: спутники обнаружили на высоте сверх семисот километров такое огромное количество космических частиц, что, очутись там человек, их действие было бы для

Так выглядит контейнер с научными приборами, которые унесла первая лунная ракета в свой далекий путь. Это «глаза» и «уши» астрономов в космосе.

«Вот, посмотрите, ребята! Таков был путь нашей космической ракеты, когда она, покинув Землю и пройдя на близком расстоянии от Луны, вышла на просторы солнечной системы и начала свое обращение вокруг Солнца»,— говорит Григорий Александрович Лейкин.

него столь же гибельным, как если бы он попал в зону атомного облучения.

Что же это означает? Может, такое количество космических частиц находится во всем межпланетном и дальше — во всем межзвездном пространстве? Тогда выходит, что космические путешествия гораздо опаснее, чем думали, и надо обеспечивать будущим астронавтам добавочную усиленную защиту.

А может, это лишь особый слой, окружающий Землю? Такую теорию построили советские физики Вернов и Чудаков.

Они предположили, что магнитное поле Земли служит ловушкой частицам, у которых не хватает энергии, чтобы преодолеть силу магнитного поля. А такие частицы все время образуются благодаря воздействию космических частиц на атомные ядра атмосферных газов. Постепенно, день за днем, год за годом, век за веком, накопился вокруг Земли целый слой, обнаруженный теперь спутниками.

Если это действительно так, если это лишь слой частиц, застрявших в «магнитной ловушке», межпланетный корабль проскочит сквозь него на большой скорости. Но так ли это?

Первая космическая ракета и те, которые последуют за ней, решат этот вопрос, такой важный для будущих пассажиров будущего межпланетного корабля.

ЛУНА ПОКРЫТА ПЫЛЬЮ. Узнали про это так. Мы, астрономы, попробовали определить, как быстро остывает Луна, когда часть лунной поверхности переходит из-под солнечных лучей в ночную тень.

Свет Луны, который мы видим,— отражение солнечного света. Но, кроме него, существует ее собственное излучение, которое зависит от температуры лунной поверхности. Это излучение состоит из невидимых инфракрасных волн и радиоволн. Измеряя, как меняется излучение, можно высчитать, как остывает поверхность Луны. Измерения эти очень тонкие и трудные, но ученые их провели и высчитали скорость остывания Луны. А когда сравнили с тем, что нам известно о земных породах, получилось, что Луна должна быть покрыта пылью или же мелкими и ноздреватыми камнями. Скорее всего и тем и другим.

Мы не слишком много знаем про толщину слоя лунной пыли, но, может быть, при посадке

на Луну нужно будет принимать специальные меры предосторожности. А то, если вы на Луне нечаянно топнете ногой, поднимется целая туча пыли. Правда, ненадолго, потому что на Луне без атмосферы пыль оседает быстро, но все же могут возникнуть «пыльные невзгоды». При ходьбе пыль будет назойливо преследовать вас: будет оседать на стеклах шлемов, мешая смотреть; будет набиваться в шарниры на сгибах скафандров, мешая двигаться, а может вызывать и повреждения скафандров. Это на далекой Луне вовсе не так уж приятно!

Прежде чем человек опустится на Луну, надо будет хорошо разведать то, что неясно, а значит, и насчет пыли. Все должно быть предусмотрено заранее, до высадки человека. Наши люди полетят туда не для того, чтобы зарыться в пыли, хотя бы и лунной.

Я рассказал всего лишь о двух неразгаданных загадках. Но их гораздо больше.

Как выглядит обратная сторона Луны? Чтобы ответить точно, надо увидеть Луну «с затылка», мы же пока видим только ее «лицо».

Есть ли у Луны магнитное поле? И если есть, то похоже ли оно на земное? Существует ли вокруг Луны слой быстрых частиц?

Что скрывается в лунных недрах?

Как образовались лунные горы?

Ракеты — наши разведчики, наши «глаза» и «уши» в космосе. Через них мы увидим и услышим многое еще прежде, чем наш первый межпланетный корабль с пассажирами отправится в космический рейс.

Г. Лейкин,
ученый секретарь Астрономического совета.

Когда я летом отдыхал в пионерском лагере, мы ходили в соседний колхоз — помогали полоть огороды. Пололи мы руками. Для всего придуманы машины, а почему до сих пор полют руками?

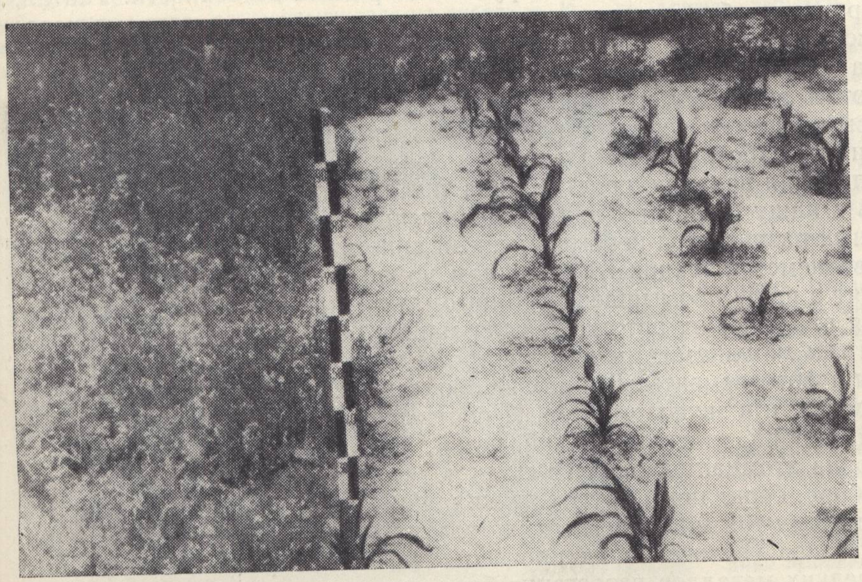
У нас уже есть машины для прополки, и работают они намного быстрее людей — за день пропалывают от пяти до пятнадцати гектаров. Называются эти машины культиваторами. Устроены они нехитро: на железной раме укреплены длинные железные лапы различной формы (форма их зависит от того, для прополки какой культуры предназначен культиватор). Идет по полю трактор, тянет за собой культиватор. Проворно работают железные лапы: рыхлят почву, подрезают сорняки. Позади на культиваторе бывает приспособление для удобрения.

Полют у нас и по-другому: с самолетов. Летит самолет низко над полями и опрыскивает их химическими веществами — гербицидами.

Гербициды обладают чудесным свойством: они убивают не все, а только некоторые растения. Есть, например, такой препарат 2,4-Д.

Так вот, слабый раствор препарата 2,4-Д ускоряет развитие и рост растения — он помогает приживаться пересаженным деревцам, увеличивает урожай помидоров. А более насыщенный его раствор убивает двудольные растения и совсем безвреден для однодольных. Осот, дикая редька, лебеда, горчак и другие сорняки принадлежат к двудольным, а рожь, пшеница, овес и другие злаковые растения — к однодольным.

Препарат 2,4-Д уже уничтожил сорняки на тысячах гектаров. На Кубани, на Украине, на целинных землях

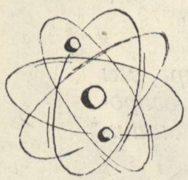
Слева — всходы кукурузы, заросшие сорняками. А на делянке справа сорняков нет, их убил новый гербицид — симазин.

самолеты опрыскивают гербицидом большие массивы полей. За день один самолет может «прополоть» 400—500 гектаров, он заменяет более трех тысяч человек, которые пололи бы вручную. Жаль только, что препарат 2,4-Д не убивает злаковых сорняков: пырея, мышея, овсюга, чумая и других. Не годится он и для прополки огородов: морковь, свеклу, капусту он уничтожает вместе с сорняками. Но ученые-химики уже создали противозлаковые гербициды, которые не уничтожают огородных растений.

Каждый год появляются все новые препараты, несущие смерть сорнякам. Скоро у нас будет столько самых различных гербицидов, что колхозникам совсем не придется полоть свои поля и огороды.

В. Войтехова,
кандидат сельскохозяйственных наук.

?

Я слышала по радио передачу. В ней рассказывали про редкие металлы. Какие это металлы и зачем их так много нужно в эту семилетку?

Без редких металлов не может обойтись современная техника. Эти металлы встречаются в природе в ничтожных количествах, и получить их в чистом виде очень трудно. Поэтому и называют их редкими.

Но, несмотря на то, что они так редки в природе, в нашей промышленности они совсем не редки.

Реактивные самолеты и ракеты не построишь из материалов, которые были у нас, скажем, лет двадцать назад. Тут нужны необыкновенно прочные и в то же время легкие материалы, которые не теряют прочности, не плавятся даже при температуре больше тысячи градусов.

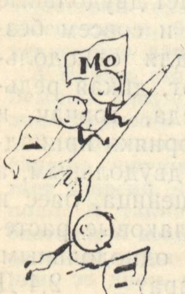
Какие же это материалы? Сплавы, содержащие в себе редкие металлы: молибден, ванадий, титан, торий и некоторые другие.

Детали для самолетов и различных станков и машин обрабатывают быстрорежущими резцами, которые при этом не тупятся и не ломаются. Резцы эти делают из сталей, содержащих в себе редкие элементы: вольфрам, бор, титан.

У ванадия и тантала есть и другие интересные особенности. Тантал, например, может без всякого вреда долго находиться в организме человека. Иногда после операции на черепе, когда приходится вынимать часть кости, на череп кладут «заплатку» из тонкого листа тантала. Рана хорошо при этом заживает, и человек чувствует себя прекрасно. Тончайшими танталовыми нитями сшивают порванные мышцы и даже нервы, и после операции они работают нормально.

Соединения ванадия, родственника тантала, очень ядовиты. Но если добавить в пищу животных ничтожно маленькую порцию солей ванадия, у животных развивается необыкновенный аппетит.

Но вернемся к технике. В прошлом номере мы рассказывали о том, как входят в нашу промышленность автоматические механизмы и устройства. Для работающих автоматов, для машин, «думающих» и управляющих другими машинами, нужны электронные лампы, полупроводниковые элементы и фотоэлементы. Без них не обойдешься и в радиоприемниках, и в телевизорах, и в звуковом кино. И опять здесь нужны редкие металлы: германий, ниобий, тантал, рубидий, цезий.

Ни одна атомная станция не сможет дать энергию без урана или тория, без бора, бериллия и других редких элементов.

Вот почему так много нам нужно редких металлов. Семилетний план намечает такое увеличение их производства, что скоро многие из теперешних редких металлов перестанут быть редкими.

В. Парини,
кандидат химических наук.

ОСТРОВ ГЕРОЕВ

Петрос АНТЕОС

Английский солдат задержал одиннадцатилетнего мальчика. В руке у солдата щит, специально изготовленный для защиты от камней.

В последних числах декабря, когда люди повсюду готовились к встрече Нового года, народ Кипра потрясла ужасная весть: английский губернатор острова сэр Фут оставил в силе приказ о казни еще двух кипрских патриотов — 23-летнего Афанасиоса Яннакиса и 28-летнего Костаса Константинидиса.

Незадолго до этого английские колонизаторы казнили 19-летнего поэта Эвагараса Палликаридиса.

...В час ночи 14 марта 1957 года палачи подняли Палликаридиса с тюремной койки и повели на виселицу. По английским «обычаям», казни должны происходить ночью, чтобы первые лучи солнца осветили уже мертвое тело, раскачивающееся на виселице. И вот нежную шею Эвагараса, которую всего лишь за несколько часов перед этим в отчаянии обнимали дрожащие материнские руки, захлестнула петля английского палача.

Перед казнью Эвагарас писал своей сестре: «Не плачь, это счастье — умереть за Грецию». Прежде чем петля сдавила его горло, он успел сказать: «Я хочу быть последним киприотом, павшим жертвой за свободу».

Но он не был последним. И сейчас еще выносятся смертные приговоры. Льется кровь на измученном острове. Концентрационные лагеря и тюрьмы переполнены. И палачи продолжают каленым железом, иглами, кнутами пытать даже детей 10—12 лет.

* * *

Я пишу эти слова о казнях и пытках, слова, от которых больно, даже когда они на бумаге, и вижу за окном советских ребят, весело катающихся на залитом во дворе катке. Краснощекие, счастливые, свободные, беззаботные...

И я думаю: смогут ли эти ребята, родившиеся свободными, на свободной земле, понять то, что я пишу о сынах Кипра? И стоит ли бросать длинную тень от далекой виселицы на ослепительно чистый снег их души? Но советские ребята, читающие эти строки,— сыновья и дочери, братья и сестры героев Великой Отечественной войны. Они внуки славного поколения бессмертного Октября. Они знают, что свобода — самое дорогое для человека.

Длинная тень виселицы на Кипре напомнит счастливым советским детям то, чего никто на земле не должен забывать: еще существуют в мире законы джунглей, еще существуют колониальное рабство, виселицы для патриотов и тюрьмы для героев.

За что же посылают на смерть сынов Кипра? Почему национальный герой кипрского народа Григорис Ависентиу, шофер, в течение десяти часов отстреливался в пещере один против отряда британских карательных войск и предпочел погибнуть, но не сдаться? Чего добиваются мужественные киприоты?

Они хотят жить свободными в своей стране. Чтобы на каждом шагу их не подстерегали английские автоматы, чтобы их не обыскивали ежедневно, как преступников. Короче говоря, они требуют простого права быть хозяевами своего дома и самим решать свое будущее.

Основное население Кипра — греки. Современную кипрскую культуру, замечательный кипрский фольклор невозможно отделить от новогреческой культуры. Но богатство, красота и стратегическое положение этого острова с давних времен до наших дней привлекали чужеземных захватчиков — венецианцев, турок, англичан. В 1878 году Англия за несколько тысяч фунтов стерлингов купила Кипр у турецкого султана.

Демонстрантов в наручниках ведут в тюрьму.

Киприоты заявили первому английскому губернатору острова о своем желании воссоединиться с Грецией. С этого момента не прекращается борьба кипрского народа.

Во время второй мировой войны партия рабочего класса Кипра АКЕЛ и его молодежная организация АОН призвали народ к борьбе против фашизма. Тридцать тысяч молодых киприотов вступили добровольцами в армию и героически сражались в Италии, в Ливии, в Греции. Но в одно прекрасное утро герои антифашистской войны вновь очутились за колючей проволокой.

С тех пор с каждым годом оккупанты прибегают ко все более суровым мерам. В тюрьмы брошены шесть тысяч патриотов. Среди них национальный поэт Кипра Тевкрос Антиас и молодой поэт Ахилеас Пилиотис, стихи которого вы здесь прочтете.

* * *

Несколько фотографий лежат на столе передо мной... Вот демонстранта одиннадцати лет в коротких штанишках ведут в тюрьму английские солдаты... Двое англичан-полицейских топчут студента, схваченного при разгоне демонстрации на улице в Никозии... А вот школьников волокут в тюрьму в наручниках...

Сотни, тысячи юношей и девушек с флагами и плакатами в руках вышли на улицы Липасола. Рвутся бомбы со слезоточивым газом, и раздаются очереди автоматов. В первых рядах демонстрантов — учащиеся кипрских школ и рабочая молодежь в возрасте от 10 до 18 лет. Но что это за щиты в руках у английских солдат? Вместе со шлемами и панцирями их изготовили в Лондоне по специальному заказу для защиты колониальных войск от камней школьников. Вот до чего дошла мировая колониальная империя в тщетных многолетних усилиях подавить борьбу маленького, полумиллионного народа!

Я хочу, чтобы эти фотографии, дошедшие с дальнего острова, увидели вы, мои маленькие советские братишки, растущие под счастливой звездой десятой планеты, зажженной для счастья всего человечества.

СТИХИ О МЛАДШИХ БРАТЬЯХ

Ахилеас ПИЛИОТИС

Рисунки А. Шмаринова.

...У моей матери
взяли всех сыновей.
Остался последний,
маленький.
Ему бы сейчас забраться в ручей,
из спичечных коробков
мастерить ялики...
Но за дверью шаги.
Мать встает среди ночи,
сжимается тихо в комочек:
не за ним ли пришли враги?
Что могу я сказать тебе, мама?
Если за ним решили прийти,
то придут,
и возьмут,
и снова прикладом тебя оттолкнут,
что могу я сказать тебе, мама?

Я знаю, ты каждое утро
стираешь пыль с его книг,
готовишь ему портфель.
Я знаю, что вот уже столько недель
ты дрожишь, услыхав его голос:
— Я иду, мама.—
Он рукою тебе махнет,
лукаво тебе улыбнется...
— Я иду, мама.
Ах, если б ты знала, куда он идет,
если б знала, когда он вернется!
Хоть дома держи его, что ли?
Он идет в школу.
Никуда не сворачивая,
идет прямо.
Но кто знает, что ждет его в школе,
может быть, пуля...
Что могу я сказать тебе, мама?

Братья, смотрите,
такими бывают тираны
на последней ступеньке —
горе им! —
когда они катятся в бездну,
когда их подминает сапог железный
истории.
Братья, смотрите,
такими бывают народы
на вершине борьбы,
перед самой зарею свободы!

Перевел с греческого **А. Янов.**

Конечно, он такой же, как ты,
То же небо в его глазах
и тоска та же самая...
С такими глазами
разве уйдешь от тюрьмы
на нашей родине, мама!
Да, как нам,
ему чужды и робость и спесь;
видя горе людское,
не сможет остаться он нем...
Но если б мы не были
такими,
какие мы есть,
то чем бы мы были,
чем?
Без отчизны, без хижины, без стола.
Просто так.
Перекатная голь.
Заржавели бы кипрские колокола,
и знамена изъела б моль.
Но не будет того
никогда!

Эти детские руки
научились выстукивать
тюремные стенки,
эти нежные губы
научились молчать в застенках,
где калечат их дюжие кулаки,
где, конечно,
умеют развязывать языки
чудеса мастеров заплечных.
Наши дети...
Их бросают за колючую проволоку,
их вздергивают на виселицах высоко...
Их, беспомощных жаворонков,
их, у кого
на губах еще молоко...

Пионерам 5-го класса «Д» Юре Чванову и Саше Луговому совет отряда дал срочное задание: выпустить бюллетень.

«Мы первые,— выводят ребята. — Кто за нами?»

Присмотритесь к снимку слева, и вы сами догадаетесь, в каком деле этот отряд первый. Ну, конечно, он первым в своей дружине начал бороться за звание «отряда — спутника семилетки».

С тех пор, как ростовские ребята предложили создавать такие отряды, во многих дружинах появились застрельщики нового дела. Это самые дружные, самые инициативные ребята. А за ними идут другие. Кому хочется отставать?

Отряд 4-го класса «Б» тоже решил добиваться звания отряда-спутника.

А что для этого нужно? Чем помочь семилетке?

Ребята подумали: надо посоветоваться с рабочими из бригады коммунистического труда. Ведь у таких бригад и отрядов-спутников должно быть много общего.

МЫ ПЕРВЫЕ,

КТО ЗА НАМИ?

Ребята поговорили на трикотажной фабрике с бригадиром мотальщиц Ниной Горчаковой (снимок второй) и подумали: хорошо бы чем-нибудь помочь рабочим. А что, если каждую неделю приходить и помогать убирать цех? Так и было решено.

У каждой пионерской дружины есть шефы, есть и подшефные. Отряд 5-го класса «Д» отправился в детский сад. Мальчики сделали прекрасные деревянные лопатки, а поиграть с малышами в куклы поручили Зое Стукаловой и Зое Карповой (снимок вверху). У них ведь в таких делах богатый опыт!

Отряд 7-го класса «А» постановил: пока зима, всем выполнить требование третьей ступеньки по лыжам. И вот преподаватель физкультуры делает запись в личной книжке Саши Демьянова (снимок третий) — требование выполнено!

Постепенно сложились законы отрядов-спутников: «Всем вместе помогать старшим», «Один за всех, все за одного», «Всем классом из класса в класс», «Всем отрядом со ступеньки на ступеньку».

Сейчас уже четыре отряда 9-й калужской школы, где сделаны эти снимки, борются за звание «отряда — спутника семилетки». Кто будет первым? Ребята говорят: если уж присваивать отряду такое звание, так чтоб он был действительно лучшим, чтоб не зря на его флажке было вышито слово «спутник»! Это слово особенно ценят в 9-й школе — ведь она носит имя К. Э. Циолковского, человека, чьи идеи позволили создать искусственные спутники Земли.

Старая керосинка

Юрий СОТНИК

Рисунки И. Семенова.

КОМЕДИЯ В 3 ДЕЙСТВИЯХ 8 КАРТИНАХ

Действующие лица

ЛЕША БУРЕНУШКИН — 12—13 лет.
ВЛАДИМИР ПЕТРОВИЧ БУРЕНУШКИН — отец Леши.
ВЕРА ИВАНОВНА — мать Леши.
АНФИСА РОДИОНОВНА — бабушка Леши.
ОЛЯ ЗАКАТОВА — 12—13 лет.
ЛЮДМИЛА ВИКТОРОВНА — ее мать.
МИША ПРОТОПОПОВ — 12—13 лет.
ПРОТОПОПОВ — отец Миши.
КУЗЯ — 8—9 лет.
АНДРЕЙ — 7—8 лет (за сценой).
МАРИЯ ДАНИЛОВНА — мать Кузи, управдом.
ПАША и ИГНАТ САВРАСОВЫ — братья 12—13 лет.
САВРАСОВА — мать Игната и Паши.
ВИТЯ ЛАДОВ

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Двор, куда выходят фасады новеньких двухэтажных корпусов. Окно в домоуправлении открыто, и в нем видна работающая за столом Мария Даниловна. Во двор, держа под мышкой мяч, входит Кузя. С унылым видом он слоняется по двору, тоскливо оглядывая все окна, потом останавливается перед массивным столбом для фонаря. Подумав немного, он бежит в другой конец двора и приносит две половинки кирпича. Одну половинку он кладет справа от столба, другую — слева.

КУЗЯ. Одна штанга... другая штанга. Нет, не так! Чуть поуже ворота надо. **(Переставляет кирпичи.)** Одна штанга... другая штанга. **(Достав из кармана кусочек мела, рисует на столбе рожицу, туловище и ноги, затем на груди нарисованного человека выводит букву «Д» и отходит от столба.)** Ну, «Динамо», теперь держись! Теперь... теперь ты узнаешь, как со «Спартаком» играть! **(Кладет перед собой мяч.)** Внимание! **(Бьет по мячу.)** Удар! Есть! Один : ноль в мою пользу! **(Снова кладет мяч и целится.)** Испугался, да? Испугался! Сейчас увидишь! Сейчас мы тебе покажем! **(Бьет по мячу.)** Удар! Бах! Есть! **(Вскакивает на скамью, стоящую у стены, и изображает болельщика.)** Ура-а! Браво! Бис! «Спартак» два гола в одну минуту забил! **(Соскакивает на землю и, подталкивая мяч ногой, бегает по сцене.)** Во!.. Во!.. Нападающий Кузьма Тарелкин завладел мячом и... и... это самое... всех противников обходит. Во!.. Во!.. Бежит, бежит, бежит... Во!.. Сейчас это самое... сейчас ударит... Сейчас... **(Останавливает мяч руками и, прицелившись, бьет.)** Удар! **(Вскакивает на скамейку.)** Ура-а-а! Молодец Тарелкин! Вот это забил, так забил! А динамовцы все растерялись, бегают, натыкаются друг на друга. Эй вы, мазилы! Играть не умеете! И вратарь ваш никуда не годится! Эй ты, вратарь! Чего стоишь в воротах, как столб? **(Кузя вдруг умолкает и смотрит на разрисованный столб. Все оживление разом с него слетает. Спрыгнув со скамейки, он уныло плетется к окну домоуправления.)** Мам!

МАРИЯ ДАНИЛОВНА **(продолжает работать).** Что тебе?

КУЗЯ. Уж лучше бы мы не переезжали в новый дом. Правда?

МАРИЯ ДАНИЛОВНА. Это почему же? Там у нас одна комната была, а здесь — две; там я на работу за километр ходила, а здесь — в том же дворе.

КУЗЯ. Да-а!.. А зато в старом доме и Андрюшка Уткин живет и Клава Тарасова, а здесь мы уже неделю живем и даже совсем ребят нет. Думаешь, мне очень интересно со столбом в футбол играть? Ты бы вот попробовала поиграла!

МАРИЯ ДАНИЛОВНА. А вот ты и прозевал! Ты где-то гонял все утро, а за это время к нам две семьи въехали. И ребята с ними.

КУЗЯ **(оживившись).** Ой! Мама! А какие они? В какие квартиры они въехали?

МАРИЯ ДАНИЛОВНА. У Протопоповых мальчик, Мишей его зовут, а у Закатовых девочка, Оля. Вон, с балконом, их квартира.

Из своего подъезда выходит Буренушкин с двумя пустыми кошелками для продуктов. Вид у него сердитый.

КУЗЯ **(оглядывает двор).** Мама, ну где же они? Почему они не выходят?

МАРИЯ ДАНИЛОВНА. Погоди, устроятся на новом месте и выйдут. **(Замечает Буренушкина.)** Вот и у товарища Буренушкина сынишка есть. Только он в лагере сейчас. Так я говорю, товарищ Буренушкин?

БУРЕНУШКИН **(останавливается у окна).** Мой сын? Нет, он не в лагере. Моя жена и уважаемая... уважаемая мать моей жены предпочитают домашнее воспитание. К бабушке его отправили. В деревню. У него, на наше счастье, четыре бабушки: две родных и столько же двоюродных. **(Другим тоном.)** Я к вам, Мария Даниловна. За паспортом. Уезжаю.

МАРИЯ ДАНИЛОВНА. Вот те на! Не успели в поселок приехать, не успели прописаться и уже уезжаете?

БУРЕНУШКИН. Ничего не поделаешь: командировка.

МАРИЯ ДАНИЛОВНА **(роется в столе).** Значит, сынишка ваш не скоро приедет?

БУРЕНУШКИН. Напротив! Совсем наоборот. Он должен приехать через полчаса. Моя жена и... любящая бабушка моего сына — та, которая живет с нами,— слишком за него тревожились, а посему предпочли лишить его деревенского воздуха на три недели раньше окончания каникул.

МАРИЯ ДАНИЛОВНА. Ну, воздух и у нас в поселке неплохой. **(Протягивает Буренушкину паспорт.)** Сегодня едете?

БУРЕНУШКИН. Благодарю. Да. Через час на вокзал.

МАРИЯ ДАНИЛОВНА. Сын с поезда, а папа на поезд.

БУРЕНУШКИН. Да, именно так. Если папа вообще успеет на поезд. Мама с бабушкой так заняты устройством апартаментов для своего наследного принца, что папе самому приходится покупать себе продовольствие в дорогу. **(Взмахивает кошелками.)** Всего хорошего!

КУЗЯ **(бежит за Буренушкиным).** А вашему сыну сколько лет?

БУРЕНУШКИН. Тринадцать.

КУЗЯ. У-у! Уже большой! А как его зовут?

БУРЕНУШКИН. Лешей. Лешей Буренушкиным его зовут. **(Уходит.)**

КУЗЯ **(глядя ему вслед).** Леша Буренушкин... Во! Леша Буренушкин.

В домоуправлении звонит телефон. Кузя быстро оборачивается и смотрит на окно.

МАРИЯ ДАНИЛОВНА **(берет трубку).** Да-да!

ГОЛОС ТЕЛЕФОНИСТКИ. Тридцать два — сорок два? Можете пользоваться телефоном: включен аппарат.

МАРИЯ ДАНИЛОВНА. Вот за это спасибо!

КУЗЯ. Мама! Что это: телефон?

МАРИЯ ДАНИЛОВНА. Телефон. Включили уже.

КУЗЯ **(вскакивает на скамейку, стоящую под окном).** Мама, давай на старую квартиру позвоним, я с Андрюшей поговорю... Мама, можно? Мама!

МАРИЯ ДАНИЛОВНА. Ну уж конечно, как же со старым другом не поговорить! **(Набирает номер.)**

ГОЛОС АНДРЕЯ. Шлушаю!

МАРИЯ ДАНИЛОВНА. Вот он! Сам подошел. Андрюша, это ты, что ли?

ГОЛОС АНДРЕЯ. Я.

МАРИЯ ДАНИЛОВНА. Это тетя Маша с тобой говорит. Узнаешь?

ГОЛОС АНДРЕЯ. Ужнаю.

МАРИЯ ДАНИЛОВНА. Чего ж не здороваешься?

ГОЛОС АНДРЕЯ. Ждравштвуйте!

МАРИЯ ДАНИЛОВНА. Ты что, один? Мама-то где?

ГОЛОС АНДРЕЯ. Ушла.

МАРИЯ ДАНИЛОВНА. Ну, давай говори со своим другом. **(Передает трубку Кузе.)**

КУЗЯ. Андрюша, это знаешь, кто с тобой говорит? Это я говорю. Андрюша, здравствуй, как поживаешь?

ГОЛОС АНДРЕЯ. Ждравштвуй!

КУЗЯ. Андрюша, знаешь чего? А мы уже две недели в новом доме живем.

ГОЛОС АНДРЕЯ. Жнаю.

КУЗЯ. И у нас две комнаты целых, и сегодня телефон в домоуправлении поставили, и еще...

ГОЛОС АНДРЕЯ. Кужьма!

КУЗЯ **(не слушая).** И у нас еще знаешь, чего есть?.. У нас есть...

ГОЛОС АНДРЕЯ. Кужьма!

КУЗЯ. Чего? Андрюша!

ГОЛОС АНДРЕЯ. Отдай мою керощинку.

КУЗЯ. Чего?

ГОЛОС АНДРЕЯ. Керощинку мою отдай!

КУЗЯ. Чего? Какую керосинку?

ГОЛОС АНДРЕЯ. Мою. Которая беж фитилей и беж донышка которая. Я тебе не на шовшем ее дал. Только поиграть.

КУЗЯ **(после долгой паузы).** Андрюша, я не знаю, где она у меня. Андрюша, погоди, я сейчас у мамы спрошу. **(Прикрывает трубку рукой.)** Мама, где керосинка, которую мне Андрюша дал?

МАРИЯ ДАНИЛОВНА **(не отрываясь от работы).** Какая еще керосинка?

КУЗЯ. Ой, ну та же! Которая без фитилей и без верха которая... У нее еще донышко пробито.

МАРИЯ ДАНИЛОВНА **(продолжает работать).** Выбросила, должно быть. Стану я всякий хлам в новую квартиру перевозить!

КУЗЯ **(со слезами).** Выбросила, выбросила! Вот что я теперь ему скажу? **(В трубку.)** Андрюша, Андрюша, знаешь чего? У меня ее больше нет, этой керосинки: мама ее взяла и выкинула.

АНДРЕЙ. Я ничего не жнаю. Отдай керощинку, и все!

КУЗЯ. Андрюша, ну как же я ее тебе отдам? Мама же ее выкинула!

АНДРЕЙ. Отдай керощинку, и все! Не отдашь — я приду и тебе по шее надаю.

КУЗЯ. А я... а я... Очень я тебя испугался! Я тебе сам по шее надаю!

АНДРЕЙ. И не надаешь. Я ш шобой Вовку Пузикова вожьму и Димку Толштопятого вожьму, и мы придем и тебе по шее надаем.

КУЗЯ. А я... а мы... а у нас, знаешь, сколько во дворе ребят? Они, как вас увидят, так все на вас нападут и так надают, так надают, что вы и своих не узнаете. Вот!

АНДРЕЙ. И не надают. Там у ваш вще маменькины шынки, а мы Никиту Гришко ш шобой вожьмем. Он, шам жнаешь, какой хулиган. Он вщех маменькиных шынков камнями колотит.

КУЗЯ. Очень мы испугались! Очень мы испугались! Это у вас маменькины сынки, а у нас знаешь, кто есть? У нас... этот... у нас... как его... Во! У нас Леша Буренушкин есть! Он такой

отчаянный, что его даже взрослые боятся. Он вам всем, всем камнями головы прошибет.

МАРИЯ ДАНИЛОВНА **(нажимает на рычаг телефона).** Ну-ну! Хватит! Вояки! Не успели двух слов сказать, а уже поругались.

КУЗЯ. Да-а! А чего он грозится! Думает, у нас камней нет.

МАРИЯ ДАНИЛОВНА. Иди гуляй. Не мешай мне работать.

Кузя отходит от окна, подбирает половинки кирпичей, служившие ему штангами, и, взвесив их на руках, кладет у стены. Затем в поисках других камней он уходит со двора.

Из подъезда выходят Анфиса Родионовна и Вера Ивановна; в руках у Анфисы Родионовны большой букет.

АНФИСА РОДИОНОВНА. А этой Дарье Макаровне я напишу, я ей всю правду-матку выложу. Уж если ты берешь ребенка погостить, так изволь его до места проводить, а не заставляй одного пять часов ехать. Это тебе не посылка: сунула проводнику, и до свидания!

Появляется Буренушкин.

БУРЕНУШКИН. Позвольте, товарищи... Вы куда?

АНФИСА РОДИОНОВНА **(подходит вплотную к Буренушкину).** Голубчик! Очни-ись! Твой сын через десять минут приезжает! Сы-ын!

БУРЕНУШКИН. Минуточку, Анфиса Родионовна! Я прекрасно знаю, что сегодня приезжает мой сын, но я думаю, что Алексей не обидится, если его сегодня не встретят на вокзале. Как-никак, мне ведь тоже скоро надо на вокзал, а вещи еще не уложены.

АНФИСА РОДИОНОВНА. Да ты в своем уме, Владимир? Ребенок поселка в глаза не видел. Где он нас будет искать?

БУРЕНУШКИН. Но ведь адрес-то у этого ребенка есть, а от вокзала до нашего дома две минуты ходьбы... В конце концов, парню тринадцатый год, Анфиса Родионовна. Не понимаю, что с ним может случиться?

АНФИСА РОДИОНОВНА **(уперев руки в бока).** Не понимаешь, Владимир Петрович? А уж пора бы и понять! Или забыл, что он весной пережил, когда на него собака напала? Два часа мальчонка на заборе просидел! А прохожие не то чтобы помочь... Нет! Еще посмеиваются, глядя, как на него этот фокстерьер проклятущий тявкает! Ты это забыл?

БУРЕНУШКИН **(тихо, дрожащим от ярости голосом).** Вот что, Анфиса Родионовна: вы мне про этот случай с собакой не напоминайте. Я никогда себе не прощу, что позволил вам сделать из Алексея такого феноменального труса...

ВЕРА ИВАНОВНА **(очень мягко).** Володя! Володя, послушай меня! Мне кажется, что вопрос о воспитании Алеши — это не такой вопрос, чтобы его обсуждать так вот, на ходу... Давайте лучше решим, как нам быть с чемоданом. Может быть, маме пойти одной встретить Алешу, а мне помочь тебе уложиться?

БУРЕНУШКИН. Ну что ты глупости, Верочка, говоришь!.. Ну ты скажи: ты знаешь, где лежат мои рубахи и прочее белье?

ВЕРА ИВАНОВНА **(подумав).** Да... Это ты прав... Тогда, может быть, мы поступим так: мама останется тебя собирать, а я пойду встречу Лешу. Я думаю, что это будет наиболее разумным выходом из положения.

АНФИСА РОДИОНОВНА. Ну да! Уж ты встретишь! Как меня осенью встретила: я из Тбилиси еду, а она ленинградский поезд отправилась встречать.

ВЕРА ИВАНОВНА **(подумав).** Ну, тогда... тогда, может быть, так...

За сценой раздается гудок паровоза.

АНФИСА РОДИОНОВНА. Договорились! Уже поезд подошел! Теперь из вагона выйдет — ищи его! **(Убегает.)**

ВЕРА ИВАНОВНА **(подумав).** Ну, пойдем, Володя, как-нибудь уложимся. Все-таки одна голова хорошо, а две — лучше. **(Уходит с Буренушкиным.)**

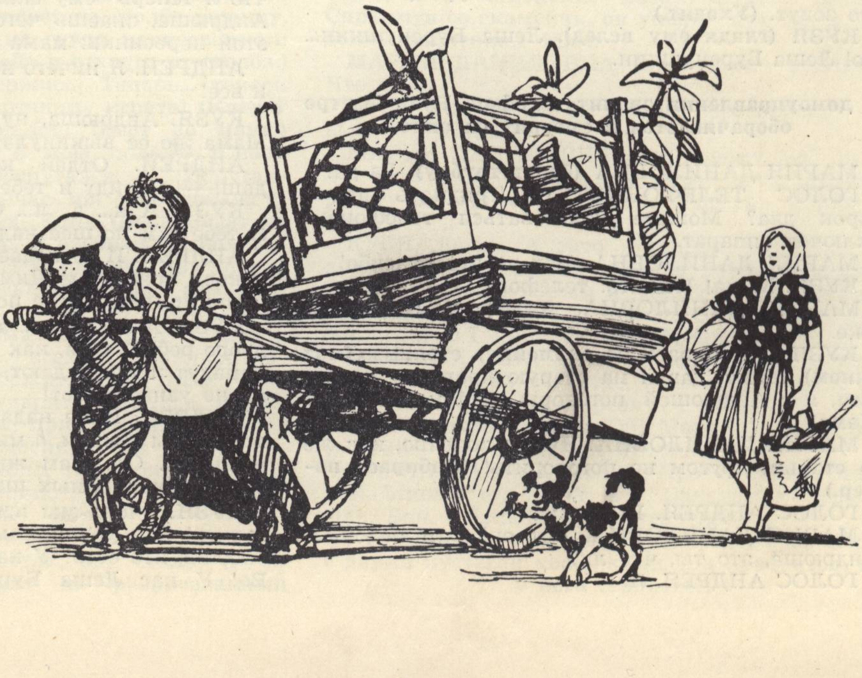
Во двор, таща тележку, нагруженную домашним скарбом, входят Игнат и Паша. За тележкой идет Саврасова. Она останавливается у подъезда, в котором живут Буренушкины. Из домоуправления выходит Мария Даниловна.

МАРИЯ ДАНИЛОВНА. Ну вот, и двенадцатая занята. С новосельем вас! **(Передает Саврасовой ключи.)** Теперь, значит, наша коробочка полна. А я все думала: что это в двенадцатую так долго не едут? Уж не случилось ли чего?

САВРАСОВА. Да нет. Вот помощников своих ждала. Только вчера из деревни приехали.

МАРИЯ ДАНИЛОВНА. Отдыхали?

САВРАСОВА. Какое отдыхали! Всю жизнь там провели. Пока я в общежитии жила, куда мне их

было брать! **(Вместе с ребятами распутывает веревку, которой перевязаны вещи.)**

МАРИЯ ДАНИЛОВНА. А мужа-то нет, что ли?

САВРАСОВА. Помер. В пятьдесят четвертом.

МАРИЯ ДАНИЛОВНА. С двумя, значит, осталась... То-то, я смотрю, на себе перевозите.

САВРАСОВА. Вещи-то? Да нет! У меня на машину деньги были отложены. Это все телята мои: «Давай да давай мы вещи сами перевезем, а деньги подкопим да радиоприемник купим». **(Сыновьям.)** Ну, вы разгружайте пока, а я пойду гляну, что куда ставить.

Взяв с тележки два узла, Саврасова уходит в подъезд. Мария Даниловна возвращается в домоуправление. Мальчики некоторое время молча разгружают тележку, потом Паша прерывает работу и оглядывается.

ПАША. Культурненько здесь, да?

ИГНАТ. А ты думал!..

ПАША. Небось, и ребята здесь все культурные. А, Игнат?

ИГНАТ. Угу!

ПАША. Теперь держи ухо востро! Чтобы полный порядочек был. Тут не походишь как попало: что надел, то и ладно. Тут надо, чтобы все чистенько было, аккуратно... Правильно я говорю?

ИГНАТ. Платки надо носовые купить.

ПАША. Ага! Только на одних платках далеко не ускачешь, надо, чтобы и обращение у нас было как полагается: «Спасибо вам», «Пожалуйста» и все такое... А то еще скажут: «Приехали тут какие-то!»

На балконе появляется О л я. Она уже одета в новую кофточку и юбку, тщательно причесана.

ИГНАТ **(толкает локтем Пашу)**. Гляди!

Оля делает вид, что не замечает мальчиков.

ПАША **(увидев Олю, тихонько стонет)**. О-ой!

В страшном смущении он оглядывает свой костюм, затем прячется за тележку и, присев там, с лихорадочной поспешностью приводит себя в порядок: приглаживает ладонями вихры, заправляет старую рубашку в драные штаны, пытается застегнуть ворот, забыв, что на нем нет ни одной пуговицы.

ЛЮДМИЛА ВИКТОРОВНА **(за сценой)**. Оля!

Оля уходит в комнату.

ПАША **(не спуская глаз с балкона, вылезает из-за тележки)**. Как в кино!

ИГНАТ. Чего «как в кино»?

ПАША. Девчонка... Ну совсем как в кино. А мы-то с тобой вроде шпана какая-то. Что же она теперь про нас подумает, а, Игнат?

ИГНАТ. А чего ей думать! Переоденемся — не хуже других будем.

ПАША **(все еще глядя на балкон)**. Оля ее зовут. Ольга, значит... Игнат! А вдруг она в этом дворе вовсе и не живет? Вдруг она только в гости к кому-нибудь пришла?

ИГНАТ. Ну, пришла и пришла! А тебе-то что?

Паша смотрит на Игната, открыв рот, собираясь что-то сказать, потом, махнув рукой, принимается за работу. Вбегает К у з я, прижимая к груди кучу камней. Ссыпая камни у стены, он замечает мальчиков и принимается их разглядывать.

ПАША **(Кузе)**. Эй! Слышь-ка... Поди сюда! **(Кузя с готовностью подбегает.)** Ты вот чего... Ты...

Как бы тебе такое сказать... Вон тот балкон видишь?

КУЗЯ **(смотрит на Олин балкон)**. Вижу.

ПАША. Н-да!.. Слушай-ка... А там проживает кто или так, пустая квартира стоит?

КУЗЯ. Проживает. Там эта... как ее... Во! Там Оля Закатова живет. Ух, отчаянная! Так маменькиных сынков лупит, просто ужас!

ПАША **(оторопело смотрит на Кузю, потом обращается к Игнату)**. Слыхал?

ИГНАТ. А это кто такие, маменькины сынки?

КУЗЯ. Ну, это которые маму с папой слушаются, одеваются чисто и еще которые вежливые... Их все здесь лупят. У нас все мальчишки самые на весь поселок отчаянные. А еще у нас Леша Буренушкин есть, так такой хулиган, что его даже взрослые боятся!

ПАША **(тихо Игнату)**. Слыхал?

ИГНАТ **(тихо Паше)**. Попали мы с тобой!

Из подъезда выходит С а в р а с о в а.

САВРАСОВА. Ну, работяги, тащите вещи да поскорей за шкапом пойдем.

Взяв оставшиеся вещи, Саврасова и Игнат уходят в подъезд. Паша взваливает себе на голову стол, но задерживается на крыльце и обращается к Кузе.

ПАША **(кивая на Олин балкон)**. Слушай-ка... А за что она их... так шибко ненавидит?

КУЗЯ. Кого?

ПАША. Ну, тех... которые вежливые.

КУЗЯ. Маменькиных сынков? Ну, потому, что она сама очень отчаянная. Она только таких любит, которые смелые, со всеми дерутся и все такое... которые отчаянные, одним словом.

ПАША **(тяжело вздыхает)**. Чудо! **(Идет со столом на голове к подъезду, но потом снова оборачивается к Кузе.)** Слушай! Тебя как звать?

КУЗЯ. Кузей.

ПАША **(понизив голос)**. Кузя... Ты вот чего...

Поди-ка сюда. **(Кузя приближается к нему вплотную. Паша еще сильней понижает голос.)** Ты, как ее увидишь, Ольгу эту, ты ей скажи, что я тоже страсть какой хулиган. Скажешь?

КУЗЯ. Скажу. А ты правда хулиган?

ПАША. Вот тебе честное пионерское! Со мной прямо сладу никакого нет. Я аж до того дошел, что меня из деревни выгнали. Я там все стекла в избах перебил. Ты так и скажи: Пашка, мол, Саврасов. Все стекла, мол, вышиб. Ни одного не оставил. Скажешь, да?

КУЗЯ **(радостно).** Конечно, скажу! Я всем ребятам скажу. Они будут так рады, так рады!

Паша уходит в подъезд. Кузя убегает. Вскоре из подъезда выходят Буренушкин и Вера Ивановна. Из-под крышки чемодана, который несет Буренушкин, разноцветными клочками высовывается белье, болтается дамский капроновый чулок.

БУРЕНУШКИН. Странно! Поезд давно пришел, а наших все нет.

ВЕРА ИВАНОВНА. Знаешь, Володя, по-моему, мы все-таки допустили какую-то ошибку при укладке чемодана. Тебе не кажется, что из него слишком уж все торчит? И мой чулок почему-то в него попал...

БУРЕНУШКИН **(смотрит на чемодан).** Н-да!

Во двор входят Анфиса Родионовна и Леша. Вид у Леши потрепанный, чемоданчик и костюм его перепачканы грязью, большая папка с гербарием разорвана. Букет в руке Анфисы Родионовны похож теперь на разлохмаченный веник. Поджав губы, Анфиса Родионовна с каменным лицом приближается к дочери и зятю.

Те остолбенело смотрят на нее и на Лешу.

ЛЕША **(грустно).** Здравствуйте!

БУРЕНУШКИН. В чем дело? Что случилось?

АНФИСА РОДИОНОВНА. А вот то и случилось, что уж больно ты хороший отец.

БУРЕНУШКИН. Но что все-таки произошло?

АНФИСА РОДИОНОВНА. А вот то и произошло: избили твоего ребенка.

БУРЕНУШКИН. Да как же это получилось, Алексей?

ЛЕША. Я вышел из вагона, подождал немного и вижу, вас нет. Тогда я достал адрес и решил сам идти. Выхожу на площадь перед вокзалом, и сразу ко мне двое каких-то: «Покажи да покажи, что у тебя в папке!» Я им, конечно, не отвечаю, только шагу прибавил, а они хвататься за папку начали. Тогда я вырвал папку и бежать... Не хотелось связываться... А они догнали меня и с кулаками... Их двое, а я один.

АНФИСА РОДИОНОВНА **(Буренушкину).** Это тебе наука, Владимир: вперед будешь понимать, что за ребенком присмотр нужен. Прибегаю на площадь, оглядываюсь, нет ли где моего Лешеньки, а от Лешеньки — нате вам! — только ноги торчат! А те двое — бандиты-то эти! — ему и подняться не дают. Он чу-уть из канавы вылезет, а они его обратно в канаву, обратно в канаву! И ведь какие маленькие, от земли не видать, небось, и в школу еще не ходят, а уже какие нахальные. Вон! Весь букет об них испортила. Мне бы надо туфлю снять да туфлей их, туфлей, а я, дура старая, букетом. **(Замечает чемодан Буренушкина.)** Ма-атушки! Это кто же так его уложил? Вера, конечно. **(Берет чемодан и несет его в дом.)** Ай, умница! Ай, золотые руки! **(Уходит.)**

БУРЕНУШКИН **(медленно приближается к Леше).** Позволь, позволь! Это что же такое... Это выходит, что ты, тринадцатилетний балбес, позволил над собой издеваться вот таким малышам... Так я понял Анфису Родионовну?

ЛЕША. Но... ведь они... Ведь их же было двое!

БУРЕНУШКИН. Да хотя бы десять их было, черт побери!

ЛЕША. Ну, я признаю, я немножко растерялся...

БУРЕНУШКИН. Струсил ты! Струсил, а не растерялся. Струсил потому, что растешь нравственным уродом! Струсил потому...

ВЕРА ИВАНОВНА. Володя! Володя, послушай меня! Ты же уезжаешь... ну зачем такие сцены перед расставанием!..

БУРЕНУШКИН. Молчать, черт побери! Я рад, что уезжаю из дома, где мать знать ничего не знает, кроме своей диссертации, где она, разинув рот, смотрит, как калечат ее ребенка идиотским воспитанием! Я рад, черт меня совсем побери!..

АНФИСА РОДИОНОВНА **(кричит из окна).** Ты погромче, погромче еще!.. Воспитатель!

БУРЕНУШКИН **(несколько сбавив тон).** Ну неужели тебе самому не противна такая жизнь? Ведь к тебе и пристают-то лишь потому, что ты маменькин сынок с головы до пяток, и это за километр видно. Ведь ни один порядочный мальчишка не любит трусов, не любит маменькиных сынков. Я сам знаешь, как их ненавидел! Да я их так лупцевал, что пух да перья летели! Ты думаешь, я на тебя походил? Да мне было легче умереть, чем показаться трусом! Какой бы силач ко мне ни пристал, я раз его — и в ухо! Я не то что кого-нибудь бояться, я сам всю улицу в страхе держал. Да какое там улицу! Весь город дрожал, стоило мне только на прогулку выйти. «Спасайся, кто может,— кричали,— Володька Буренушкин идет!»

АНФИСА РОДИОНОВНА **(появляется с чемоданом на крыльце).** Ври, ври больше! Так бы я свою дочь и выдала за чудо-юдо такое. **(Ставит чемодан перед Буренушкиным.)** А ты, Лешенька,

хоть он тебе и отец, не слушай его. Бога надо благодарить, что мальчонка вырос тихий да деликатный. Идемте! До поезда десять минут осталось.

БУРЕНУШКИН (**берет чемодан**). Прекрасно! Прошу меня не провожать. Я не хочу иметь дела с семьей, где так попирается мой родительский авторитет. (**Идет к воротам.**)

ВЕРА ИВАНОВНА (**удерживает Буренушкина**). Володя! Ну так же нельзя! Володя!

БУРЕНУШКИН (**ставит чемодан на землю и, достав из портфеля голубую бумажку, протягивает ее Леше**). Вот! Вот, Алексей, тебе бланк для телеграммы. Когда совершишь хотя бы один смелый поступок, можешь мне телеграфировать. А до тех пор я не имею с тобой никакого дела. И... и прошу меня не провожать! (**Забирает чемодан и уходит.**)

ВЕРА ИВАНОВНА. Володя! Ну, Володя! (**Уходит за Буренушкиным.**)

АНФИСА РОДИОНОВНА. Ну-у, семейка! Лешенька, ты уж его не провожай, не дразни его. А я побегу. Как бы они и в самом деле на прощание не поругались. (**Уходит.**)

Оставшись один, Леша долго смотрит на телеграфный бланк, затем аккуратно складывает его и кладет в верхний карман курточки.

Некоторое время он стоит, оглядывая свой костюм, и вдруг с решительным видом начинает срывать с него пуговицы. Покончив с пуговицами, ерошит волосы. Затем подходит к застекленной двери, смотрит в нее, как в зеркало, потом оборачивается к публике, прищурив один глаз, выпятив нижнюю челюсть.

ЛЕША. Ну, теперь попадись мне сегодняшние двое! (**Представляет себе, что перед ним мальчишки.**) Чего-чего-чего? Папку тебе посмотреть? Я тебе покажу папку! На! (**Бьет кулаком по воздуху.**)

Во двор вбегает К у з я. Увидев Лешу, он приостанавливается, потом медленно приближается к нему.

ЛЕША (**не замечая Кузю, машет кулаками**). На!.. На!.. На, мерзавец такой! На, получай!

КУЗЯ (**глядя на Лешу, тихонько**). Во! Во! Во дает! Во!

ЛЕША. Еще хочешь, да? Еще хочешь... На! (**Трясет воображаемого противника.**) Я вам, маменькиным сынкам, покажу! Г-голлыми ррррукками зззадушу! (**Замечает Кузю и с испугом смотрит на него.**)

КУЗЯ (**почтительно**). Мальчик, здравствуй! Тебя, наверно, Леша Буренушкин зовут?

ЛЕША (**испуганно**). Ме-меня?.. (**Пауза.**) Ага.

КУЗЯ. Во! Я тебя сразу узнал. А меня Кузя зовут. Кузьма Тарелкин. Я тоже в этом доме живу. Тут вообще все мировецкие ребята живут. Они, знаешь, как маменькиных сынков лупят!..

ЛЕША. Как... как это... лупят?

КУЗЯ (**радостно**). Смертным боем! Как увидят маменькиного сынка, так все на него — раз! И лупят.

ЛЕША (**начинает дрожать**). За... за что?

КУЗЯ. Просто так. Для удовольствия, потому что у нас ребята все очень мировецкие. У нас даже девочки такие хулиганки, ничуть не хуже мальчишек. Вот увидишь! Они сейчас все сюда придут.

ЛЕША. За... зачем придут? Я им ведь ничего не... (**Вынимает из кармана бланк, смотрит на него и снова, спрятав в карман, делает зверское лицо.**) Пу-пу-пусть приходят! Я... я им по-по-по-покажу! Я... я сейчас те-тебя та-та-та-так изуродую, что... что... что... (**Слегка шлепает Кузю ладонью по затылку и отскакивает от него.**) Вот тебе! По-по-получил?

КУЗЯ (**с восхищением**). Во дерется-то!

Появляется М а р и я Д а н и л о в н а.

МАРИЯ ДАНИЛОВНА. Ты чего же это к маленьким пристаешь?

ЛЕША (**тихонько**). Ой! (**Присел и зажмурился.**)

МАРИЯ ДАНИЛОВНА. Идем, Кузьма. Там еще кто-то приехал.

Уходит вместе с Кузей.

ЛЕША (**медленно открывает глаза, оглядывается**). Ушла! (**Задумался.**) На маленького напал, а как взрослая на меня цыкнула, так сразу и... (**Вынимает бланк, снова прячет и оглядывается.**) Куда она ушла? Туда? Или туда? (**Убегает в сторону, противоположную той, куда ушли Мария Даниловна с Кузей.**)

Из подъезда выходят С а в р а с о в ы и, забрав тележку, удаляются. Из корпуса налево выходит М и ш а.

МИША (**глядя на Олин балкон**). Закатова! Ольга!

На балконе появляется О л я.

ОЛЯ. Миш! У тебя хорошая комната?

МИША. Ничего. Работать можно.

ОЛЯ (**улыбается**). Жаль только, что у тебя балкона нет. Правда?

МИША. А к чему он? Чай на нем, что ли, распивать?

ОЛЯ. Вот еще!.. Вовсе не чай... Очень удобно к перилам веревку привязать и по ней спускаться и подниматься.

МИША. А это еще зачем?

ОЛЯ. Ну как зачем? А вдруг у нас какое-нибудь приключение будет! (**Думает.**) Мишка! Представь себе полночь. Гроза. Буря. И ты вдруг узнал, что нам нужно немедленно пойти на кладбище и кого-нибудь там спасти.

МИША. Поехала!

ОЛЯ. И вот ты ставишь на подоконник зажженную лампу — условный сигнал... Я вижу его и выхожу на балкон. Подо мной темная бездна... Секунду я колеблюсь, а потом...

МИША. Интересно, когда ты в себя наконец придешь? На той квартире черт знает что молола и здесь тоже продолжаешь. Тебе двенадцать лет стукнуло, а в голове у тебя такое... прямо не знаю, как даже выразиться.

ОЛЯ. Ну и пусть! Ничего тут плохого нет, если человек хочет интересной жизни.

МИША. Вот я к тебе по поводу интересной жизни и пришел. Спускайся сюда. У меня один план есть.

Оля уходит с балкона и появляется из своего подъезда.

ОЛЯ. Ну?
МИША. Мы должны организовать здешних ребят.
ОЛЯ. Как это?
МИША. А вот так: мы пойдем к управдому и потребуем, чтобы нам устроили пионерскую комнату. Там будет наш штаб. Там мы будем составлять план работы и оттуда будем руководить.
ОЛЯ. Чем руководить?
МИША. Ну, всякими мероприятиями. Ты понимаешь, какой мы авторитет завоюем!.. Не успели дом заселить, а уже нашлись энергичные, инициативные пионеры, которые сплотили неорганизованных ребят и наладили среди них воспитательную работу. Понимаешь, какой авторитет?.. О нас даже в газете могут написать. Когда ребята в школе узнают, тогда будут каяться, тогда поймут, какого человека они даже звеньевым не выбрали. Тогда не то что звеньевым — председателем совета дружины выберут. Понимаешь?
ОЛЯ. Ну, а чем мы все-таки станем заниматься?

Появляется Кузя. Он поглаживает затылок и чему-то улыбается. Миша замечает его.

МИША **(Оле).** Это мы потом обсудим, а сейчас надо взять на учет здешних ребят. **(Кузе.)** Эй! Подойди сюда. **(Кузя подходит.)** Ты здесь живешь?
КУЗЯ. Ага! **(Он немного робеет перед строгим Мишей.)**
МИША. Ты всех ребят тут знаешь?
КУЗЯ. Всех. У нас тут все очень мировецкие ребята...
МИША. Какие они — это мы тебя потом спросим. **(Вынимает из кармана блокнот с карандашом и протягивает Оле.)** Я буду задавать ему вопросы, а ты составляй список: слева — имя и фамилию, а справа — краткую характеристику. **(Кузе.)** Так! Ну, говори, кто здесь живет. Фамилия? Имя?
КУЗЯ. Буренушкин Леша.
МИША. Характеристику давай.
КУЗЯ. Чего?
МИША. Характеристику краткую: какой у него характер, чем любит заниматься?
КУЗЯ. Драться очень любит. Он меня чуть насмерть не убил. Как наскочит!.. От злости даже заикается.
МИША **(Оле).** Пиши: Буренушкин Леша, злостный хулиган. **(Кузе.)** Следующий кто?
КУЗЯ. Следующий — Саврасов Паша.
МИША. Характеристика?
КУЗЯ. Он в деревне все стекла перебил, и его оттуда выгнали, потому что с ним сладу никакого нет.
МИША. Да что, у вас все, что ли, такие?
КУЗЯ. Ага! Все! У нас ни одного маменькиного сынка нет. У нас, наоборот, всех маменькиных смертным боем бьют.
МИША. Ничего себе народ! Как же с ними работать?
ОЛЯ **(тихо Мише).** Миш! А тебе не кажется, что ты сам похож на маменькиного сынка?
МИША. Что ты хочешь этим сказать?
ОЛЯ. Интересно, как ты будешь здесь руководить? И вообще, это очень интересно, какая у тебя будет дальнейшая судьба.
МИША. А ты, думаешь, на маменькину дочку не похожа? Ты погляди на себя!

Оля молча оглядывает свой костюм. Во двор входит Саврасова, за ней — Игнат и Паша. Они тащат тележку, на которой лежит солидных размеров шкаф.

ПАША **(указывает Игнату на Олю).** Гляди! Опять она!
КУЗЯ **(указывает на Саврасовых).** Во! Вон тот самый, который в деревне стекла перебил. А тот — его брат.
МИША **(тихо Оле).** Ну и верзилы!

Саврасовы останавливаются перед подъездом и принимаются развязывать веревку. Появляется Мария Даниловна.

МАРИЯ ДАНИЛОВНА **(Саврасовой).** Ого! Неужели сами дотащили?
САВРАСОВА. Сами. У меня работники что надо! **(Уходит в подъезд.)**

Паша снимает с тележки довольно большой осколок стекла и бережно прислоняет его к стене.

МАРИЯ ДАНИЛОВНА **(смотрит на Пашу).** И стекло откуда-то притащил. Про запас, что ли?
ПАША. Ага. Я его на дороге нашел, а оно, глядите, какое: его в форточку можно вставить в случае, если разобьется.
МАРИЯ ДАНИЛОВНА. Ишь, какой хозяйственный!

На сцену вбегает Леша.

КУЗЯ **(тихо Маше и Оле).** Во! Сам Леша! Сам Буренушкин!
ЛЕША **(остановился, увидев Марию Даниловну).** Вот она! **(Некоторое время колеблется, затем, перекосив лицо, бросается к Марии Даниловне.)** А вам какое дело! Очень я вас испу-пугался! По-подумаешь тоже!
МАРИЯ ДАНИЛОВНА. Ты что, больной, что ли? Откуда ты взялся?
ЛЕША. Ниоткуда не взялся! Это вы откуда взялись! Очень я вас испугался!
ПАША **(тихо Игнату).** Гляди! На саму управдомшу!
МАРИЯ ДАНИЛОВНА **(приглядевшись к Леше).** А! Это ты Кузьму моего ударил? Твоя как фамилия?
ЛЕША. А вот и я ударил! А вот и Бу-буренушкин — моя фамилия! А вам ка-какое дело? Чечего вы лезете!
МАРИЯ ДАНИЛОВНА. Я к тебе лезу? **(Идет к домоуправлению.)** Да я с таким ненормальным и разговаривать не стану. Я уж лучше с твоим папашей, когда он вернется, поговорю. **(Уходит.)**

Леша смотрит ей вслед, не зная, что делать дальше. Ребята поглядывают на него. Оля одной рукой быстро растрепывает волосы, другой выдергивает кофточку из юбки. Миша, взглянув на нее, поднимает воротник пиджака и спускает на лоб длинный чуб. Игнат, покосившись на Мишу и Олю, сдвигает кепку набекрень. Паша смотрит на брата, потом на ребят и, присев за тележкой, распахивает ворот рубашки, ерошит волосы.

ПАША **(тихо).** Зря только пуговицы пришивали.
ЛЕША **(боязливо озираясь).** Черт! Ну и рожи!

Коленки его начинают дрожать. Он тихонько пятится, но потом останавливается. Вынимает из кармана бланк, смотрит на него, прячет обратно в карман и вдруг, дико заверещав, бросается с кулаками на братьев Саврасовых. Те пятятся, вяло отмахиваясь от него.

ПАША. Во дурной-то! Чего ты?.. Чего мы тебе сделали?

ИГНАТ. Постой! Эй! Как тебя... Лешк! Ну, чего ты... Лешк!

Оставив Саврасовых, Леша с визгом кидается к Оле, Мише и Кузе. Те бросаются врассыпную. Леша останавливается.

ЛЕША **(сам с собой).** Испугались! **(Оглядывается.)** Они испугались!! **(Оглядывается.)** Что, испугались?! **(Расправляет плечи, очень громко.)** Что, ма-маменькины сынки, получили? Я вам еще покажу! Я вас всех тут насмерть переуродую. Ненавижу маменькиных сынков! **(Делает шаг вперед.)** У-у!

Ребята невольно шарахаются.

КУЗЯ **(осторожно).** Леша, а тут маменькиных сынков и вовсе нет. Леша, эти ребята, наоборот, все очень хорошие хулиганы.

ЛЕША. Чего? А-а! Ну, то-то! А то я всех... А то я так... Пусть только попробуют...

Пауза. Игнат подходит к шкафу.

ИГНАТ **(угрюмо Паше).** Берем, что ли?

ПАША **(со вздохом).** Взяли!

Саврасовы легко поднимают шкаф и уносят его в подъезд. Леша, разинув рот, смотрит им вслед. Он близок к обмороку. Остальные ребята с изумлением поглядывают то на подъезд, в котором скрылись братья, то на оцепеневшего Лешу. Появляются В е р а И в а н о в н а и А н ф и с а Р о д и о н о в н а.

АНФИСА РОДИОНОВНА. Вот, Лешенька, и проводили папу. Ну, как комнатка? Понравилась?

ЛЕША. Ой, какая там комнатка! **(Бежит за ними к своему подъезду.)** Бабушка! Мама! Скорее бумагу и карандаш... И денег на телеграмму... Как папин адрес? Как папин адрес?

ВЕРА ИВАНОВНА. Казань, Главпочтамт, до востребования. А что случилось, Алексей?

ЛЕША. А то случилось, что я стал человеком! Деньги! Бумаги хотя бы клочок, карандаш!

Вера Ивановна достает из сумки требуемые вещи.

АНФИСА РОДИОНОВНА. Да ты нам хоть намекни, что за радость такая.

ЛЕША. Ничего сейчас не скажу. Потом! Ну, идите! Потом!

Взрослые уходят. Леша садится на ступеньках и пишет.

ЛЕША **(диктует сам себе).** Казань, Главпочтамт, востребования Буренушкину. Набил морду двум здоровенным мальчишкам. Целую Леша. **(Перечитывает написанное, задумывается.)** «Морду» еще не примут на телеграфе: грубо как-то. **(Исправляет и снова читает.)** «Набил лицо двум здоровенным мальчишкам». **(Вскакивает и подбегает к Кузе.)** Эй, ты! Знаешь, где телеграф?

КУЗЯ. Знаю.

ЛЕША. Живо! Проводи меня!

Леша и Кузя убегают. Оля и Миша медленно прохаживаются по двору.

ОЛЯ **(взволнованно).** Мишка! Ты видел когда-нибудь такого человека? Те, двое, целый шкаф, как пушинку, поднимают, а он один напал на них и даже глазом не моргнул.

МИША. Д-да-а! Бандит самый настоящий.

ОЛЯ. Почему обязательно бандит? Может быть, он только с виду такой грубый, а душа у него благородная. А то, что он маменькиных сынков терпеть не может, так ни один мужественный человек их не любит. Мишк! Ты знаешь, у меня какая мысль? Он, может быть, мстит маменькиным сынкам?

МИША. Чего-чего?

ОЛЯ. Мстит. Представь себе так: у него есть брат, маменькин сынок и подлиза. И этот брат клеветал на него, клеветал, клеветал, и вот теперь родители Лешу разлюбили, в школе от него отказались, и он совершенно одинок. И вот он мстит теперь... Мстит всему роду маменькиных сынков.

МИША. Знаешь что?.. Иди-ка ты домой и там мели всякую чепуху, сколько тебе вздумается. Честное слово! Тут ломаешь себе голову, как работать с этими хулиганами, а тут...

ОЛЯ. Ну и пожалуйста! Тебя в школе звеньевым не выбрали, а к таким боевым ребятам ты и вовсе не суйся. Чтобы организовать работу, надо авторитет иметь, а тебя Буренушкин чуть самого не отколотил, как маменькиного сынка.

МИША. Еще неизвестно, кого он хотел отлупить, меня или тебя.

ОЛЯ. Ну и пусть! Я-то знаю, как доказать ему, что я не маменькина дочка, а вот ты попробуй докажи! «Организатор»! **(Уходит.)**

МИША **(в раздумье ходит по сцене).** Д-да-а! Положеньице! Без авторитета и правда работу не наладишь. А как его завоевать у таких, этот авторитет? **(Думает.)** Задачка! Может, камнем при них в окно запустить? Глупо, конечно, но, как видно, придется для пользы дела. **(Оглядывает окна.)** Чужие окна бить рискованно. Придется по своему бабахнуть, а если отец увидит, сказать, что нечаянно. **(Вздыхает.)** Черт! Трудная это штука — работа с массами! **(Уходит.)**

На балконе появляется О л я. Она привязывает к перилам веревку, сбрасывает ее вниз и скрывается в комнате. Появляются братья Саврасовы.

ПАША **(берет привезенный им кусок оконного стекла).** Гляди! Аккурат на форточку хватит. Стеклорезку достать, вырезать и вставить...

ИГНАТ. А как промажем да в окно попадем?

ПАША. Не! Я не промажу! Сам знаешь, какой

я меткий: я прямо в форточку попаду. Игнат, давай! А?

ИГНАТ **(чешет в затылке).** Вообще-то надо бы чего-нибудь учудить.

ПАША **(горячо).** Ой, надо, Игнат! Ну прямо во как надо! Мы и так перед этим Буренушкиным, как дураки, стушевались... А еще эта Ольга на нас смотрела. Игнат! Ведь они нас и за людей считать не будут. Ну, что поделаешь, если у них тут мода такая, чтобы каждый хулиганом был!

Из подъезда появляется Оля.

ИГНАТ **(вполголоса Паше).** Ладно! Гляди! **(Указывает глазами на Олю.)**

Появляется Миша, одетый в какую-то рванину, с испачканным лицом. В молчании все действующие лица расхаживают по сцене, косясь друг на друга, стараясь придать себе как можно более независимый и разухабистый вид. Проходя мимо камней, принесенных Кузей, Паша и Миша берут по куску кирпича и подбрасывают их на ладонях, продолжая свою прогулку. Появляются Леша и Кузя.

МИША **(дико кричит).** Бе-е-ей! **(Бросает камень в окно.)**

Бросает камень и Паша. Звенят разбитые стекла. Игнат, вскочив на тележку, свистит в два пальца. Ольга, уцепившись за веревку и раскачиваясь на ней, карабкается вверх

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Комната в квартире Буренушкиных. Входят Анфиса Родионовна и Вера Ивановна с букетом цветов.

АНФИСА РОДИОНОВНА. Ну, дай я тебя как следует поздравлю: на людях-то неудобно было. **(Обнимает Веру Ивановну.)** Кандидат ты мой! **(Целует.)** Ученая ты моя человечина! **(Целует.)** Умница моя! **(Целует и всхлипывает.)** Доченька!

В дверях появляется Леша. На нем рваный костюм, под распахнутым пиджаком грязная майка, кепка сдвинута на затылок.

ЛЕША **(с порога).** Защитила?! Диссертацию!!!

АНФИСА РОДИОНОВНА. Блес-тя-ще!

ЛЕША. Ура-а-а! **(Бросается к матери, целует и тормошит ее.)**

АНФИСА РОДИОНОВНА. Ну, хватит, хватит! Совсем мне ее задушишь. Давайте-ка отца порадуем. **(Открывает сумочку и, достав оттуда деньги, передает их Леше.)** На-ка вот... Сбегаешь на телеграф.

ЛЕША. Ура-аа! **(Схватив деньги, бежит к двери.)**

АНФИСА РОДИОНОВНА. Да стой ты, сумасшедший! Телеграмму-то... Телеграмму-то надо составить или нет? **(Леша возвращается. Анфиса Родионовна садится к столу.)**

ЛЕША **(диктует).** Казань, почтамт, востребования.

АНФИСА РОДИОНОВНА. Сама знаю, что Казань, до востребования. **(Пишет.)** Интересно, Владимир в Казани уже или все по районам ездит? **(Пишет.)** Если в Казани, небось, каждый день на почтамт бегает! **(Пишет и, взяв в руки листок, встает из-за стола.)** Ну, слушайте, как я составила: «Поздравляем женой тире кандидатом. целуем, обнимаем, мама, бабушка, Леша».

ЛЕША **(берет у нее листок).** Вот здорово! Ну совсем как я!

АНФИСА РОДИОНОВНА. Что как ты?

ЛЕША. Я сегодня папе тоже телеграмму послал и точно так же закончил: «Целую, обнимаю, Леша».

ВЕРА ИВАНОВНА. О чем же ты ему телеграфировал?

ЛЕША **(с увлечением).** О себе. Мама, у папы сегодня двойная радость будет: ты диссертацию защитила, а я сегодня такого достиг, о чем папа даже мечтать не смел.

АНФИСА РОДИОНОВНА. Да что ж это за телеграмма-то?

ЛЕША. Очень короткая. «Казань, почтамт, востребования Буренушкину. Имею привод, целую, обнимаю. Леша».

ВЕРА ИВАНОВНА. Что имеешь?

ЛЕША. Привод. Ну, в милицию привод. Я сегодня в милиции сидел.

Анфиса Родионовна и Вера Ивановна молча опускаются в кресла. Пауза.

ВЕРА ИВАНОВНА **(тихо).** Леша, ты шутишь.

ЛЕША. Шучу! Вот это мне нравится! Шучу! Спроси кого хочешь во дворе: меня целый час там продержали.

ВЕРА ИВАНОВНА. Мама! **(Анфиса Родионовна молчит.)** Леша! Леша, как же это случилось? Когда?

ЛЕША. Вы только в город уехали... Я даже сам не думал, что так повезет. Понимаете, ребята задумали по забору ходить, чтобы храбрость свою проверить. Забор узенький, а два с половиной метра высотой. Я как стал на него, голова у меня закружилась, ноги задрожали, прямо шага сделать не могу... Тут я вынул свой бланк, посмотрел на него...

ВЕРА ИВАНОВНА. Какой бланк?

ЛЕША. Ну, это так... Это не интересно. Одним словом, я стиснул зубы и пошел. Иду, иду, вдруг голова опять закружилась, и я — кувырк!..

ВЕРА ИВАНОВНА. Господи!

ЛЕША. И прямо на какого-то гражданина. И так здорово получилось, что я руками у него на шее повис, а туловище ногами обхватил. Ну, совсем как в кино, знаете, когда разбойники с деревьев на путников прыгают. Никто даже не подумал, что я нечаянно. Все как закричат:

«Хулиганство! Он так человека мог убить!» А я сначала растерялся, а потом взял себя в руки и им такое ответил, что меня сразу в милицию поволокли.

ВЕРА ИВАНОВНА. Мама, что же это происходит... **(Анфиса Родионовна молчит.)** Леша... Ну, хорошо, произошло досадное недоразумение: ты нечаянно упал на прохожего. Но почему ты говоришь об этом, как... как о каком-то достижении?

ЛЕША. А по-твоему, это не достижение? **(Снисходительно похлопывает Веру Ивановну по плечу.)** Эх, мамочка! Правду папа говорит, что ты из-за диссертации никакого внимания не обращаешь на сына. Ты вот даже и не заметила, что за эту неделю твой сын ну, совершенно, ну, прямо в корне перевоспитался.

ВЕРА ИВАНОВНА. В каком смысле перевоспитался?

ЛЕША. А в таком: за эту неделю я пять раз завоевал право папе телеграмму послать.

ВЕРА ИВАНОВНА. Как пять раз? Мама, ты слышишь? **(Анфиса Родионовна молчит.)** Какие же... какие же это телеграммы?

ЛЕША **(загибает палец на руке).** Первая такая была: «Набил лицо двум здоровенным мальчишкам». Вторая: «Полчаса ругался с управдомшей. Не дрогнул». Третья: «Пятый день хожу грязный и оборванный». Четвертая: «Дразнил бодливую корову. Чуть не погиб». И пятая, сегодняшняя: «Имею привод, целую, обнимаю». **(В дверь стучат.)** Войдите!

Входит Кузя.

КУЗЯ. Здравствуйте! Мама велела сказать, что сегодня вечером будет собрание.

ВЕРА ИВАНОВНА. Какое собрание?

КУЗЯ. Про поведение детей. И по случаю, как Леша в милиции сидел.

ЛЕША **(с торжеством).** Вот! Пожалуйста! Там скажут, какой твой сын отчаянный головорез. Кузьма, за мной! На телеграф! **(Убегает вместе с Кузей.)**

ВЕРА ИВАНОВНА **(тихо).** Мама, Владимира нет в Казани. Он еще по районам ездит. **(Анфиса Родионовна повернула к дочери голову, но продолжает молчать.)** Если бы он был в Казани и получил весь этот телеграфный бред, он бы сам нас телеграммами засыпал... **(Снова обе молчат.)** Мама, а ты обратила внимание, как Леша одет? **(Анфиса Родионовна безмолвствует. Вера Ивановна подымается с кресла.)** Мама!.. Но как же это так? Мама, ведь ты же не могла не заметить всего этого ужаса... Это же на твоих глазах... Почему же ты мне ничего не сказала?

АНФИСА РОДИОНОВНА **(кричит со слезами в голосе).** Ну как я тебе могла об этом сказать, когда у тебя защита диссертации была на носу? Ну как я могла тебе сказать?

Занавес.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Тот же двор, что и в первом действии. Цветы на клумбах помяты. На одном из фасадов на уровне второго этажа нарисована большая рожа. Окно в домоуправлении закрыто.

Входят Протопопов и Миша. Оба идут неторопливо, степенно, держа руки за спиной. У обоих на лицах одно и то же угрюмо-солидное выражение. Левая ладонь у Миши перевязана бинтом. Протопопов останавливается перед доской объявлений.

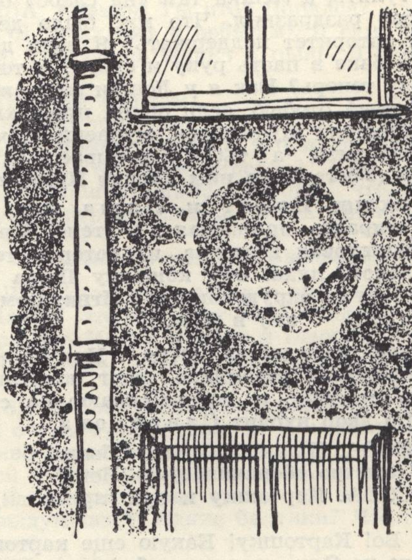
ПРОТОПОПОВ. Та-ак! В девятнадцать ноль-ноль. Общее собрание родителей. **(Поворачивается к Мише.)** Не оправдал ты, Михаил. Не оправдал. Да. **(Миша молчит.)** Ты, как будущий пионерский активист, как должен был подойти? По-боевому! Повести за собой, так сказать! А ты?.. Сам скатываешься, Михаил. Сам начинаешь скатываться. Учти!

МИША. И вовсе я не скатываюсь.

ПРОТОПОПОВ. Не виляй, Михаил! Только не виляй! **(Теребит Мишу за ворот грязной рубашки.)** Это что за внешний облик, так сказать? И это сын, так сказать, культурного человека! А?

МИША. А ты знаешь, зачем я так одеваюсь?

ПРОТОПОПОВ. Ты погоди, погоди, погоди! У меня на тебя сигналы посерьезней есть. **(Указывает на рожу, нарисованную на стене.)** Это чья работа? Чье, так сказать, художественное произведение?

МИША **(с вызовом).** Ну, моя работа. А ты спроси, почему...

ПРОТОПОПОВ. Ты погоди! Ты говорить будешь потом. Ты мне на такой вопрос ответь. Вот я, я, понимаешь? Известный в поселке человек... Занимающий пост, так сказать... И вот пойду я вечером на это собрание, и на меня там будут пальцем указывать: плохо, мол, вы, товарищ Протопопов, работаете над воспитанием своего сына. Не пионерским активистом он у вас растет, а хулиганствующим элементом. Это как называется, а?

МИША. Я...

ПРОТОПОПОВ. Спокойно! Спокойно! Еще один вопрос. **(Указывает на больную руку Михаила.)** Вот ты... вот это дело так осветил: будто на тебя собака напала и за руку укусила. А сегодня меня информировали, что ты этой собаке по своей, так сказать, инициативе в зубы руку сунул. А?

МИША **(кричит сквозь слезы).** Ну и сунул! И рыжую кошку на балкон второго этажа тоже я закинул! И стекла у нас в окне разбил тоже я! А ты нечуткий человек... Ты только критиковать

любишь, а чтобы понять, как человек мучается, так нет! **(Плачет.)**

ПРОТОПОПОВ **(оторопело).** Гм! Да! Михаил, Михаил, ты это брось, так сказать... Слышишь, Михаил? Ты давай объясни... Спокойненько давай. В чем дело, так сказать?

МИША **(сквозь слезы).** А в том! Думаешь, я для своего удовольствия по стенам лажу да грязный хожу? Я авторитет завоевываю. **(Плачет.)**

ПРОТОПОПОВ. Гм! Авторитет... Ты спокойненько, главное, спокойненько. Это как — авторитет?

МИША **(плача).** Чтобы воспитательную работу вести. **(Вынимает из кармана пачку бумажек.)** На, смотри! Я все планы составил, когда какое мероприятие проводить, когда какой доклад делать. А как его сделаешь, этот доклад, когда во дворе одни бандиты какие-то, а на меня, как на чистоплюя, смотрят?.. Вот я и стал... Лешка с самой управдомшей поругался, а я в окошко камнем запустил... Пашка со второго этажа на клумбу прыгнул, два дня после этого болел, а я по трубе забрался и эту рожу нарисовал. А с собакой!.. Думаешь, это приятно было? Пошли в деревню гулять, а Лешка там «на слабо» бодливую корову раздразнил. Что мне было делать? Как свой авторитет поддержать? Я взял да вот такущей собаке в пасть руку и сунул. А теперь? Как я буду теперь? Как я у Лешки этот авторитет проклятый отобью, если он на прохожих с забора кидается? Мучаешься, мучаешься, чтобы работу наладить, а ты? «Скатываешься! Не оправдал!» **(Убегает. За ним уходит Протопопов.)**

С улицы входят Игнат и Паша. Они идут, воровато озираясь, прижимаясь к стене. В руке у Паши продуктовая кошелка, из которой торчит пучок зеленого лука. Эту кошелку Паша тщательно прячет от окружающих, а Игнат помогает ему в этом.

На балконе появляется Оля. При виде ее братья Саврасовы торопливо суют кошелку в цветочную клумбу и загораживают ее собой. Во двор входит Саврасова.

САВРАСОВА. Пашк! На рынке были?

ПАША **(быстро оборачивается).** Чего?

САВРАСОВА. Картошку и лук принесли, говорю?

ПАША. Во! Картошку! Какую еще картошку? **(Косится то на Олю, то на клумбу.)**

САВРАСОВА. Да я ж вам велела на рынок сходить!

ПАША. Во! Велела! Мало чего ты велела! Да, Игнат?

ИГНАТ. Ага.

ПАША. Мы тебе не девчонки какие-нибудь, чтобы по рынкам бегать! У нас это... у нас... как его...

ИГНАТ. У нас самолюбие есть.

САВРАСОВА **(чуть не плача).** Идолы вы чертовы, вот вы кто! И что с вами сделалось за эту неделю?! Вот на собрании все про вас расскажу, про мучителей окаянных! **(Быстро уходит в подъезд.)**

ИГНАТ **(тихо).** Жизнь проклятая!

ПАША **(также тихо).** Вконец маму извели.

На балконе появляется мать Оли — Людмила Викторовна.

ЛЮДМИЛА ВИКТОРОВНА. Может быть, ты все-таки переоденешься и причешешься?

ОЛЯ. Это только пижоны да маменькины дочки ходят чистенькими и аккуратными.

ЛЮДМИЛА ВИКТОРОВНА. Ну, ладно. Оставайся грязнухой. Но только помни: выходить во двор тебе в таком виде запрещено.

ОЛЯ **(вздернув подбородок и скрестив руки на груди).** Имей в виду, мама, что ничего запрещать ты мне не можешь. Я не раба, а свободный и независимый человек.

ЛЮДМИЛА ВИКТОРОВНА. Так вот, слушай меня, независимый человек: отца нет дома, а я, как тебе известно, придерживаюсь отсталых педагогических взглядов. Если ты высунешь нос во двор, я возьму этот веник и так тебе всыплю, что ты до конца каникул сесть не сможешь.

ОЛЯ. Делай со мной что хочешь, хоть режь меня на куски, но своей свободы я не отдам.

ЛЮДМИЛА ВИКТОРОВНА. Значит, ты выйдешь во двор?

ОЛЯ. Выйду. Принципиально.

ЛЮДМИЛА ВИКТОРОВНА. Спасибо, что предупредила. Идем! Я тебя выпорю авансом. **(Берет стоящий на балконе веник и тащит Олю в комнату.)**

ОЛЯ **(упираясь).** Мама. Ты не имеешь права! Мама!..

Мать и дочь исчезают в комнате, и оттуда слышатся энергичные шлепки.

ГОЛОС ЛЮДМИЛЫ ВИКТОРОВНЫ. Вот тебе за независимость! Вот тебе за лазание по канату... Вот тебе за рваную кофточку!

ГОЛОС ОЛИ. Ой! Все равно я не сдамся! О-ой!.. Режь меня хоть на куски... Ой, мама!.. Я презираю твои угрозы...

ПАША **(смотрит на балкон и кричит).** Эй! Чего делаете? Эй!

ИГНАТ. Да ну ее! Бери кошелку, бежим!

Саврасовы хватают кошелку и бегут с нею к подъезду, но в этот момент появляется Миша. Братья испуганно приседают у стены. Миша косится на них.

ГОЛОС ЛЮДМИЛЫ ВИКТОРОВНЫ. А это за хождение по забору, а это вообще за твое хамство. Все! Можешь идти.

МИША **(тихо, глядя на Саврасовых).** Черт! Похоже, украли чего-то и прячут...

Появляется Оля.

ОЛЯ **(смотрит на балкон).** Между нами все кончено.

ГОЛОС ЛЮДМИЛЫ ВИКТОРОВНЫ. Нет, не кончено. Вечером ты еще порцию получишь.

ОЛЯ **(подойдя к Саврасовым).** Пашк, не знаешь, где Буренушкин?

ПАША **(надув губы).** Очень мне нужно знать!

ОЛЯ. Жаль, что он не видел, как меня истязали. Целый час мать осыпала меня ударами, но я стиснула зубы и не издала ни звука. Только крупные капли пота выступили у меня на лбу.

ПАША **(бормочет себе под нос).** Все Лешка да Лешка. Кроме Лешки, и людей больше нет.

ОЛЯ. Что?

ПАША. Ничего. Может, есть которые и получше твоего Лешки, только на них все равно ноль внимания.

ОЛЯ. Чего ты злишься, Пашка... Ну, я признаю, я очень уважаю Буренушкина за то, что он такой отчаянный.

ПАША. Ну и уважай! Который со второго этажа на клумбу сиганет, все брюхо себе отшибет, так его все равно за человека не считают, а чуть Лешка что натворит, так он сразу отчаянный, герой!

ОЛЯ **(рассердившись).** Ну, знаешь!.. С крыши сигануть — это не то что на живого человека с забора броситься. И вообще ты, Пашка, мелкий человек. Ты просто завидуешь, что Буренушкин самый отчаянный во дворе, вот и злишься.

ПАША. «Завидую»! Очень мне нужно завидовать, да, Игнат?

ИГНАТ. Ага.

ПАША. Мы, может, в сто раз поотчаяннее твоего Буренушкина, может, мы еще и не выказали, какие мы есть. Верно, Игнат?

ИГНАТ. Ага.

ОЛЯ. Ну, какие вы есть, какие?

Миша подходит ближе, прислушивается к разговору.

ПАША. А вот и такие. Игнат, скажи ей. Неохота только хвастаться. Скажи ей, Игнат.

ИГНАТ. Уголовники мы.

ОЛЯ. Кто-кто?

ИГНАТ. Уголовники. Взаправдашные.

ОЛЯ **(неуверенно).** Врете вы все.

ПАША. Врем! Вот скоро узнаешь, как мы врем. Скоро мы такого натворим, у всех вас волосы дыбом станут. Да, Игнат? Вот тогда поймешь, тогда будешь каяться.

Миша подсаживается к Саврасовым и поглядывает на них.

Появляются Л е ш а и К у з я.

ЛЕША **(улыбаясь, подходит к ребятам).** Я, знаете, какое сейчас задание дал Кузьме? Чтобы он пробрался тихонько в домоуправление, спрятался там в шкафу и послушал, что взрослые про наши подвиги говорят.

МИША **(пренебрежительно).** Подвиги, подвиги! Для тебя всякая ерунда — подвиги. **(Деланно потягивается и зевает.)** Чего бы такое украсть, что ли... Давненько я не воровал. Даже скучно как-то.

Пауза. Все смотрят на Мишу.

ПАША. А мы — во! Уже! **(Вынимает из-за спины кошелку и показывает ее.)**

МИША. Чего «уже»?

ПАША. Уже сперли. На рынке. Да, Игнат?

ИГНАТ. Ага. У тетеньки одной.

Снова пауза, еще более долгая. Леша отходит от ребят, незаметно вынимает телеграфный бланк, смотрит на него и возвращается на прежнее место.

ЛЕША. Да... давно... это... занимаетесь?

ИГНАТ. Чем?

ЛЕША. Ну, этим.

ИГНАТ. С детства.

ЛЕША. Тю-у! А я еще раньше. Я... можно сказать... с пе... пеленок.

Снова пауза. Все смотрят на Лешу.

З а н а в е с.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Тот же двор. Вечер. На крыльце сидят Л е ш а, О л я, М и ш а, И г н а т и П а ш а и смотрят на освещенное окно домоуправления.

МИША. Уже два часа совещаются.

Дверь домоуправления распахивается, и на пороге появляются М а р и я Д а н и л о в н а и К у з я.

МАРИЯ ДАНИЛОВНА. А ну, марш отсюда! Ишь, чего выдумал! Дома тебе сегодня за это будет. **(Выпроводив Кузю, захлопывает дверь.)**

ЛЕША. Кузьма! Ты что? Попался?

КУЗЯ **(подходит к ребятам).** Я сам из шкафа вылез. Там очень жарко и пыль. Я там чуть не умер.

ЛЕША. Ну, что там?

ОЛЯ. Что они говорят?

КУЗЯ **(помолчав).** Они что-то чудное говорят.

ОЛЯ. Ну, что, что конкретно?

КУЗЯ. Пашина мама говорит, что Игната и Пашу в деревне телятами звали, такие они смирные.

Все смотрят на Саврасовых.

ПАША. Это... это... она все врет, все врет! Верно, Игнат? Это она боится, как бы чего не узнали про нас. Игнат, правду я говорю?

ИГНАТ. Ага. Боится, как бы из дома не выселили.

КУЗЯ. А Олина мама говорила, что Оля всегда была очень чувствительная и нежная. И любила красиво одеваться и всегда перед зеркалом вертелась и бантики примеривала.

ОЛЯ **(взволнованно ерзает на месте).** Ну, что она выдумывает! Какие бантики? Что она выдумывает!..

КУЗЯ. А Мишин папа...

МИША **(прерывает его).** А мой отец-то! А мой отец, небось, еще похуже про меня выдумывает. Наверное, врет почем зря... Что я дисциплинированный, что я хулиганю только так, чтобы к другим подладиться... Ух, наверное, и врет! Ох, умора!

Дверь домоуправления открывается. Выходят родители и управдом. Они не замечают ребят.

МАРИЯ ДАНИЛОВНА. Ну что ж, товарищи! Так часто бывает: порознь они ангелы небесные, а как соберутся вместе — невесть что вытворяют. А насчет пионерской комнаты, так я завтра же составлю смету на ее оборудование. Вот как бы только ребят этим заинтересовать. Товарищ Протопопов, может быть, в самом деле ваш Миша возьмется за ум и покажет пример ребятам?

ПРОТОПОПОВ. Да, да! Я с ним поговорю. Мобилизую, так сказать.

Родители расходятся. Мария Даниловна направляется в контору, но вдруг оборачивается и возвращается.

МАРИЯ ДАНИЛОВНА. Анфиса Родионовна! Забыла совсем! Вам же телеграмма. Еще утром принесли. **(Передает Анфисе Родионовне телеграмму.)**

АНФИСА РОДИОНОВНА **(пробежав глазами телеграмму, радостно вскрикивает).** Верочка, радость-то какая для Лешеньки: Витенька Ладов завтра приезжает.

ВЕРА ИВАНОВНА **(радостно.)** Да ну? Витя?

ЛЕША **(вскакивает и сбегает с крыльца).** Витька Ладов! Ура!

АНФИСА РОДИОНОВНА. Завтра, в десять часов. До конца каникул погостит. **(Обращается к Марии Даниловне.)** Ну, Мария Даниловна, теперь вы убедитесь, был ли наш Лешенька раньше хулиганом или нет. Знаете поговорку: «Скажи мне, с кем ты дружишь, и я скажу, кто ты сам есть». Друг к Лешеньке приезжает. Самый, что называется, закадычный друг. Вот кто у нас порядок во дворе наведет, а не протопоповский «активист». Это такой мальчик — прелесть, да и только!.. Вежлив... Ну, настоящий кавалер. Чуть что уронишь, сразу подскочит, поднимет: «Пожалуйста, Анфиса Родионовна»... Выражается всегда литературно так, изысканно... А в смысле

опрятности... **(Подходит к ребятам и обращается к ним.)** Вам, неряхам, стыдно будет на себя смотреть, когда этот мальчик выйдет во двор. Костюмчик на нем всегда отутюженный, сам гладит его, на рубашечке — ни пятнышка. Вы одни вихры на головах носите, а у Витеньки расчесочка всегда при себе. Чуть у него проборчик нарушился, он сейчас расчесочку вынет — раз, два! И снова причесан. А начитан!.. Ну, просто профессор! Он всегда с книжечкой, всегда с книжечкой!.. Придет иной раз, Лешеньку не застанет, тут же сядет в уголок, книжечку вынет и сразу читать... Вот с какого мальчика вы должны пример брать, а не друг другу подражать!

МАРИЯ ДАНИЛОВНА. А может и так случиться: поживет этот замечательный мальчик среди наших лоботрясов, да и сам начнет с забора на прохожих кидаться.

АНФИСА РОДИОНОВНА. Ну, уж извините! Витенька — мальчик с высокими моральными понятиями, пионер, председатель отряда, или как он там у них называется. Он всех наших хулиганов перевоспитает.

МАРИЯ ДАНИЛОВНА. Ну что ж! Вашими бы устами да мед пить. **(Направляется к себе в контору.)**

АНФИСА РОДИОНОВНА. Пойдем, Верочка. И ты, Лешенька, иди домой. Поужинаем да все и отправимся твоего дружочка встречать. **(Уходят с Верой Ивановной.)**

Ребята, пораженные, молчат и смотрят на Лешу. Тот растерянно озирается.

ПАША **(ехидно улыбаясь).** Что, Лешенька?.. Что, Лешенька, хороши у тебя дружки?

ЛЕША. И вовсе... С чего ты взял, что он мне друг? Это бабушка просто так... Никакой он мне не друг.

ПАША. «Не друг»! А чего ж ты обрадовался? Игнат, видел, как он обрадовался?

ИГНАТ. Ага. Аж подскочил.

ПАША. А чему? Ну, чему?

ЛЕША. Сказать, чему я обрадовался? Сказать?

ПАША. Ну, скажи! Ну, чего молчишь?.. Ну, скажи!

ЛЕША. Я по-потому обрадовался... Я обрадовался, знаешь, по-почему? **(На секунду умолкает, потом выпаливает.)** Это я по-потому обрадовался, что теперь, что те-те-перь я его отлупить смогу!

ОЛЯ. Дурак ты, Пашка! Ну как ты мог подумать, что такой человек мог дружить с этим чистюлей!

КУЗЯ. Леша, а за что ты его лупить?

ЛЕША. Не... не скажу. У меня есть причины.

ОЛЯ. Леша! А я догадываюсь! **(Мише.)** Мишка, помнишь, я говорила тебе, что, наверное, какой-нибудь маменькин сынок причинил Леше страшное зло и вот теперь Буренушкин мстит всем маменькиным сынкам?.. **(Подняла указательный палец.)** Ребята!.. Этот Витька и есть тот маменькин сынок. Леш!.. Я угадала?

ЛЕША. У-угадала.

ОЛЯ **(торжественно).** Леша! Посмотри на эти руки! **(Протягивает к Леше растопыренные пятерни.)** Леш! Вот тут мама говорила, будто я какие-то бантики и другие всякие глупости... И ты, может быть, даже поверил... Леша, хочешь, я докажу, что я совсем не такая? Хочешь, я этими самыми руками этому Витьке Ладову все глаза выцарапаю?

ЛЕША **(забываясь).** За-зачем?!

ОЛЯ. Ну как «зачем»? Чтобы отомстить за тебя, это во-первых, а во-вторых... Пусть мама там выдумывает про всякие бантики, но я не могу терпеть, как этот чистюля, этот маменькин сынок станет по двору расхаживать и нас тут всех перевоспитывать. Я, слава богу, до этого еще не дошла.

МИША. А я, что ли, дошел? Да я первый... я ему таких надаю!

ПАША **(торопливо).** А мы? А мы с Игнатом, думаешь, в сторонке будем? Мы его в лепешку! Да, Игнат?

ИГНАТ. Ага. Мокрое место останется.

КУЗЯ. Во, Леша! Он, небось, едет и все мечтает, как тебя перевоспитывать будет, а тут все его колотить собираются. Леша, ты рад, да?

ЛЕША **(решительно).** Ниче-чего я не рад. Не по-позволю! **(Пауза. Все с удивлением смотрят на Лешу. Тот повышает голос.)** Не по-позволю его пальцем тронуть! Я сам! Я сам с ним разделаться хочу. Лично!

Долгая пауза.

ОЛЯ **(делает огорченное лицо).** Не знаю, Леш-

ка. Ты как хочешь, конечно, но, по-моему, это будет просто несправедливо. Каждому порядочному человеку приятно отколотить маменькиного сынка.

МИША **(грубым голосом).** Нет, Лешка, ты эти штучки брось. Я, можно сказать, всю жизнь этих чистоплюев вдребезги расшибал, а теперь буду сидеть да смотреть... Дудки! Я его своими руками изуродую.

ПАША. И мы, и мы с Игнатом тоже несогласные. Да, Игнат?

ИГНАТ. Ага.

ПАША. Нам это самое удовольствие таких вот калечить. Верно, Игнат, я говорю?

ИГНАТ. Ага. Сообща его будем...

ЛЕША. Сообща, да? Сообща! А вы... вы знаете, что я задумал? А может, я такое задумал, что вам всем придется в тюрьму идти, если сообща. **(Пауза. Все вопросительно уставились на Лешу.)** Ну и вот! Я его сколько раз колотил, и всегда одни только неприятности. Ну и вот!.. Выбирайте: или мы его вовсе не будем трогать, или... при-ко-ко-кончим его.

Пауза.

ОЛЯ **(очень тихо).** Как это «прикончим»?

ЛЕША. А т-так... совсем.

Долгая пауза.

ЛЕША. Ну! Вы-выбирайте!

Снова длинная пауза.

КУЗЯ. Миш! Ой, какое у тебя лицо вдруг белое стало!

МИША **(испуганно).** Где белое? Ничего не это... не белое. **(К Леше, с трудом выдавливая слова.)** П-по-жалуйста... М-можно и это... совсем... Рррр-раз плюнуть!

Леша смотрит на Пашу.

ПАША **(слабеньким голоском).** Ага. Можно. Э-это, конечно, можно. Да, Игнат?

ИГНАТ **(чуть слышно).** Ага. Можно.

Леша смотрит на Олю.

ОЛЯ **(очень тоненьким голоском).** Угу.

Все снова надолго умолкают, пустыми глазами уставившись в пространство перед собой.

ПАША **(гладит себе живот).** Чего-то есть захотелось, да, Игнат? Аж в животе крутит.

ИГНАТ **(поднимается, ни на кого не глядя).** Пойти поужинать, что ли...

МИША. Я тоже... **(Пятится от Леши, не спуская с него глаз.)** Я тоже, это самое... сегодня даже не обедал. Леш, так мы завтра, значит... договоримся, это самое... вообще, одним словом...

ОЛЯ **(также пятится от Леши).** Леша, я тоже пойду... Да? Мы с тобой завтра еще увидимся, хорошо, Леша? И... и обо всем поговорим... Да, Леша?

То и дело оглядываясь на Лешу, Миша, Оля, Игнат и Паша расходятся. Уже совсем темно.

ЛЕША **(тихо).** Что же это я наделал! Ой, что же это я наделал!

С улицы входит Витя Ладов с небольшим чемоданчиком в руках.

Золушка. Рисунок Оли Поповой, г. Москва.

ОНИ ЛЮБЯТ РИСОВАТЬ

В. КОНСТАНТИНОВ

Ребята, которые любят рисовать, лепить, выпиливать, знают, какое это удовольствие. Они могут сделать веселые рисунки в школьную стенную газету, нарисовать декорации, вылепить и раскрасить кукол для своего самодеятельного театра, сделать плакаты и украшения к праздничному карнавалу в школе и в лагере.

А как много интересного видит юный художник в окружающей его жизни и как это замечательно: языком рисунка, скульптуры, орнамента рассказать о том, что видел, о том, что тебя волнует, радует, смешит и даже сердит!

Это было хорошо видно на состоявшейся в декабре двенадцатой Всесоюзной выставке изобразительного творчества детей. На эту выставку прислали свои работы больше четырех тысяч ребят из Якутии, из Туркмении, с Чукотки, с Памира, с севера и юга, с востока и запада, из всех республик, со всех концов страны.

ВИТЯ. Скажите, где тут квартира номер пять?

ЛЕША **(в ужасе).** Витька!

ВИТЯ **(радостно).** Он самый! **(Бросается к Леше, трясет его руку.)** Ну, как ты здесь? Ты изменился. Только я не могу понять, в чем именно эта перемена. Вид у тебя какой-то такой...

ЛЕША **(с отчаянием).** Ты же... ты же позднее должен был приехать!

ВИТЯ **(вынимает из кармана расческу, причесывается).** Правильно. Но потом я сказал родителям, что глупо ехать завтра, если можно приехать сегодня, и они меня отпустили.

КУЗЯ **(подойдя к Леше, тихо).** Леша! Леш, это тот самый, да? Леша, это тот самый?

ЛЕША **(схватив Кузю за плечи, выпроваживает его со двора).** Уходи! Уходи домой и носа во двор не высовывай. Слышишь? Худо тебе будет!

КУЗЯ **(тихо).** Леша, я уйду... Леша, ты только скажи: ты сейчас его калечить будешь, да?

ЛЕША. Да, да. Иди! **(Выпроводив Кузю, возвращается к Вите.)** Витька! Ну, вот что... Немедленно, сию же секунду иди на вокзал и уезжай.

ВИТЯ. То есть как?

ЛЕША. Так. Садись в поезд и уезжай... и... и ни о чем меня не расспрашивай.

ВИТЯ. Ну как же я могу тебя не расспрашивать? Может быть, ты зол на меня за что-нибудь, может быть, тут недоразумение какое-нибудь...

ЛЕША **(мечется по сцене в волнении).** Витька! Ничего я не злюсь, ты мой самый лучший друг, но... но... садись в поезд и уезжай.

ВИТЯ **(садится на свой чемоданчик).** Ну, все-таки!.. Ну почему я должен ни с того ни с сего вдруг садиться в поезд и уезжать?

ЛЕША. Хорошо! Хорошо!.. Я тебе скажу, Витька! Тебя здесь ждет страшная опасность. Стррррршная!!!

ВИТЯ **(с интересом).** Опасность? Какая опасность?

ЛЕША. Да! Да! Опасность! Витька, ты ничего не знаешь! Ты не знаешь, что здесь за люди живут. Витька, об одном прошу: уезжай отсюда.

ВИТЯ. Ну нет, голубчик! Так не выйдет. Я и с места не сдвинусь, пока ты мне не объяснишь.

ЛЕША. Ну что мне с ним делать! Ну что мне с ним делать! **(Подходит вплотную к Вите.)** Убить тебя собираются. Понимаешь? Убить!

Пауза.

ВИТЯ. Лешка, а ты не выдумываешь?

ЛЕША. Выдумываю! Я еще выдумываю! Слушай, ты, дурак несчастный, ты знаешь, кто тут живет? Ты знаешь, что тут одни хулиганы, воры да прочие уголовники? Ты знаешь, наконец, что твой Леша Буренушкин уже не прежний Леша Буренушкин, а... а.. тоже почти настоящий бандит.

ВИТЯ. Ты-ы!.. **(Смеется.)**

ЛЕША. Витька! Смейся сколько тебе угодно, но только поверь одному: эта банда, которая здесь... точит зуб на тебя. Они задумали разделаться с тобой. И... и если они узнают, что я с тобой вожусь, что я тебя предупредил, они... они и меня прико-ко-кончат. **(Всхлипывает.)**

ВИТЯ **(перестал смеяться и некоторое время молча смотрит на Лешу).** Лешка, я верю тебе. Но только я вот чего не пойму: почему они именно меня собираются ухлопать? Ведь они со мной даже не знакомы.

ЛЕША **(всхлипывая).** Клянусь жизнью мамы, папы, бабушки, я больше ничего не скажу. Не могу! Уезжай отсюда.

ВИТЯ **(достал из кармана расческу и, в раздумье прохаживаясь по сцене, водит ею по волосам. Потом останавливается перед Лешей).** Леша! Я, значит, так понимаю: эти уголовники тебе пригрозили и впутали в свою банду. Я угадал? **(Леша молчит. Витя снова задумывается.)** Ну, ясно! Тебя запугали, а ты... а у тебя нервы слабые, и вот они держат тебя в своих руках. **(Леша мол-**

Впервые в нашей выставке приняли участие и зарубежные друзья — дети Болгарии, ГДР, Норвегии, Финляндии.

И о чем только не рассказывают рисунки ребят! «Спутник» и «Первая станция на Луне», «Фестивальный концерт», «Пионеры сажают деревья», «Мы делаем физкультуру», «Мост через реку Оку», «Студенты Москвы едут на уборку урожая» и эскиз декорации к пьесе «Снежная королева», скульптура из пластилина «Ледовое побоище».

На выставке были не только рисунки, а и шкатулки из бересты, и резьба по кости, и бисерное шитье, и узорные ковры.

Мы помещаем тут несколько рисунков. Вот рисунок восьмилетнего школьника Володи Ильина «Самолет над Каракумами». Как много сумел рассказать Володя в своем рисунке! Пионер и чабан смотрят на пассажирский самолет, пролетающий в синем небе, над тучными стадами овец и коз. Володя хорошо передал жаркий солнечный день, дальние горы, тонущие в голубой дымке, синее южное небо, золотистый песок пустыни. И самолет, и алый пионерский галстук, и дружба чабана с пионером, и синяя полоска канала вдали отражают новую жизнь пустыни.

А Таня Филиппова нарисовала цирк. Тане тоже восемь лет. Как интересно в цирке! Ярко освещена арена и оркестр. Прожекторы бросают снопы разноцветных лучей. Все внимание зрителей и нарядного клоуна с дрессированной собачкой обращено на воздушный аттракцион под куполом цирка. Должно быть, Тане очень понравилось представление, правда?

Толя Васильев, автор рисунка «Зимой в саду», старше, чем Таня и Володя, видно, что он много рисует с натуры, у него очень развита наблюдательность. Посмотрите, как тонко передан в его рисунке мягкий зимний день, как выразительны фигуры идущих по саду взрослых и детей. Чувствуется глубина,

ЗИМОЙ В САДУ.

Анатолий Васильев.
Ленинград.

XII Всесоюзная выставка изобразительного творчества детей.

САМОЛЕТ НАД КАРАКУМАМИ.

Володя Ильин.
Ашхабад.

ЦИРК.

Таня Филиппова.
Ленинград.

XII Всесоюзная выставка изобразительного творчества детей.

чит.) Леш! А много человек в этой банде? **(Леша молчит. Витя смотрит на него.)** Черт! Здорово они тебя терроризировали: даже это боишься сказать. **(Снова пауза. Витя что-то обдумывает, слегка улыбаясь, потирая ладони.)** Леша, все! Решение принято! Слушай: ни бабушке, ни маме ты ничего не говоришь о моем приезде.

ЛЕША **(радостно).** Ну, конечно! Будто ты совсем не приезжал!

ВИТЯ. Правильно. А я поселюсь здесь инкогнито.

ЛЕША. Что-о?

ВИТЯ. Поселяюсь инкогнито, и мы с тобой эту банду разоблачаем и помогаем милиции ее ликвидировать.

ЛЕША. Ты... ты что? Спятил совсем!!!

ВИТЯ. Ничего я не спятил. Ты вспомни, сколько мы в отряде о мужестве говорили, о подвигах, о приключениях... А теперь, когда до дела дошло, прикажете мне хвостик поджать да в кусты? А пионер из моего отряда пусть среди бандитов так и пропадает? Дудки!

ЛЕША **(в отчаянии мечется по сцене).** Витька, уезжай, Витька, умоляю тебя, уезжай!

ВИТЯ. Не валяй дурака, Алексей. Ты лучше вот что сделай: найди мне подходящее убежище.

ЛЕША **(в волнении бегает по сцене).** Какое тебе там еще убежище! Ну что ты там будешь делать, в этом убежище? Ну что ты вообще будешь делать, когда ты один, а их целая шайка?!

ВИТЯ. Ну, положим, я буду не один, а ты мне будешь помогать.

ЛЕША. Я?! Ни... ни за что!

ВИТЯ. Лешка, давай рассуждать спокойно. Помнишь, как ты мне всегда говорил, что мечтаешь отделаться от своей робости и укрепить свои нервы? Вот тебе прекрасная тренировка для нервов. Это во-первых. А во-вторых, я не буду заставлять тебя лезть на рожон. Основную работу буду вести я, ты будешь вроде как подсобным работником. **(Смотрит на окно чердака.)** Скажи, у вас ключ от чердака есть?

ЛЕША. Ой!.. Ну, наверно, есть... у бабушки.

Из подъезда выходят Анфиса Родионовна и Вера Ивановна.

АНФИСА РОДИОНОВНА **(не замечая мальчиков).** Лешенька, Леша! Идем Витеньку встречать!

Витя быстро оттаскивает Лешу за выступ здания.

ВИТЯ **(тихо).** Иди! Встречай. Когда вернешься, достанешь ключ от чердака.

ЛЕША. Ой!.. Ну, Витька!..

ВИТЯ. Никаких «ой»! Иди! Я здесь подожду. **(Выталкивает Лешу из-за выступа.)**

ВЕРА ИВАНОВНА **(увидев Лешу).** Леша, где ты все бегаешь? Мы идем Витю встречать.

Леша молчит.

АНФИСА РОДИОНОВНА **(подходит к Леше и вглядывается в него).** Да ты что: или не рад, что Витенька приезжает?

ЛЕША. Я? **(Спохватившись.)** Я... я даже очень рад. **(Сдерживая слезы.)** Я так рад!.. Я так рад!.. Я так рад!.. **(Уходит вместе с бабушкой и мамой.)**

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Чердак. В слуховое окно врывается сноп яркого солнечного света. Справа к чердаку примыкает лестничная клетка, тоже освещенная окном. Дверь, соединяющая чердак с площадкой лестницы, закрыта. Слева видна еще одна дверь, тоже закрытая.

В углу на разостланных по полу газетах с чемоданчиком под головой спит Витя. По лестнице медленно подымаются Игнат и Паша. В руках у них тазы с мокрым бельем. Подняв-

---

пространство, видно, что фигуры людей уходят в даль садовой дорожки. Дом на втором плане еще больше подчеркивает глубину.

У Гриши Сунина на рисунке изображена ранняя весна. Еще лежит снег, но видно, что солнышко уже пригревает вовсю. Белый ствол по-весеннему нежной и прозрачной березки отражается в луже. По реке плывут льдины. Прилетели грачи и хлопочут около своих гнезд. Очень правдиво изображены игривые прыжки теленка, радующегося весне. Вот только фигуру женщины надо бы Грише нарисовать покрупнее, она слишком мала по сравнению с теленком.

Оля Попова сделала иллюстрацию к сказке Перро «Золушка». Нравится вам Олина Золушка? Тихая, скромная, она устала, присела отдохнуть и загрустила, задумалась о своем печальном житье. Чтобы передать то, что прочел в сказке, мало уметь рисовать, надо хорошо все продумать.

На Олином рисунке костюм Золушки именно такой, как одевались бедные девушки во Франции в конце восемнадцатого века, когда Перро написал эту сказку. Правдиво изображен котел над очагом, скамейка, посуда на полке,— такую посуду Оля, наверное, видела на рисунках в других книжках. Вот только терок таких, как нарисованная справа, в то время не бывало.

★

Я сам художник и очень радуюсь, когда вижу, как много у нас ребят, которые любят рисовать. Конечно, не все ребята решат потом стать художниками. Может быть, они выберут себе совсем другую профессию, но умение рисовать нужно во многих профессиях. Я знаю биологов, географов, геологов, астрономов и даже инженеров, которым рисование помогает в работе. А для всех

шись на несколько ступенек, Паша останавливается, заглядывает в окно.

ПАША. Небось, Витька-то этот уже приехал?

ИГНАТ **(передразнивая).** «Уже приехал»! Он еще вчера вечером приехал.

ПАША. Небось, спит и не знает, в какую берлогу попал. Игнат! А может, Буренушкин его уже?

ИГНАТ. Не. Он дома его не будет. Он его заведет куда-нибудь.

Братья снова двигаются вверх по лестнице, затем Паша снова останавливается.

ПАША. Игнат, ты сегодня ночью спал?

ИГНАТ. Плохо.

ПАША. А я... я аж только под утро заснул. Игнат! Чего ж теперь делать? Ведь этот кровопийца-то... он теперь от нас не отстанет. А ну как он сегодня к нам придет и скажет: «Айда! Пошли этого, как его, Витьку Ладова, кончать. Назвались груздями — полезайте в кузов!»

Игнат уже стоит на верхней площадке. Поставив таз у ног, он ищет в карманах ключ.

ИГНАТ. Может, он и не будет его кончать. Может, он треплется только.

ПАША. Ну, ладно, насчет того, чтобы совсем прикончить, может быть, и треплется, а вот что покалечит он его, так это как пить дать. А мы тут при чем? Что нам этот Витька Ладов сделал? Не, Игнат! Я больше не согласен. Ты гляди, мы и так до чего дошли! В ворах ходим!

Братья входят на чердак, прикрывают за собой дверь, ставят на пол тазы и, не замечая спящего Вити, начинают развешивать на веревках белье. Занимаясь этим и разговаривая, они постепенно приближаются к Вите.

ПАША. Как же быть, а, Игнат?

ИГНАТ. В деревню бы уехать, вот чего!

Пауза.

ПАША **(задумчиво, мечтательно).** В деревню... А хорошо бы, Игнат! Жили бы мы с тобой благородно, культурненько, ходили бы чистые, аккуратные... И с людьми бы вежливо разговаривали: «Здравствуйте» там, «Извините, пожалуйста»...

ИГНАТ. А мама как же?

ПАША. А мама... Чего мама? Мама погорюет, погорюет, а потом только рада будет. Она вон как из-за нас расстраивается! А мы ей письмо напишем: «Дорогая наша мама! Мы уехали обратно к тете Луше, потому что нету у нас больше терпения: мы неделю в этом дворе пожили и уже вон какой шпаной стали, а еще чуток поживем, так и вовсе проходимцами сделаемся». Поехали, Игнат. Заживем благородно, культур...

Витя просыпается и садится. Саврасовы застывают и, разинув рты, смотрят на него. Несколько секунд длится немая сцена. Вдруг Витя вскакивает, отбегает в другую сторону, сует руки в карманы пиджака и, оттопырив указательными пальцами материю, делает вид, что у него в карманах пистолеты.

ВИТЯ. Стой! Руки вверх! Стреляю!

Игнат пятится, но Паша спокойно смотрит на Витю.

ПАША. Нет, Игнат. Это у него там пальцы оттопырены. Помнишь, мы в кино видели?

ВИТЯ **(вынимает руки из карманов и выставляет кулаки).** Что... Ну, ладно! Вы, конечно, меня можете ухлопать, но только... только я так не дамся. Имейте в виду!

ИГНАТ. «Ухлопать»! Что мы, бандиты какие?

Все долго молчат, разглядывая друг друга.

ПАША. А... а ты кто будешь-то? Ты чей?

ВИТЯ. Я? Н-ну... приезжий. А вы?

ПАША. Так... Тоже вроде как приезжие. А тебя как звать?

остальных рисование, так же как и музыка,— большая радость в жизни.

Коммунистическая партия сказала, что к концу семилетки в Советской стране рабочий день будет шесть — семь часов и у всех будет два выходных дня в неделю. У каждого из нас будет еще больше возможностей развивать свои таланты, чтобы делать окружающую жизнь прекрасной. Найдется куда приложить свои силы и теперешним юным художникам.

Весна. Рисунок Гриши Сунина, г. Новосибирск.

ВИТЯ. Ну, Викт... Владимир. Владимир меня зовут. **(Машинально достает расческу и проводит ею по волосам.)**

ПАША **(тихо Игнату)**. Игнат, гляди!

ИГНАТ **(тихо Паше)**. Ага. **(Быстро и громко Вите.)** Эй! А как звать-то тебя?

ВИТЯ. Викт... Владимир.

ИГНАТ. Витькой тебя звать. И никакой ты не Владимир.

ПАША. Ага! Ты два раза «Викт...» сказал, а потом уж Владимир.

ВИТЯ. Ну, ладно, Виктор! Ну, дальше что?

ПАША. А вот и то! Ты, стало быть, Витька Ладов. Ты, значит, приехал уже?

ВИТЯ. Как видите.

Пауза.

ИГНАТ. Ну, как? Здорово он тебя?

ВИТЯ. Что «здорово»?

ИГНАТ. Здорово поуродовал?

ВИТЯ. Кто?

ПАША. Ну, бандит-то этот.

ВИТЯ. Какой бандит?

ПАША. Ну, Лешка Буренушкин.

ВИТЯ. Он... он пока меня не тронул.

ИГНАТ. Дружков, значит, ждет. Сообща чтобы.

ПАША. Ага. Они сообща тебя кончать собираются. А ты зачем сюда спрятался? Догадался, что ли?

ВИТЯ. Н-ну... Разведал кое-что.

ПАША **(подходит к Вите поближе)**. Витька, слушай-ка, что я скажу. Ты зря сюда... Не ровен час они догадаются, тогда тебе конец. Ты давай лучше с нами уезжай.

ВИТЯ. Куда «уезжай»?

ПАША. Мы тоже от этих бежать собираемся. Понимаешь, приехали из деревни, а тут житья никакого нет. Одни воры да хулиганы. Вот мы и порешили обратно в деревню поехать.

ВИТЯ. Слушайте, вас как зовут?

ПАША. Меня Пашей зовут, а его — Игнатом.

ВИТЯ. Слушайте, что я вам скажу: вот вы уедете да я уеду, а банда пусть так на свободе и остается? А что, если нам втроем сговориться, да выследить эту банду, да захватить ее на каком-нибудь преступлении, и отправить в милицию?!

Саврасовы долго молчат. Паша, улыбаясь, смотрит на брата.

ПАША. Во было бы дело, а, Игнат?

ИГНАТ. А ты: «в деревню», «бежать»!

По лестнице к чердаку поднимается Саврасова.

ВИТЯ **(услышав ее шаги)**. Т-ш! Идет кто-то! **(Быстро прячется за печную трубу.)**

САВРАСОВА **(приоткрывая дверь чердака)**. Игнат! Пашка! Чего вы тут застряли?

ПАША **(громко)**. Идем! **(Тихо Вите.)** Витя! Ты сиди здесь. Мы придем... Мама уйдет на работу, и мы придем. Мы тебе покушать принесем.

Братья торопливо развешивают оставшееся белье и, подхватив пустые тазы, выбегают на площадку. Саврасова прикрывает за ними дверь.

САВРАСОВА. Идите завтракайте скорей.

ПАША **(сбегая вниз по лестнице)**. Мама, а ты?

САВРАСОВА. А я на работу иду. Я поела уже.

ПАША. Ага, мама, иди. А то опоздаешь еще.

Игнат и Паша убегают. Саврасова запирает дверь и, положив ключ в карман, уходит. Оставшись один, Витя прохаживается по чердаку, потирая руки, довольно улыбаясь.

ВИТЯ **(один)**. Та-ак. В нашем полку прибыло. Здорово! Здесь штаб, а у штаба — целый отряд пионерских разведчиков. Бандиты готовят очередное преступление, и им даже в голову не приходит, что каждый шаг их выслежен. И вот... и вот наступает решительный момент. Короткая схватка — и раз!.. **(Умолкает и смотрит на дверь.)** Интересно, когда же все-таки Лешка придет?

По лестнице подымаются Игнат и Паша. В одной руке у Игната чайник с кипятком, в другой — чайник для заварки. Из кармана его пиджака торчит батон. В руках у Паши сахарница и три блюдца. Его карманы также чем-то оттопырены.

ПАША. Ловко мы придумали, да, Игнат? И чайку вместе все попьем и посовещаемся, как с этими бандитами покончить.

Слышится приглушенный бой старинных часов. При первом ударе Игнат вздрагивает, приостанавливается.

ИГНАТ. Чего это?

ПАША. Ну, часы это. В седьмой квартире. Ты что, не слышал? На весь дом гудят.

Игнат и Паша достигают верхней площадки чердака. Паша дергает дверь, но та не открывается. Подойдя к дверям, Витя прислушивается.

ПАША. Игнат! А кто дверь-то запер?

ИГНАТ **(мрачно)**. Мать заперла. А ключ с собой унесла.

ПАША. Что ж делать-то? Может, через Ольгин подъезд пройти?

ИГНАТ. Ага. **(Тихонько зовет.)** Витя, Вить!

ВИТЯ **(тихо)**. Ну?

ИГНАТ. Тут тебя заперли нечаянно. Поди глянь, другая дверь открыта?

ВИТЯ **(тихо)**. Заперта. Я еще вечером проверял.

Игнат и Паша переглядываются.

ПАША **(приник к двери)**. Витьк! Ты погоди чуток. Мы сейчас за ключом сбегаем. **(Игнату.)** Пошли!

ИГНАТ **(угрюмо)**. Куда пошли?

ПАША. Ну, на работу к маме, в райисполком!

ИГНАТ. Думаешь, курьеры на одном месте сидят?

ПАША **(раздраженно)**. Ну, значит, по поселку надо бегать, ее искать. Чего же делать-то? Витька-то ведь запертый!

Братья замирают, прислушиваясь к шагам внизу.

ИГНАТ. Сядь, а то увидят. **(Садится на ступеньки. Паша следует его примеру.)**

ПАША. Похоже, сюда идет.

Появляется Леша. В руке у него кофейник. В другой руке — платяная щетка. Через плечо висит полотенце. Карманы брюк чем-то оттопырены. Увидев Саврасовых, он останавливается как вкопанный и прячет кофейник за спину. Все долго молчат.

ЛЕША. При... привет!

ПАША. Здорово!

Снова долгая пауза.

ИГНАТ. Ты куда?

ЛЕША. Просто так... Иду... гуляю. А вы что тут?

ИГНАТ. Чай пьем.

ПАША. Ага. Краденый. **(Вынимает из кармана стакан и ставит его на блюдце.)** Налей-ка мне чайку. А, Игнат!

Игнат наливает Паше чай.

ЛЕША. А... а вы зачем на лестнице? Вы бы дома.

ИГНАТ. Не. Тут лучше.

ПАША. Ага. Тут тихо, прохладно, хорошо... Хочешь чайку?

ЛЕША. Спасибо... Я пил,

Кофейник, который Леша держит в руке, наклонился, и из него на лестницу льется кофе.

ПАША **(заглядывая Леше за спину)**. Чего это у тебя?

ЛЕША. А?

ПАША. Чего это льется у тебя?

ЛЕША **(в смятении оглядывается и перестает прятать кофейник)**. Ко... кофе льется...

ИГНАТ. Зачем?

ЛЕША. П-просто так... Поливать... Лестницу поливать...

ИГНАТ. Для чего поливать?

ЛЕША. Чтобы грязная была. Управдомше насолить... От кофе лестница всегда очень грязная становится. **(Льет кофе на лестницу.)** Видите?

ВИТЯ **(стоит у двери, прислушиваясь)**. Какие-то голоса, а слов не разберешь. Похоже, что Лешка...

ПАША **(ставит стакан с блюдечком на ступеньки, поднимается и осматривает кофейную лужу)**. Ага. Очень грязная лестница получилась. **(Делает Игнату знаки: сиди, мол, здесь и следи за Лешкой.)** Игнат, ну, я пошел. За этим самым... ну, как его...

ИГНАТ. Ладно. Иди.

Паша уходит. Игнат и Леша некоторое время молчат. Леша садится на ступеньку рядом с Игнатом.

ЛЕША. Не понимаю, чего тут хорошего — на лестнице сидеть?

ИГНАТ. А сам сидишь.

ЛЕША. Я просто так... за компанию...

Пауза.

ИГНАТ. Ну как, Витька твой приехал?

ЛЕША. Витька? Нет... не приехал... Он... он, наверное, догадался, что я тут ему готовлю. Струсил,

ИГНАТ. Жаль. А то бы мы ему...

ЛЕША. Конечно, жаль. Я уж совсем приготовился его на мелкие кусочки ррр... растерзать, а он... **(Леша умолкает и, ерзая на ступеньке, косится на Игната.)** Игнат, а ты погулять не хочешь?

ИГНАТ. Не. Ты иди, я тут посижу. Здесь тихо, прохладно...

ЛЕША. А я вовсе и не хочу гулять. Мне, наоборот, здесь нравится: уютно так, хорошо...

Леша и Игнат сидят молча, тоскливо косясь друг на друга.

ВИТЯ. Тихо, как в могиле. Неужели Лешка струсил? И эти двое тоже хороши!.. Вот это положение!

Свет на сцене постепенно гаснет и так же постепенно зажигается. Слышится знакомый бой часов: они бьют десять. Игнат и Леша неподвижно сидят на ступеньке. Витя сидит на чемоданчике, подперев голову руками.

Снова гаснет свет и снова зажигается. Игнат отламывает горбушку от торчащего из кармана батона и принимается жевать. Леша достает из-за пазухи завернутый в бумагу бутерброд и разворачивает его. Стоя посреди чердака, Витя затягивает ремень на брюках.

Еще раз гаснет и зажигается свет. Игнат и Леша дремлют, лежа на лестнице. Витя лежит на своих газетах, положив под голову чемоданчик. Часы бьют двенадцать.

Витя внезапно вскакивает.

ВИТЯ. Хватит! Надо действовать. **(Подходит к слуховому окну, осторожно выглядывает в него и некоторое время о чем-то думает.)** А! Была не была! **(Решительным шагом направляется к стене чердака и принимается отвязывать конец свободной веревки для белья.)**

Занавес.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Комната в квартире Закатовых. Сквозь открытую дверь виден балкон. По комнате, унылая, задумчивая, слоняется Оля. Раздается звонок. Оля выходит и тут же возвращается с Мишей Протопоповым.

МИША **(угрюмо)**. Здравствуй! Надоело дома сидеть, а во двор выйти опасно: того и гляди наскочишь на Буренушкина, а он и потащит этого мальчишку приканчивать.

ОЛЯ **(серьезно смотрит на Мишу)**. Мишк! Ты знаешь... меня раздирают внутренние противоречия.

МИША. Чего тебя раздирает?

ОЛЯ. Внутренние противоречия. С одной стороны, я, конечно, не люблю маменькиных сынков, а с другой стороны... вдруг этот Витька не так уж перед Буренушкиным виноват!

МИША. А хотя бы и виноват? Ты что: пойдешь тогда его... это самое, вместе с твоим Буренушкиным?

ОЛЯ. Я? Нет! Конечно, нет!

МИША. То-то и оно!

Пауза. Миша, заложив руки за спину, расхаживает по комнате, Оля задумчиво смотрит на него.

ОЛЯ. Мишка, знаешь... я, кажется, совсем разочаровалась в Буренушкине.

МИША. Во! Приехала наконец!

ОЛЯ **(не слушая его)**. Неужели отважный человек обязательно должен быть грубым и жестоким? Ведь сколько в книжках описывается людей, которые и смелые и вместе с тем благородные!

МИША. Знаешь... чем философию разводить, ты лучше скажи: как нам выпутаться из этого дела? Ведь если мы откажемся с Витькой расправиться, так эти бандиты нас самих, чего доброго, прикончат.

Сверху на балкон спускается веревка.

ОЛЯ. Мишк, а может быть, этот Витя и не приехал... Вдруг ему что-нибудь помешало!

МИША. Как же! Жди!

ОЛЯ **(направляется к двери балкона)**. Как бы все-таки узнать, приехал он или...

На балкон по веревке быстро соскальзывает Витя.

ОЛЯ **(отскакивая от двери)**. Ой!

Долгая пауза. Витя стоит на балконе. Оля и Миша застыли посреди комнаты и смотрят на Витю.

ВИТЯ **(машинально)**. Здравствуйте!

ОЛЯ **(также машинально)**. Здравствуйте!

ВИТЯ. Вы... вы простите, что я так...

ОЛЯ **(растерянно)**. Пожалуйста... Заходите!..

Витя чистит рукавом испачканный костюм, приглаживает волосы расческой и, проделав все это,

перешагивает порог комнаты. Миша и Оля значительно переглядываются.

ОЛЯ. Скажите, вы... откуда?

ВИТЯ. С чердака.

ОЛЯ. А... а как вы сюда?

ВИТЯ. По веревке. Вон она висит. Понимаете, я был на чердаке, а чердак кто-то запер. Вы, конечно, извините, что я так...

ОЛЯ. Пожалуйста, пожалуйста! **(Она внимательно смотрит на Витю, потом смущенно оглядывает свой костюм и пытается привести себя в порядок: приглаживает волосы, заправляет кофточку в юбку.)** Ты... вы... Витя Ладов?

ВИТЯ **(удивленно).** Гм! Ну, Ладов... А откуда ты узнала?

МИША. По приметам.

ВИТЯ. Что за черт! Да какие у меня приметы?

ОЛЯ. Значит... значит, вам... тебе удалось скрыться?

ВИТЯ **(подумав).** Приблизительно так.

МИША. А зачем же ты на чердак забрался? Ты что, не знаешь, что тебя здесь ухлопать собираются?

ВИТЯ. Знаю. Прекрасно знаю.

ОЛЯ. Так почему же ты не уезжаешь? Почему же ты на чердаке?

ВИТЯ **(значительно поглядывает на Олю и Мишу).** Сказать вам, почему я нахожусь на чердаке?

МИША. Почему?

ОЛЯ. Ну, конечно, скажи!

ВИТЯ **(медленно, отчеканивая каждое слово).** Потому что я поставил перед собой задачу — выследить и ликвидировать здешнюю банду.

Пауза. Оля и Миша во все глаза смотрят на Витю.

ОЛЯ. Выследить?

МИША. Бандитов наших?

ОЛЯ. Ой! Как же... как же вы их выслеживаете?

ВИТЯ. Понимаете, я еще сам не составил плана. Если вы согласны мне помогать, мы можем сообща составить план действия. Только... только прежде, чем об этом говорить... нет ли у тебя что-нибудь поесть? Понимаете, я со вчерашнего вечера ничего не ел.

ОЛЯ. Ой! Ну, конечно, есть! **(Мише.)** Миша, идем! Поможешь мне на стол накрыть. **(Тихо, идя вместе с Мишей к двери.)** Мишка! Ты видел когда-нибудь такого человека? **(Уходит с Мишей.)**

ВИТЯ **(оставшись один, потирает руки).** Та-ак! Сейчас и этих завербуем!

Возвращаются Миша и Оля, неся столовую посуду и всякую снедь.

Занавес.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Двор. С унылым видом слоняется Кузя. Он останавливается у окна домоуправления, в котором видна работающая Мария Даниловна. Звонит телефон. Мария Даниловна берет трубку.

МАРИЯ ДАНИЛОВНА. Да-да?

ГОЛОС АНДРЕЯ. Пожовите Кужьму.

МАРИЯ ДАНИЛОВНА. Это кто? Андрюшка, что ли?

ГОЛОС АНДРЕЯ. Да.

КУЗЯ **(тихонько вскрикивает).** Ой! Андрюша! **(Забирается на скамью под окном.)**

МАРИЯ ДАНИЛОВНА. Чего ж не здороваешься?

ГОЛОС АНДРЕЯ. Ждравштвуйте!

МАРИЯ ДАНИЛОВНА. Ну, то-то! **(Передает Кузе трубку.)**

КУЗЯ **(в трубку).** Андрюша, здравствуй! Как поживаешь?

ГОЛОС АНДРЕЯ. Кужьма!

КУЗЯ. Чего? Андрюша!..

ГОЛОС АНДРЕЯ. Нашлась керощинка.

КУЗЯ. Что?

ГОЛОС АНДРЕЯ. Керощинка, говорю, нашлась. Ее Димка Пужиков на помойке нашел и у щебя шпрятал. Я ему уже по шее надавал.

КУЗЯ **(секунду молчит, соображая).** Ах, керосинка! Андрюша, знаешь чего? Андрюша, приходи к нам в гости. Сегодня приходи!

ГОЛОС АНДРЕЯ. Не. Не приду. У ваш там вще хулиганы. Ты мне шам шкажал...

КУЗЯ. Андрюша, это я тогда все выдумал, что они хулиганы. Я их тогда даже в глаза не видел.

ГОЛОС АНДРЕЯ. И вовще ты не выдумал. Вще говорят, что на вщю улицу у ваш хулиганы.

КУЗЯ. Андрюша, послушай! Андрюша, знаешь чего? Я тебе тогда наврал, что они хулиганы, а они почему-то и вправду оказались хулиганами. Андрюша, ты не бойся, все равно приходи. Ты только сделай вид, будто ты сам хулиган.

ГОЛОС АНДРЕЯ. Не. Не приду, Кужьма!

КУЗЯ. Чего, Андрюша?..

ГОЛОС АНДРЕЯ. До швидания. Ко мне Димка пришел.

Слышно, как Андрей повесил трубку. Кузя передает трубку матери и, огорченный, слезает со скамьи.

КУЗЯ. Ну вот! Андрюша к нам не хочет идти. **(С упреком.)** Почему, вот почему во всех дворах ребята как ребята, а у тебя одни хулиганы?

МАРИЯ ДАНИЛОВНА. Погоди, и наши хорошими станут. Вот оборудуем пионерскую комнату да всем домом и примемся за них. Они-то по отдельности ребята хорошие, а как вместе соберутся, так и начинают безобразничать.

КУЗЯ. Хорошие! Хорошие! Я бы тебе рассказал, что они задумали.

МАРИЯ ДАНИЛОВНА. А что такое они задумали?

КУЗЯ. Не скажу. А то они мне голову оторвут.

МАРИЯ ДАНИЛОВНА. Кузьма! Ну-ка, поди сюда. Что такое они задумали?

КУЗЯ **(бежит от окна).** Не скажу! Ничего не скажу! Ничего не скажу! **(Убегает.)**

Из подъезда выходят Игнат и Леша. Вид у них очень утомленный. Они садятся на ступеньках крыльца.

ИГНАТ. Хорошо здесь... Солнышко...

ЛЕША. Я же тебе говорил, что здесь куда лучше, чем на лестнице. Тут и тепло и воздух свежий... **(Леша молчит несколько секунд, потом поднимается.)**

ИГНАТ **(быстро).** Ты куда?

ЛЕША. Я? Это... я домой... Ты здесь посиди, а я домой на минуточку сбегаю...

ИГНАТ **(поднимается).** Ладно. Пошли.

ЛЕША. Куда пошли?

ИГНАТ. К тебе домой. А то мне тут скучно одному.

ЛЕША **(секунду молчит, озадаченный, потом делает вид, что ищет что-то в карманах).** Вот так черт! Я ключ от квартиры забыл! Мама с бабушкой ушли, а я ключ забыл. А у меня ключа нет. Придется здесь подождать.

Леша снова опускается на крыльцо. Игнат садится рядом. Во двор вбегает Паша. Лицо его мокро от пота, ноги заплетаются от усталости. Он тяжело бухается на крыльцо и дышит, как паровоз.

ИГНАТ. Достал?

ПАША. Весь поселок... четыре раза... обежал... нигде не... нашел...

ИГНАТ **(встает с крыльца и отходит в сторону).** Пашк... Поди сюда.

ПАША **(шатаясь, подходит к Игнату).** Чего?

Леша внимательно следит за братьями. Во дворе снова появляется Кузя. Он издали боязливо поглядывает на ребят.

ИГНАТ. Я, знаешь, чего придумал? **(Шепчет Паше на ухо.)**

ПАША **(тихо).** Ага! Дело! А как он к Витьке подойдет, так сразу хвать его по шее и в милицию! **(Оборачивается к Леше.)** Лешк! Поди сюда! Чего скажем!

ЛЕША **(подходит к Саврасовым).** Ну?

ПАША. Лешк... А Витька-то твой приехал!..

ЛЕША **(испуганно).** Как это... как приехал?!. Ничего... ничего он не приехал!

ПАША. А вот ты и не знаешь! Приехал он! Только он пронюхал, что мы его... это самое, собираемся, и на чердаке спрятался. У тебя ключ от чердака есть? Пошли... Это самое... его сейчас.

ЛЕША. У... у меня нет ключа.

Братья разочарованно переглядываются.

ПАША. Ну, тогда у Ольги ключ возьмем. **(Тихо Игнату.)** Заодно и ей надаем.

ЛЕША **(еще больше испугавшись).** Знаете что? Не надо к Ольге... Я достану ключ, только вы никого больше не зовите, а то пойдут всякие разговоры... Мы уж лучше его втроем... Ладно? Мы давайте только втроем...

ПАША. Ага. Факт, лучше втроем.

ЛЕША. Я сейчас достану ключ... А вы наверх идите, к чердаку... А я сейчас достану.

Ребята направляются к подъезду. Саврасовы смотрят, как Леша открывает дверь своей квартиры и скрывается в ней.

ИГНАТ. А говорил мне, что у него ключа от квартиры нет. Пошли. Наверху его подождем.

Появляется Протопопов.

ПРОТОПОПОВ **(кричит).** Миша! Михаил!

Быстрыми шагами во двор входит Буренушкин с чемоданом в руке. Из домоуправления выходит Мария Даниловна.

МАРИЯ ДАНИЛОВНА. Здравствуйте, товарищ Буренушкин! С приездом вас!

БУРЕНУШКИН **(приостановившись).** А!.. Здравствуйте...

МАРИЯ ДАНИЛОВНА. Ну, как съездили?

БУРЕНУШКИН **(рассеянно).** А? Хорошо... Благодарю...

Во двор с улицы входят Анфиса Родионовна и Вера Ивановна. Они чем-то очень взволнованы.

АНФИСА РОДИОНОВНА **(увидев Буренушкина).** Смотри-ка! Володя приехал! **(Вместе с Верой Ивановной подходят к Буренушкину.)**

ВЕРА ИВАНОВНА. Володя! Каким образом ты здесь? Что это значит?

БУРЕНУШКИН **(волнуясь).** Сначала вы мне

объясните, что вот это все значит! **(Вынимает из кармана пачку телеграмм и показывает их Анфисе Родионовне.)** Я... я продал билет на поезд и вылетел самолетом после того, как получил все эти телеграммы.

АНФИСА РОДИОНОВНА **(сухо).** А это, голубчик, плоды твоего воспитания, вот что это значит. Только не об этом сейчас говорить. У нас другая беда: Витенька Ладов пропал.

Во двор входит Людмила Викторовна.

ЛЮДМИЛА ВИКТОРОВНА. Кто пропал?

АНФИСА РОДИОНОВНА. Дружочек Лешенькин пропал. Вчера должен был приехать и не приехал. А сегодня мы позвонили в город к его родителям, и те сказали, что Витенька к нам еще вечером выехал и домой не возвращался. Мы уже весь поселок обегали. И в милиции были, и на станции, и в «Скорой помощи».

КУЗЯ **(всхлипывая).** А я... я знаю.

МАРИЯ ДАНИЛОВНА. Что ты знаешь?

КУЗЯ. А я знаю, что с ним. Мама, я уж все скажу! Я вчера сам видел, как Витя приехал и как Леша с ним разговаривал.

АНФИСА РОДИОНОВНА. Господи! Так где же он, Витенька-то?

КУЗЯ. Леша его, наверное, уже искалечил.

ГОЛОСА. Что?! Как искалечил?

КУЗЯ. Так. Насмерть. Леша вчера всех ребят подговаривал, чтобы Витю насмерть искалечить.

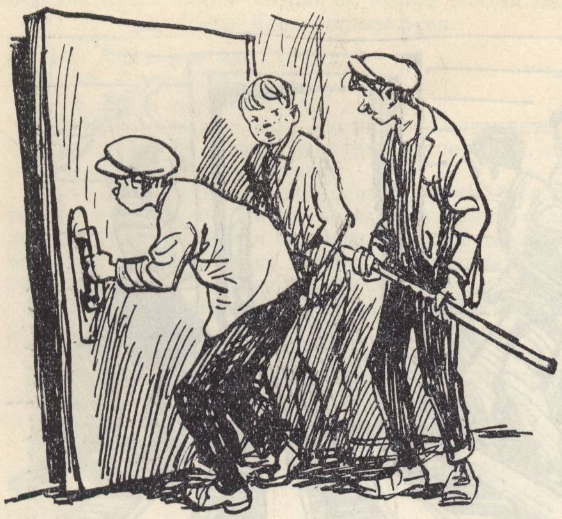
ВСЕ. Что-о-о?

Во двор входит Саврасова и присоединяется к остальным.

Занавес.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Декорация та же, что и в первой картине третьего действия. На лестнице, ведущей к чердаку, сидят Игнат и Паша. Их чайная посуда и Лешин кофейник стоят в углу на верхней площадке. Дверь в противоположном конце чердака открывается, и в нее входят Витя, Оля и Миша. В руках у мальчиков палки от лыж. В руке у Оли сковородка с длинной ручкой.

ОЛЯ **(оглядываясь).** Правда, когда вооружен, чувствуешь себя как-то спокойнее?

ВИТЯ. Ну, конечно. Итак... Вот моя конспиративная квартира. Располагайтесь как дома.

МИША **(угрюмо).** А что мы будем делать на этой конспиративной квартире?

ВИТЯ. А вот этот вопрос нам и надо будет сейчас обсудить. Я такой план наметил: вы сообщаете самым главным бандитам, что я нахожусь на чердаке, и возвращаетесь сюда. Здесь вы прячетесь по темным углам, а я остаюсь на виду, для приманки. Как только бандиты нападут на меня, вы выскакиваете из засады, мы все трое бросаемся на них, короткая схватка и...

МИША. Ты... ты что, спятил? Они, знаешь, какие здоровые!

ВИТЯ. Ну и пускай здоровые. На нашей стороне внезапность нападения, быстрота, глазомер и натиск.

МИША. Не знаю. По-моему, это глупый план... И... и вообще, я, как-никак, пионер, а пионерам в драке участвовать...

ОЛЯ **(вспылив).** Ты... ты пионер? Трус ты, а не пионер! Ты только важничать умеешь да руководителя из себя корчить, а как настоящее пионерское дело надо совершить, так тебя нету! Мы с тобой только и знали, что подлаживались под этих бандитов, грязными да нечесаными ходили, потому что дурак Буренушкин так ходит, хулиганили да взрослым грубили, чтобы храбрость да независимость свою доказать! А посмотри, как настоящий храбрый и независимый человек действует! **(Указывает на Витю.)** Знает, что целая банда с ним разделаться собирается, и остается в самом ее логове, чтобы вступить с ней в борьбу. **(Подходит к Вите и протягивает ему руку.)** Витя, вот тебе моя рука! Пусть этот трус убирается на все четыре стороны, а я... я буду с тобой до конца.

МИША **(смущенно).** А я что? Я ничего не говорю. Я просто говорю, что с ними трудно будет бороться. Нас мало, а они вон какие здоровые!

ВИТЯ. Хотите, я вам открою один секрет? Нас не так уж мало, как вы думаете. Я еще сегодня утром двоих ребят к себе завербовал.

МИША. Как завербовал?

ОЛЯ. Витя, кого же ты завербовал?

ВИТЯ. Два брата: Игнат и Паша.

МИША. Что-о?

ОЛЯ. Кто-о? Саврасовы?

ВИТЯ. Ну да. Кажется, так их фамилия. Они пришли сегодня утром белье вешать и наткнулись на меня. И сразу согласились мне помогать.

ОЛЯ **(в сильном волнении).** Витя... подожди... Да ты знаешь... Витя, что они тебе сказали?

ВИТЯ. Они просили меня подождать, сказали, что скоро вернутся, и ушли. И заперли меня. И вот до сих пор их нет.

Миша и Оля переглядываются.

МИША. Ну, ясно! Тебя на пушку взяли.

ОЛЯ **(взволнованно).** Витя! Ты не представляешь себе, в какую ловушку ты чуть не попал! Это же самые настоящие уголовники. Я уверена, что сегодня же они с Буренушкиным придут чтобы разделаться с тобой.

ВИТЯ. Ну, положим, Лешка со мной разделываться не будет.

ОЛЯ. Что?

ВИТЯ. В Буренушкине я уверен.

МИША. Да ты что, дурачок, что ли? Ведь это Лешка-то и придумал, чтобы тебя укокошить.

ВИТЯ. Как... как это придумал?

ОЛЯ. Витька! Ну, конечно же! Это же Лешка все и затеял! Он тебя так ненавидит — прямо зубами скрипит. Витька, ну до чего ты доверчивый! До чего ты доверчивый, прямо ужас!

ВИТЯ **(в растерянности).** Ничего не понимаю!

На лестнице появляется Л е ш а. Он несет в руке палку от щетки.

ЛЕША. Ну, вот и я. **(Вынимает из кармана бланк, долго смотрит на него и прячет в карман.)** По... пошли.

ОЛЯ **(прислушиваясь).** Слышите? Голоса!

Оля, Миша и Витя на цыпочках подбегают к двери, прислушиваются.

ИГНАТ **(кивает на палку в руке у Леши).** А это ты зачем?

ОЛЯ **(шепотом).** Так и есть... Саврасовы.

ЛЕША. Ну как зачем? Я... я палкой его буду.

ВИТЯ **(тихо).** Лешка! Что это он говорит?

ПАША. Не, Леша... Не надо палкой. Мы лучше так его, кулаками...

ЛЕША. Ку... кулаками неинтересно, я лу... лучше палкой, чтобы как следует... **(Протягивает Игнату ключ и делает шаг назад.)** Ну... открывайте... По... пошли!

Братья подозрительно смотрят на Лешу.

ОЛЯ **(тихо, становясь рядом с дверью и подняв сковородку).** Решительный момент наступил!

Миша молча бросается к двери в противоположном конце чердака. Оля бежит за ним.

ОЛЯ **(тихо).** Мишка! Стой! Ты куда?

МИША. Домой. Ну их...

Оля опережает его, запирает дверь и, вынув ключ из замочной скважины, направляется к слуховому окну.

МИША **(бежит за ней).** Отдай ключ, слышишь, отдай ключ!

ОЛЯ **(бросает ключ в окно).** Вот тебе твой ключ. Ты или будешь сражаться, или погибнешь вместе с нами.

В дверь входит П а ш а, за ним — Л е ш а, за Лешей — И г н а т. Витя пятится от двери. На секунду все застывают, глядя друг на друга, потом Л е ш а бросается с палкой на Пашу.

ЛЕША **(кричит).** Витька, спасайся! **(Бьет Пашу.)**

ИГНАТ **(бросается с кулаками на Лешу).** Держи бандитов, Витька!

ОЛЯ **(бросается со сковородкой на Лешу, Пашу и Игната).** Витя! Вперед! Бей хулиганов!

МИША **(кричит).** Кара-у-у-у-л! **(Бросается в общую свалку.)**

ВИТЯ **(пытается разнять дерущихся).** Стойте! Подождите! Тут что-то не так!

По обеим лестницам взбегают все взрослые и Кузя. Мария Даниловна своим ключом отпирает запертую дверь. Взрослые растаскивают дерущихся ребят.

ГОЛОСА. Стойте! Держите их! Палки, палки отнимите!

Буренушкин оттаскивает в сторону Лешу, тот вырывается.

ЛЕША. Папа, пусти! Это все хулиганы! Они Витю хотели избить! Нас двое, а их вон сколько! Пусти!

ПАША **(рвется из рук Марии Даниловны).** Сам ты хулиган! Сам ты хотел Витьку насмерть убить!

ОЛЯ **(рвется из рук Людмилы Викторовны).** Не верьте им! Они все трое хотели на Витьку напасть! Все они уголовники настоящие.

ИГНАТ. Сама ты уголовница! Сама ты бандитка! Кто грозился глаза ему выцарапать?!

ВИТЯ. Да тише вы! Подождите! Я здесь ничего не пойму! Вы все дрались между собой, и каждый кричал: «Витька, бей хулиганов!..»

Пауза. Ребята удивленно смотрят друг на друга.

МИША. Как это: каждый кричал?

ВИТЯ. Ну, конечно! Ты, впрочем, «караул» кричал, а все остальные: «Бей хулиганов!» А меня никто даже пальцем не тронул. Как же это так? Не пойму!

БУРЕНУШКИН. Подождите! Давайте по порядку разберемся! С чего это началось? **(Леше.)** Может быть, ты расскажешь?

ЛЕША. Хорошо! Я расскажу! Мне очень стыдно, что я под хулиганов подлаживался, но я расскажу. Когда я приехал сюда, Кузя сказал мне, что здесь живут одни хулиганы и что маменькиных сынков здесь смертным боем бьют. И вот, чтобы не показаться маменькиным сынком, я...

ОЛЯ **(прерывая его).** Как же так? А нам с Мишей Кузя сразу сказал, что ты самый главный хулиган!

ПАША. Во чудно! Да, Игнат? **(Оле.)** А нам Кузьма сказал, что ты сама распереотчаянная хулиганка. Только и знаешь, что маменькиных сынков лупишь.

ГОЛОСА РОДИТЕЛЕЙ. Ничего не понимаю!.. Что за чепуха!.. Просто бред какой-то!..

МАРИЯ ДАНИЛОВНА. Погодите, погодите! Сейчас разберемся. Кузьма, подойди-ка сюда! **(Кузя подходит.)** А ну, давай расскажи: что это ты за кашу заварил?

Все оборачиваются к Кузе и секунду смотрят на него. Потом все берутся за руки и выходят на просцениум.

ВСЕ **(хором, обращаясь к зрителям).** Но то, что нам рассказал Кузя, вам уже неинтересно. Вы ведь и так все знаете. Правда?

Занавес.

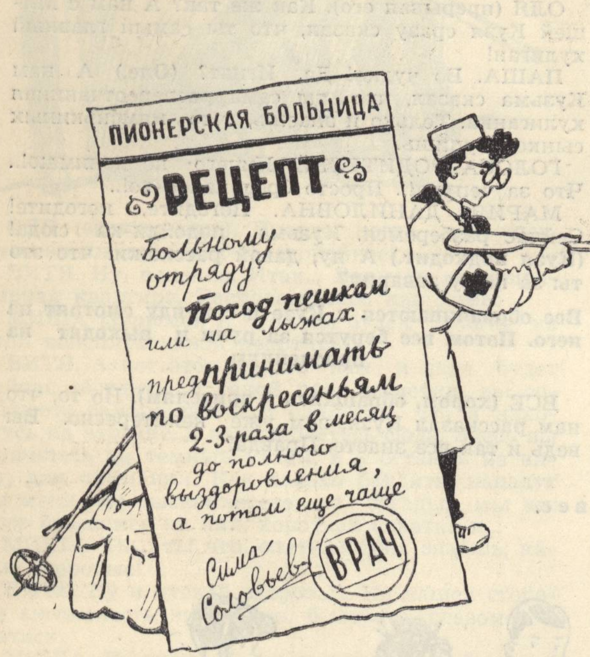
БУДЬ ГОТОВ!

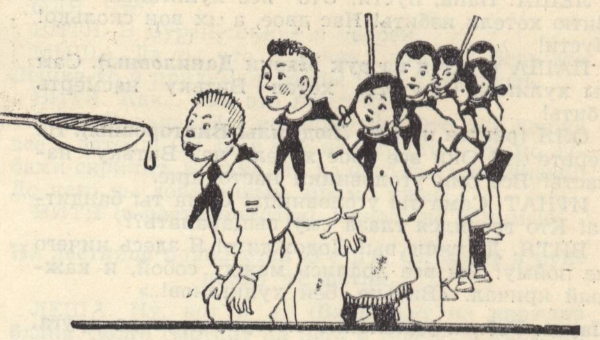
КАК НАЙТИ ДРУЖБУ

Здравствуй, Сима Соловьев!

У нас очень недружный отряд. Даже в кино вместе не соберемся. Ребята говорят: «Не пойду: я уже смотрел эту картину». На уроках сидят плохо, на переменах собираются группами, и у всех тайны друг от друга. Что нам делать?

Пионеры 6-го класса, г. Омск.

Вы, конечно, понимаете, ребята, что это шутка. Невозможно выдать один «рецепт» сразу всем «больным» отрядам, как невозможно все болезни, какие есть на свете, лечить одним лекарством, например, кальцексом. Но в шутке есть и доля правды.

Почему ребята в классе не дружат? Да потому, что они плохо знают тех, кто сидит рядом, на одной парте, в одном классе.

Хочется сказать таким ребятам: а вы присмотрелись к своим товарищам по отряду? Вы видали их в трудных условиях, в необычной обстановке?

Говорят, что друзья познаются в беде. Поход, конечно, вовсе не беда. Но в походе надо идти с тяжелым рюкзаком, а порой бывает, что и заблудишься; добрались усталые до условленного места — надо разжигать костер, готовить ужин, ставить палатки, а ночью, может быть, придется и померзнуть... Дальняя дорога, суровая походная жизнь не терпят нытиков, лентяев, эгоистов. И если у кого-нибудь и было немного лени и себялюбия, в походе все обобьется, как шелуха от семечек. И вы увидите, какие все-таки у вас хорошие в отряде ребята!

Вот почему я хочу уже не в шутку, а всерьез посоветовать: почаще ходите в походы — и ваш отряд станет дружным.

Я предвижу очень много вопросов.

Куда идти в поход? Когда отправляться? Что взять с собой? Где достать палатки? Рюкзаки? Котелки? Как сварить на костре обед?

Лучше всего вам сможет помочь пионер—инструктор по туризму. Мне кажется, в каждом отряде должно быть три — четыре инструктора. А как их подготовить? Недавно я побывал в зимнем туристском лагере под Баку, в Пиршагах. Там в несколько дней подготовили около ста инструкторов. Я думаю, такой лагерь может организовать каждая дружина.

ЕСЛИ ВЗЯТЬСЯ ЗА ДЕЛО

Давайте вместе подумаем, как создать такой лагерь при дружине — ну, скажем, на время весенних каникул.

Неопытным туристам надо обязательно иметь какое-нибудь помещение, где они мо-

гли бы укрыться от непогоды. Можно попроситься переночевать в какую-нибудь сельскую школу. Лучше всего сделать так, как поступили в Низаминском районе Баку: договорились с шефами, и те предоставили в распоряжение ребят свой летний пионерский лагерь.

У вашей школы есть шефы? У шефов есть лагерь? Совету дружины ничего не стоит договориться!

Другой вопрос: кто будет руководить отрядами? В лагере в Пиршагах на восемьдесят ребят было только двое взрослых. Отрядами руководили пионеры — инструкторы с детской туристской станции, ученики шестых — восьмых классов.

А где школа возьмет инструкторов? Да там же — на туристской станции, или в райкоме комсомола, или поищет среди старшеклассников. Наверняка найдутся опытные в таких делах ребята! Я представляю, как в некоторых дружинах начнут тосковать: а где мы возьмем автобус, чтобы перевезти ребят? А деньги откуда? А где достать палатки?

Но если не «страдать» попусту, а взяться за дело, то найдутся и деньги, и автобусы, и руководители...

САМЫЙ ТРУДНЫЙ ДЕНЬ

Самым трудным в лагере в Пиршагах был, конечно, первый день.

Началось с обеда. Сделали так. Каждый отряд, десять человек, варил свой обед. При-

В лагерь я брал с собой магнитофон. Не знаю, может быть, этот аппарат был особенный, но в нем оказались лишь веселые записи. Почему же говорят, что в походе трудно? Может, не так уж трудно, раз весело? А может, потому и нетрудно, что весело?

Внимание! Включаю магнитофон...

ВО ДВОРЕ ТУРИСТСКОЙ СТАНЦИИ

— Отрядам, готовым к отъезду, строиться у автобусов!

Голос девочки:

— Олег, ты расческу взял?

— Взял!

— Большую?

— Хватит на всех!

* * *

— Азиз, займи мне место у окна!

— Ты что, девочка, что ли?

— Как, и у туристов нет равноправия?!

ВКЛЮЧАЮ МАГНИТОФОН...

ПРИКАЗ № 1:

— Всем быть здоровыми и не чихать.

НА ПЕРВОЙ ЛИНЕЙКЕ

— Ребята, только что в лагерь пришло важное сообщение! Запущена советская космическая ракета!

— Ура!!!

— В честь запуска ракеты предлагается первую же ночь провести не в корпусах, а на воздухе — в палатках.

— Ура!!!

— «Ура» будете кричать ночью, чтоб не замерзнуть. Сейчас три градуса тепла. Температура подходящая, но только для продуктов: не испортятся.

везли всяких «походных» продуктов и вывесили прейскурант — список, что сколько стоит. Составляй заявку на отряд и бери что хочешь, вари что хочешь, но помни: больше десяти рублей на человека в день тратить нельзя.

Что ж, пришлось ребятам поучиться жить экономно. А как же иначе? Иначе в походе нельзя... Но голодных в лагере не было. Правда, первого обеда пришлось дожидаться долгонько...

Целый час спорили: что будет варить отряд? Один турист хочет супа, другой — борща, третий — каши... А уступать никто не соглашался. Еще больше споров поднялось, когда начали готовить. Простое дело — кисель, а поди свари. Одна кричит: больше воды надо, другая: нет, больше порошка сыпьте... Ссорились, обижались друг на друга и в результате сварили огромное ведро чуть сладковатой розовой водицы. Должны были обедать в час дня — пообедали в четыре. И поняли: нет, если все будут командовать, сидеть туристам голодными! Надо научиться и подчиняться... Да не болтать без толку, не указывать: «Сделай то, принеси это!»,— а самому искать, что еще нужно для отряда. Воды принести? Дров наколоть? И тихонько, без шума делать.

ВСЕ ТАКИЕ БДИТЕЛЬНЫЕ!

Признаюсь по секрету, к четырем часам утра я не выдержал. Холодно! Никак не заснешь! Осторожно, крадучись, подобрался к костру. Может, повезет, и никто, кроме дежурных, не увидит моего позора?

Какое там! У костра полно народу.

— Вы чего не спите, товарищ Сима?

Смеются, явно смеются!

— Да вот... Решил дежурных проверить...

— А-а! Ну, тогда погрейтесь.

То и дело к костру подбегает еще кто-нибудь из «проверяющих». Все оказались такие бдительные!

Но зато какие рассказы у ночного костра! Никогда таких не услышишь. О летчике, в

самолет которого забралась ядовитая гюрза, так что пришлось в воздухе вступить с ней в единоборство; о том, как ребята шли по краю пропасти, а навстречу, по тропинке повыше, пробирался огромный медведь; о переправе через реку по узкому висячему мосту... Это рассказывал опытный инструктор Гена Дереписко, тот самый маленький Гена, у кого всегда раньше всех был готов обед, кто, подойдя ночью к костру, хмуро сказал: «Неинтересно в палатке... Без приключений. Ни дождя, ни ветра настоящего...» И кто первый отправился будить своих дежурных: пора готовить завтрак!

Хороший парень Гена Дереписко! Я бы хотел иметь такого товарища. Но он такой тихий, что если бы я встретил его не в походе, а в классе, я, наверно, и не узнал бы, что он все умеет.

ВРЕМЯ СЖАТО В ПРУЖИНУ

Когда живешь походной жизнью, течение времени изменяется. Кажется, не успели встать, а уже пора расходиться по палаткам. Но оглянешься — столько всякого случилось за день, сколько в обычной жизни и за месяц не происходит. Время так наполнено событиями, как будто его закрутили, как пружину. Взяли неделю и сжали в день. И посмотришь на ребят — к вечеру они уже немножко не такие, какими были утром. Лучше стали.

На второй день обеды и ужины перестали быть сложнейшей проблемой, с ними легко

ВКЛЮЧАЮ МАГНИТОФОН...

РАЗВОДЯТ ОГОНЬ

— Не так ты делаешь! Надо с одной спички!

— Ну-у? А я и не знал. На, пожалуйста, разжигай сам, еще полкоробка осталось.

Пауза. Слышится чирканье. Одна спичка, вторая, третья, десятая... Кто-то громко чихает.

— Да не чихай ты тут! Так никогда не загорится!

— Эх, бензинчику бы...

ИЗ НАСТАВЛЕНИЙ ИНСТРУКТОРОВ

— Когда ставишь палатку, главное — найти у нее дно.

◇

— В рюкзак кладут разные предметы, но они должны быть не больше, чем рюкзак.

◇

— Получше чистите кастрюли, от этого все мускулы развиваются.

ПОСЛЕДНИЙ КИЛОМЕТР...

— А мама думает, мы отдыхаем...

управлялись два — три человека; на вторую ночь выяснилось, что если правильно улечься в палатке, объединить все матрацы и одеяла, то будет тепло и даже жарко... А главное, стало ясно, на кого можно положиться в серьезном деле, а на кого нельзя.

Прослушав беседы об организации похода, о том, что такое «азимут», об ориентировке на местности, повозившись с кострами и палатками, ребята были готовы к настоящему походу. Такой поход и состоялся на третий день. Шли по песчаной пустыне к Самур-Дивичинскому каналу. Осмотрели насосную станцию. Обратно шли поотрядно, без ориентиров — только по азимуту, и лишь один отряд из восьми немножко заблудился... Кто-то предложил спросить дорогу у местных жителей, но это было воспринято как оскорбление. «Азимут есть? Есть. Вот и дойдем». Дали крюк километра в два... Но дошли.

В последний день лагерной жизни провели эстафету-соревнование. Каждый отряд должен был разжечь костер, вскипятить воду, поставить палатку, пройти по азимуту... Кто быстрее? Это было что-то вроде зачета. Но звание пионера-инструктора решили присвоить позже, когда каждый сам организует поход в своем пионерском отряде. Вы, наверное, уже догадались, кто победил в эстафете. Ну, конечно же, отряд инструктора Гены Дереписко! Ему и поручили сложить и зажечь прощальный лагерный костер... Грелись у костра, пели песни, слушали веселые истории и удивлялись: как можно так крепко сдружиться за пять дней?

Чудесное дело — поход!

Отправляйтесь в поход, и там, в лесах, полях, в палатках, у костров, вы обязательно найдете настоящих друзей.

Вожатый *Сима Соловьев.*

Можно ли пионеру драться?

Ребята!
После перерыва вновь открывается клуб «Пионера».
Первое заседание состоится в одном из ближайших номеров. На нем будут обсуждать письмо Эдика К. Вот оно.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Я шел вчера из школы домой, а двое мальчишек отнимали портфель у одной девчонки из нашего класса. Она что-то закричала мне, я не расслышал, что. Я знаю этих мальчишек: они с соседнего двора. Мне с ними не справиться. Я повернулся и пошел назад. А сегодня в классе Тамарка обозвала меня трусом. Она всех обзывает, кого эгоистом, кого трусом. За это ей и попадает. У самой даже портфель не отняли.

Дорогая редакция! Напечатайте скорей, что она не имеет права называть меня трусом. Ведь все равно я бы их не прогнал, только избили бы, и все. И вообще, разве пионеру можно драться?

Кто хочет участвовать в заседании клуба, быстрее присылайте свои письма. Напишите:
1. Трус Эдик К. или не трус!
2. Можно ли пионеру драться!
Внимание! Так как дело очень срочное, письма высылайте сразу.

ПЕРВЫЙ ЛАСТ

Н. КОЛЕСНИКОВА,
П. МИХАЛЕВ

О лучшем боксере говорят: «первая перчатка», о сильнейшем теннисисте — «первая ракетка». А Елену Воронкову называют «первым ластом». Что это такое?

Начнем издалека. Аквариум был невелик: обычный стеклянный кубик, наполненный водой. Во всяком случае, таким он казался непосвященным. Но стоило Лене плотно прижаться носом к стеклу аквариума, как стекло словно исчезало, и тогда казалось, что ты вошла в подводное царство, полное чудес.

Между ракушечными гротами с их причудливыми арками и выступами поднимались деревья-водоросли. Одни — шелковистыми зелеными лентами, другие — нежными мохнатыми елочками. В этих зарослях кипела своя жизнь. Вот дружно проплывает стайка робких гуппи, выше, перегоняя их, лихо мчатся задиристые меченосцы, а толстый медлительный макропод, застыв на месте, сонно помахивает нарядным прозрачным шлейфом.

Уже мать зовет обедать, и отец дразнит: «Смотри, нос расплющишь», — а Лена все не оторвется от прозрачного стекла.

С той поры прошло лет десять. Лена — девушка с длинными светлыми косами — приехала в Крым, в поселок Карабах.

Скалистый берег утопал в зное. Выглядывающие из воды приглаженные временем и волной камни, на которых так любят нежиться крабы, раскалились на солнце. О море в такие дни говорят: как парное молоко.

Лена Воронкова спрятала косы под купальную шапочку, затянула на ногах резиновые ласты, похожие на перепончатые лягушачьи лапы, протерла стекло маски, и... морские волны сомкнулись над ней.

Медленно перебирая ластами, она, как зачарованная, глядела по сторонам. Вот он, ставший теперь огромным, аквариумный мир ее детства! Солнце упало на скалу. Оказывается, бывают розовые скалы! Лена подплыла ближе и недоверчиво потрогала камень. Маленькие розовые лишайники покрывали его, как цветы солнечную поляну. Между двумя большими камнями, словно в ущелье, показалась стайка тонконосых зарганов. Они мелькнули серебристыми стрелками и скрылись в густых водорослях. Вверху,

Лена Воронкова с трофеем подводной охоты. Напрасно пробует вырваться толстобокий губан!

на двухметровой глубине, висела абажуром большая медуза. Солнце просвечивало сквозь ее опаловую спину.

Между камнями по дну медленно плыли большие кефали. Лена осторожно раздвигала руками чащу водорослей и видела дремавших там зеленоватых губанов. «Будто грибы в лесу ищешь»,— подумала она и рассмеялась, когда любопытный бычок ткнулся глазастой мордой прямо в стекло маски.

Стало холодно. Солнечное тепло уже не доставало до этой глубины. Пора было подниматься. Лена энергично взмахнула руками, задвигала ластами, как винтом. Она уже почти добралась до поверхности, как вдруг с ходу затормозила. Темной тенью надвигалось на нее какое-то ребристое, горбоносое чудовище. Сквозь воду все выглядит увеличенным, и Лена не сразу узнала киль обыкновенной лодки, той самой лодки, в которой сидел тренер.

— Посторонись! — предостерег знакомый голос, строгий и чуть насмешливый.

Так прошло первое путешествие Лены Воронковой с аквалангом по морскому дну.

Акваланг — довольно сложный аппарат, позволяющий дышать под водой. Баллоны, наполненные сжатым воздухом, укреплены, как рюкзак, за спиной пловца. Через длинный резиновый шланг пловец то и дело втягивает ртом из баллонов воздух, свежую порцию, и может несравнимо дольше оставаться под водой, чем обыкновенный ныряльщик.

Чувство свободы, которое дает акваланг в подводном царстве, удивительные впечатления подводных путешествий увлекли многих юношей и девушек. Родился новый вид спорта. А где спорт, там соревнование, борьба. В соревновании проверяется спортивное мастерство, меряется полной мерой сила, мужество, воля.

Первые всесоюзные соревнования привели на берег моря Лену Воронкову и многих других пионеров нового спорта.

Чтобы завоевать право помериться силами в Карабахе, они много тренировались в реках, в озерах, в бассейнах Киева, Ленинграда, Москвы. В московском бассейне начала свой «подводный» путь и студентка лесотехнического института Лена Воронкова.

До этого она в бассейне занималась просто плаванием. Однажды, придя на обычную тренировку, Лена увидела объявление: «Сегодня, в 7 часов вечера, для желающих заниматься в секции подводного спорта состоятся приемные испытания».

Все в бассейне — и пловцы, и прыгуны с вышки, и ватерполисты — заинтересовались объявлением. Пришло человек двести. Лена даже оторопела, увидев столько конкурентов, но об отступлении у нее и мысли не мелькнуло. Наконец подошел ее черед держать экзамен: проплыть двести метров, пронырнуть бассейн поперек и прыгнуть с вышки. Наверно, упрямое желание обязательно попасть в секцию помогло девушке.

Первым поздравил Лену невысокий, плотный, седоватый человек. Это был Нил Васильевич Тимофеюк, бывший водолаз, а теперь тренер Центрального морского клуба.

— Сделаем из тебя русалку,— широко улыбаясь, сказал Нил Васильевич.

Лене выдали снаряжение: маску и широкие перепончатые ласты из резины, совсем такие, как на обложке романа «Человек-амфибия».

Сначала надо было научиться плавать и нырять в простой маске. Маска эта немного похожа на мотоциклетные очки, только стекол не два, а одно большое. Маска плотно закрывает верхнюю часть лица — глаза и нос. Дышать приходится ртом. Для этого пловец берет в рот небольшую резиновую трубку, конец которой находится на поверхности воды. Трубка коротка, с ней не уйдешь глубоко под воду. Человек связан с поверхностью, отделяющей водяное царство от воздуха, которым он дышит.

Кажется, просто: натянул маску, взял в рот конец трубки и поплыл. Лена Воронкова тоже так думала, но при первой же попытке поняла свою ошибку. Мы дышим, втягивая воздух через нос. Дышим, даже не думая,

МЕЧТЫ СПОРТСМЕНА

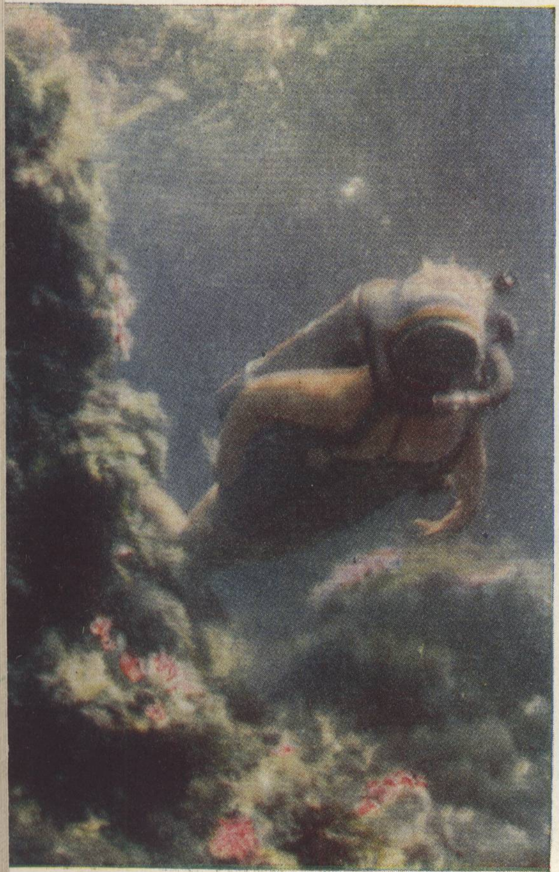

С аквалангом человек в воде как дома. Вот Лена и ее друзья завели веселый хоровод.

Фотография Ю. Транквиллицкого.

1. В простой маске пловец не уходит в глубину. Он лишь парит над подводным царством. 2. Так интересно скользить по дну мимо обросших скал, где среди водорослей, словно желтые и розовые цветы, выглядывают из своих раковин моллюски—рапаны! 3. Из зеленоватого сумрака — снова наверх, к соленому ветру, горячему солнцу, золотым блесткам на мокрых камнях.

Фотографии Ю. Транквиллицкого.

как, потому что привыкли так дышать от рождения. В маске нос плотно закрыт, и воздух нужно вдыхать ртом, по-рыбьи. А если забудешь и потянешь носом, сразу поперхнешься, закашляешься, хлебнешь воды, а тут недалеко и до паники.

— Ничего с тобой не случится,— добродушно ворчал тренер, когда Лена, захлебнувшись, сорвала маску и беспомощно заколотила по воде руками.— Ровным счетом ничего! Плавать умеешь, нырять умеешь, теперь думать в воде научись!

Лена понимала, что хотел сказать старый водолаз. «Думать» — значило ни на секунду не терять над собой контроля. Это и на суше не всегда удается, а в чужой, непривычной стихии и вовсе трудно. Постепенно умение «думать в воде» пришло к Лене.

Когда пловцы привыкли к маскам, научились дышать по-новому, Нил Васильевич однажды привез в бассейн продолговатые ящики, крашенные, как бока линкоров, серой шаровой краской. В ящиках лежали акваланги. Теперь можно было опускаться на дно целыми группами, устраивать под водой хороводы, играть в чехарду, кувыркаться. Приятно было чувствовать, что глубина, к которой еще недавно приходилось относиться с опаской, теперь покорна тебе, не враждебна. Но это все же была какая-то своя, «домашняя» глубина бассейна...

И вот теперь Лена у скал Карабаха, круто падающих в море. Участники соревнований должны были показать свое умение плавать, нырять в акваланге и в простой маске, ориентироваться под водой.

Последнее оказалось самым сложным. Метрах в двухстах от берега надо было нырнуть на большую глубину с аквалангом, снять его, оставить на дне и всплыть на поверхность. Затем, набрав в легкие воздуха, снова вернуться на дно, найти акваланг и надеть его. Конечно, такое под силу только отличным ныряльщикам.

Лена легко нашла на дне свой акваланг. Теперь, надев его, она должна была пройти по дну в строго заданном направлении почти полкилометра и вернуться на берег.

Куда идти? Пока она возилась с тяжелыми баллонами акваланга, вновь пристегивая их за спиной, взбаламученные ее движениями ил и песок темным облаком окутали ее, скрывая от глаз окружающее. Пришлось ждать. Понемногу муть улеглась. Лена стояла в раздумье. Со стороны показалось бы: одинокий путник затерялся в пустыне. Кругом сумерки. Под ластами ровный серо-желтый песок. Кое-где, словно одинокие кактусы, обломки скал. Только по компасу и можно определить курс. Под водой нет горизонта: человек видит всего на несколько метров вокруг. Вот когда пригодилось Лене умение ориентироваться, приобретенное зимой, в бассейне. Советуясь с дрожащей стрелкой компаса, она уверенно двинулась в путь.

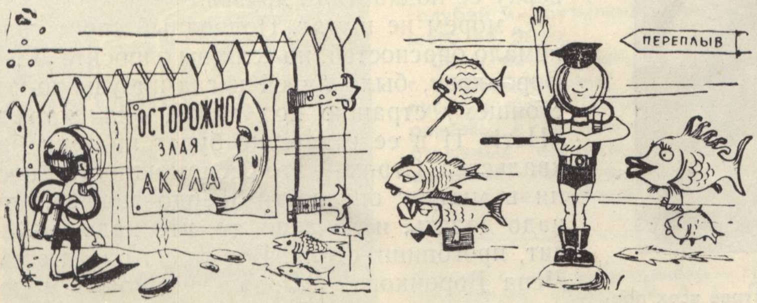
Постепенно становилось светлее, теплела вода, на дне засветились солнечные зайчики. Пустыня кончилась. Появились предвестники близкого берега — скалы и водоросли. Наконец ласты заскользили по обкатанной прибоем гальке. Когда Лена вышла на берег, судейские секундомеры отметили рекордное время. Она быстрее всех прошла маршрут.

В другом виде соревнований нужно было без акваланга, только в маске, опуститься по якорному тросу на глубину и снять контрольную бирку, подвешенную к тросу, как номерок в раздевалке. Бирки отмечали каждый метр. Последняя, с цифрой «10», ждала на десятиметровой глубине. Снимешь ее — получишь наивысшую оценку.

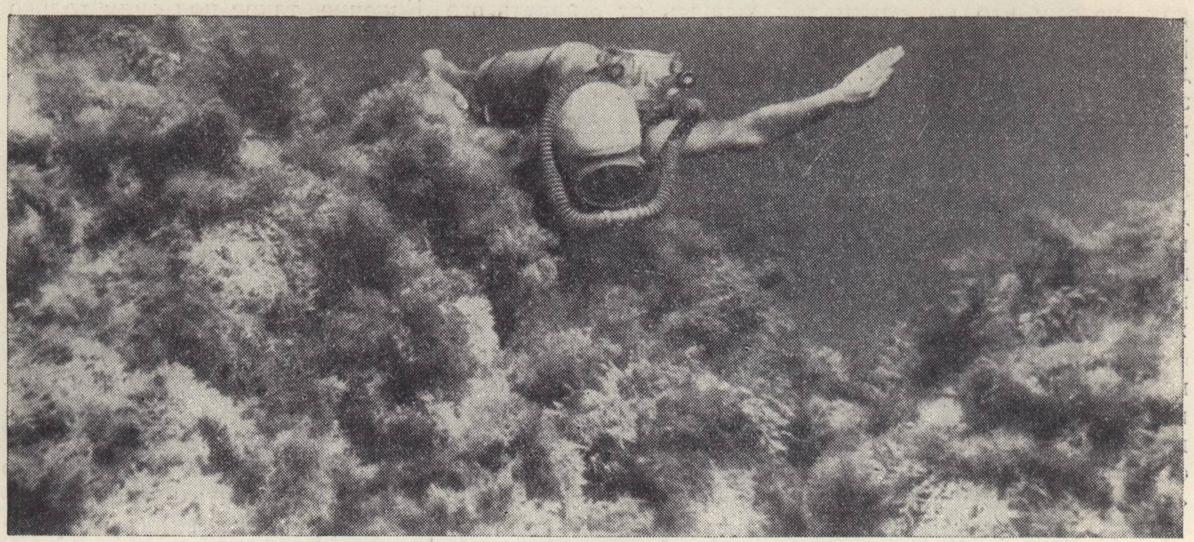
Для страховки давался пояс с буйком на

МЕЧТЫ СПОРТСМЕНА

Рисунки Льва Соколова.

**Я под водой пасу китов
И обуздал морских коньков,
Подводный зоопарк открыл,
На цепь акулу посадил.
Плывите, рыбки! Все прекрасно!
Теперь движенье безопасно!**

...Появились предвестники близкого берега: скалы и водоросли.

капроновом шнуре. Буек качался на поверхности, показывая, где пловец, чтобы в случае беды можно было прийти на помощь.

Парашютисты хорошо знают, что значит штопор. Сделаешь во время затяжного прыжка неловкое резкое движение — и воздушная струя завертит тебя так, что не можешь остановиться. Нырок в глубину похож на затяжной прыжок. Здесь тоже бывает штопор. Ныряя, пловец с силой работает ластами. При этом возникает водяной вихрь.

...«Скорее, скорее вниз!» Лена скользит в глубину, задерживая дыхание (ведь за плечами нет акваланга!). Вот и бирка с цифрой «10». И тут девушка почувствовала, что какая-то сила яростно завертела ее вокруг якорного троса. Это было бы не так страшно, но капроновый шнур аварийного буйка переплелся с тросом, не позволяя всплыть... Лена знает: наверху заплясал буек, сигналя беду. Может быть, сейчас придут на помощь. Ждать? Нет, нельзя. Не удержишь вдох, и ворвется в легкие сжатая давлением вода...

«Не ждать, действовать!» Рука потянулась к поясу, где висит нож. Перерезать шнур, и тогда свобода! Но что это? Ножны пусты. Видно, выскользнул нож, пока спускалась вниз. Стиснув зубы, Лена стала раскручивать тугой намокший шнур. Даже теперь, полузадохнувшись без воздуха, она ни на секунду не теряла самообладания... Наверху ее подхватили друзья.

С морем не шутят. Подводный спорт таит немало опасностей, но если вы спросите Лену Воронкову, было ли ей когда-нибудь по-настоящему страшно под водой, она скажет: «Нет!» И в ее ответе не будет ни тени бахвальства. Страх — это беспомощность. А если в минуту опасности твердо знаешь, что надо делать, и делаешь то, что надо,— значит, прогонишь страх. Вот такая она и есть, Лена Воронкова, молодая чемпионка молодого спорта, «первый ласт» нашей страны.

Ласты заскользили по гальке... Лена быстрее всех прошла подводный маршрут.

Рассказ о послушных молниях и волшебной лампе

Л. ГОЛОВАНОВ, А. НЕКРАСОВ

Рисунки О. Рево.

ПИСЬМО В БУТЫЛКЕ

Сто лет назад в России родился человек, которому суждено было совершить одно из величайших открытий нашего времени...

Но прежде чем говорить об этом человеке, расскажем о других знаменитых людях.

Много лет назад Христофор Колумб, находясь в открытом океане, оказался в трудном положении. О своих несчастьях он решил сообщить королю и королеве Кастилии — Фердинанду и Изабелле. Письмо, написанное на пергаменте, Колумб бережно запечатал в бутылку, сделанную из кокосового ореха, орех запрятал в крепкий бочонок и ночью тайком от команды бросил бочонок в море. Четыреста лет плавал по морям бочонок Колумба, прежде чем его случайно нашли недалеко от Гибралтара!

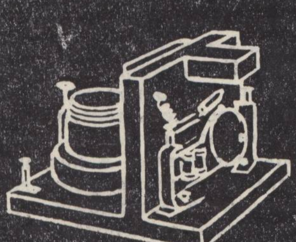
В конце прошлого века другой отважный исследователь, швед Соломон Андре, на воздушном шаре «Орел» решил добраться до Северного полюса.

К тому времени многое изменилось в мире. Изменилась и техника связи: телеграфные столбы давно из конца в конец шагали по земле. Уже тридцать лет исправно работал проложенный по дну Атлантического океана телеграфный кабель, связавший Европу с Америкой... Люди уже могли говорить по телефону...

Андре был инженером. Готовясь к экспедиции, он отбирал самое совершенное из того, что могла предложить техника тех дней. Но когда встал вопрос о связи, Андре выбрал почтовых голубей и... бутылки! Ничего лучшего не было.

Один из голубей, выпущенных с «Орла», принес короткую записку с пути. Потом связь оборвалась, и на много лет судьба отважных исследователей стала загадкой. Прошло больше четверти века, прежде чем случайно были обнаружены останки экспедиции. До конца прошлого века любой человек, потерявший из виду обжитой берег, порывал надежную связь с землей. И не раз, уходя в дальние плавания, моряки, посылавшие прощальные телеграммы близким, мечтали: «Эх, был бы телеграф без проводов!»

Мечтал о таком телеграфе и Андре. Мечтал и не знал, что весной того самого 1896 года, когда готовил он свой смелый полет, на Кронштадтском рейде проводились успешные опыты беспроволочной телеграфной связи на расстоянии более полукилометра между русскими кораблями «Европа» и «Африка». Проводил эти опыты русский ученый Александр Степанович Попов.

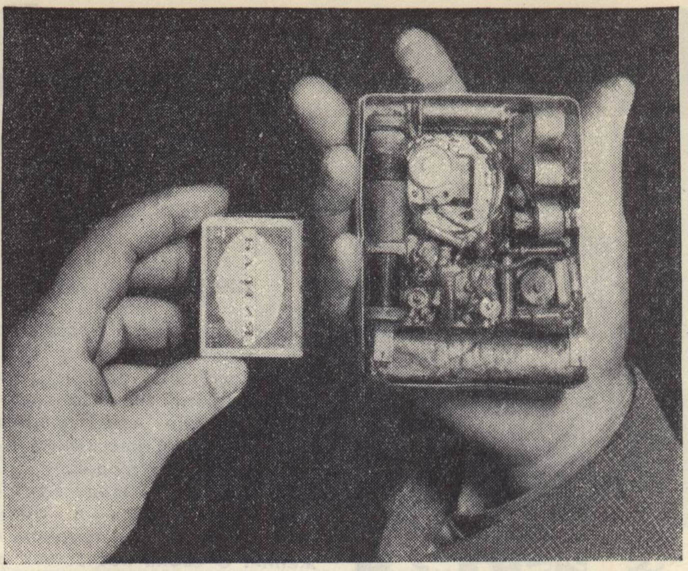
Первый в мире радиоприбор — грозоотметчик, созданный А. С. Поповым.

ПЕРВЫЙ В МИРЕ РАДИОПРИЕМНИК

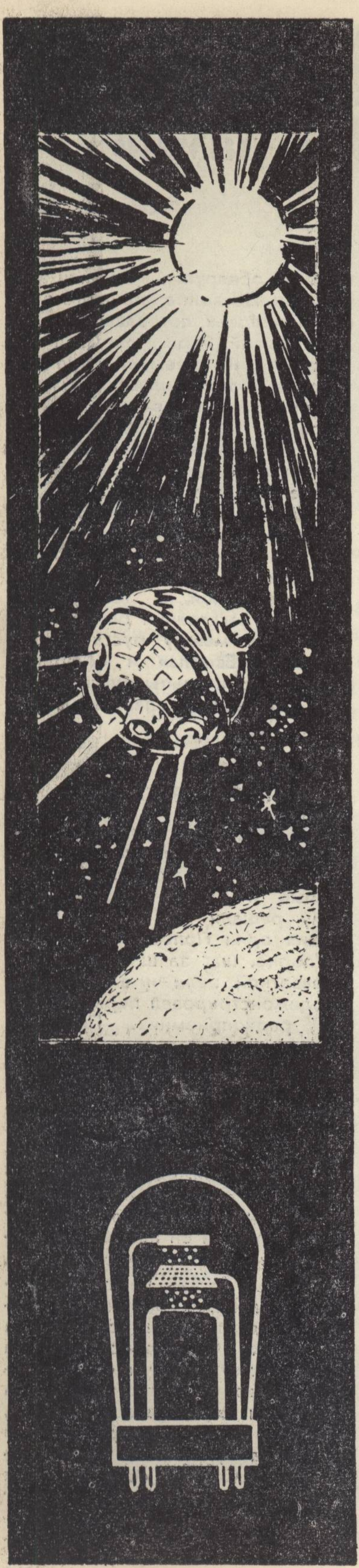
Были и до того попытки решить задачу беспроволочной передачи сигналов. В разных странах ученые и изобретатели по-разному решали ее. Но правильно решил один Попов.

Упорно, шаг за шагом, шел он к заветной цели и в 1895 году продемонстрировал первый в мире радиоприемник. Приемник этот действовал вполне исправно. А вот передатчика в то время не было никакого — ни хорошего, ни плохого. Грозовые разряды, которые и поныне «гуляют» в эфире и мешают нам слушать и смотреть передачи, были тогда единственными сигналами, которые мог принимать Попов. Поэтому и прибор свой он назвал грозоотметчиком.

Это был очень нехитрый прибор. Молния, прочертившая небо, рождала электромагнитные колебания. Со скоростью света невидимыми волнами они расходились во все стороны. Часть этих волн пересекала антенну и, в свою очередь, порождала в ней едва уловимый электрический ток. Сам по себе этот ток был настолько слаб, что не мог выполнить сколько-нибудь значительной работы. Но его хвата-

Не удивительно, что полупроводники делают быстрые успехи в технике. Смотрите, какой маленький полупроводниковый приемничек, а работает он не хуже большого лампового приемника.

ло на то, чтобы подключить к батарее обыкновенный электрический звонок. И звонок заливался, звонил, послушно отмечая любой не слишком далекий грозовой разряд. Вот и все!

Первая демонстрация грозоотметчика показала, что Попов стоит на верном пути. Раз молния за десятки километров посылает свои сигналы, значит, и человек может посылать их. Приемник есть. Остается создать передатчик. А как? Приручить молнию?!

МОЛНИЯ УЧИТСЯ РАБОТАТЬ

В то время «искусственные молнии» — маленькие голубые электрические искорки — ученые уже умели получать в своих лабораториях. Эти молнийки были очень слабы. Как свет крошечного светлячка теряется, рассеиваясь в едва заметной дымке или в тумане, так и электромагнитные волны, рожденные этими крохотными молниями, рассеивались, встречая на пути множество едва заметных препятствий...

И все же даже эти «ручные» молнии по воле человека посылали в пространство свои сигналы, и грозоотметчик послушно откликался на них звонками.

На смену звонку Попов присоединил к грозоотметчику обыкновенный телеграфный аппарат. Человек по своей воле мог менять продолжительность электрической искры. Значит, можно стало уже и переписываться на расстоянии: короткая искра оставляла на ленте телеграфного аппарата точку, продолжительная — тире. А из точек и тире давно уже была составлена телеграфная азбука.

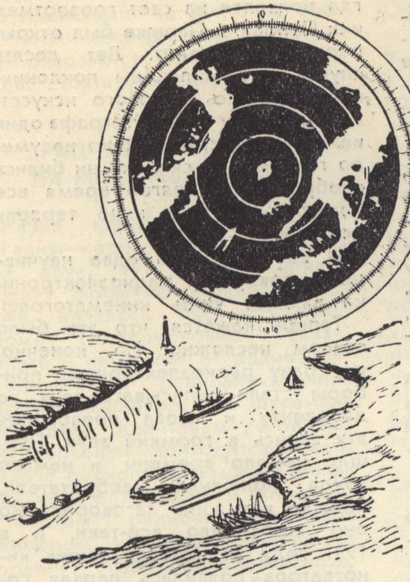
Так родилась на свет телеграфия без проводов.

Первые радиотелеграммы посылались... с одного конца стола на другой! Два года ушло на то, чтобы преодолеть дальность в полкилометра. Еще два года спустя уже за пятьдесят километров шагнула дальность уверенной радиосвязи. Потом оказалось, что и без искры можно создавать мощные потоки электромагнитных волн, и тогда сотни, тысячи, десятки тысяч километров стали отмечать как рекорды дальности связи. Потом совсем перестали отмечать эти рекорды: на Земле уже не осталось такого расстояния, которое не могла бы перекрыть радиосвязь. А недавно, вы знаете об этом, с расстояния в полмиллиона километров послала по радио свой последний привет Земле искусственная планета по дороге на свою орбиту.

За шестьдесят с небольшим лет беспроволочная телеграфия превратилась в надежное, незаменимое средство связи.

Так выглядит одна из «волшебных» электронных ламп, с помощью которых управляют космическим кораблем.

Если бы только этим ограничилось значение изобретения А. С. Попова, оно на все времена прославило бы имя великого ученого. Но значение изобретения А. С. Попова оказалось неизмеримо шире.

Внизу нарисован вход в узкий пролив. А на верхнем рисунке художник изобразил экран радиолокатора, установленный на корабле, входящем в пролив. Приглядитесь внимательно и сравните эти рисунки.

Когда впервые по сигналу далекой молнии прозвенел звонок грозоотметчика, новая эра началась в науке и в технике. Появилась новая отрасль человеческой деятельности — радиотехника. И особенно бурно стала развиваться радиотехника после того, как на помощь ей пришла электронная лампа.

Сначала лампа заменила молнию. Потом она стала выполнять еще одну задачу: усиливать ничтожно слабые токи, возникавшие в антеннах.

Но вскоре выяснилось, что электронная «волшебная лампа» может делать самые неожиданные дела. Радио и электронная лампа породили новую область науки — радиоэлектронику. Радиоэлектроника открыла перед человеком такие возможности, о которых он и мечтать не смел!

Недавно на помощь радиоэлектронике пришли крошки-полупроводники. Несмотря на свой малый рост, они соперничают с электронными лампами, удивительно надежно неся свою службу.

ЭЛЕКТРОННЫЙ «КАПИТАН» ВЕДЕТ КОСМИЧЕСКИЙ КОРАБЛЬ

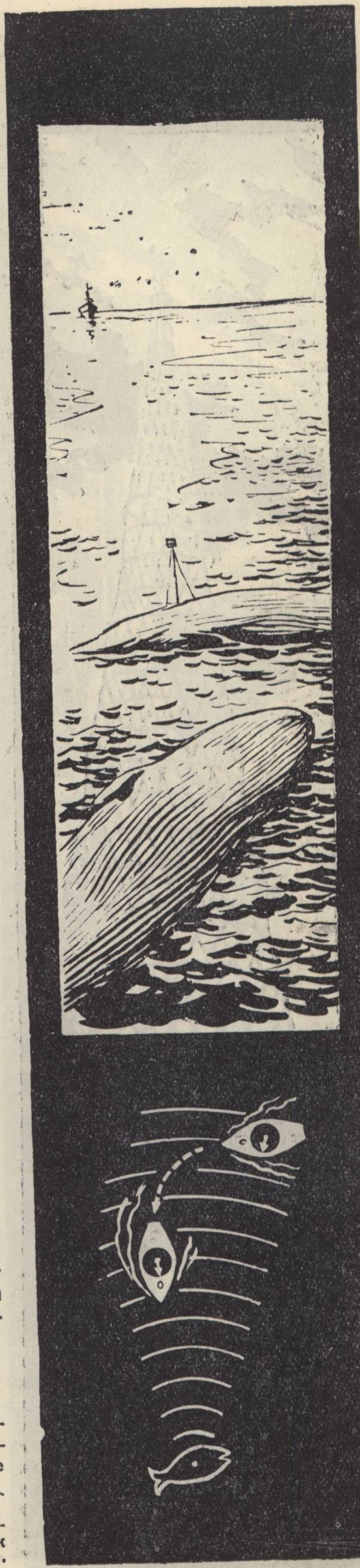
За миллионы километров от нас искусственная планета, как и Земля, мчится по своей орбите.

Но прежде чем стать планетой, она должна быть выведена на орбиту. И ей, как всякому кораблю, нужен был капитан. Живые существа, до сих пор побывавшие в космосе, не умеют управлять кораблями. А вот радиоэлектронные приборы прекрасно научились этому делу. По программе, намеченной на Земле, в определенное время с точностью до малых долей секунды радиоэлектронные приборы включают и выключают нужные устройства. Они управляют скоростью ракеты внимательнее самого старательного рулевого, следят за космическим курсом и, если нужно, изменяют направление корабля... Они ведут корабль, как самые настоящие капитаны, и, если судить по результатам, неплохо справляются со своим делом.

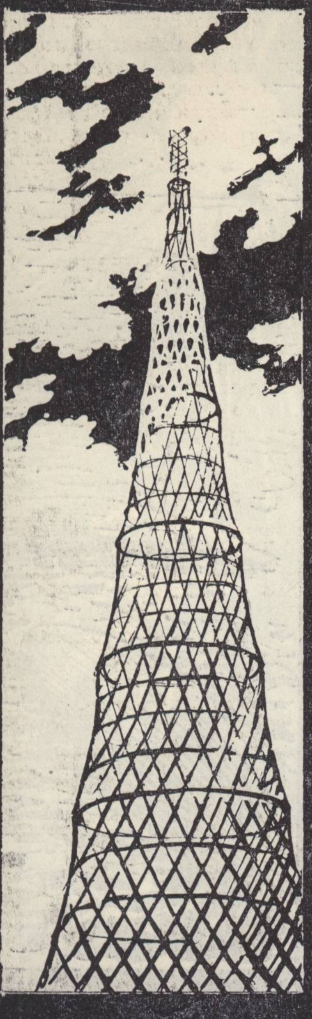
Но и этого мало. Оттуда, из космоса, люди ждали вестей. Нужно было измерить температуру, узнать величину давления на разных высотах, проследить за частотой пульса Лайки и собрать множество других важных сведений... Все эти дела тоже поручили радиоэлектронным приборам. А передать на Землю эти неоценимые сведения радиоэлектронным приборам проще простого. Ведь любую, самую сложную информацию можно передать условными знаками. Можно, например, на каждый градус повышения температуры удлинять сигнал на одну десятую долю секунды. И прибор не собьется, не напутает, не ошибется. В заранее обусловленное время он передаст свои наблюдения на Землю, тут запишут сигналы на пленку, а эти записи уже нетрудно расшифровать.

ВСЕМ, ВСЕМ, ВСЕМ...

Включите репродуктор. «Внимание! Говорит Москва...» — услышите вы, и вместе с вами те же

Пеленгуя радиомаячок, установленный на туше кита, буксировщик безошибочно находит его в океане.

самые слова услышат миллионы людей.

О великих делах, которые творятся у нас на родине, диктор расскажет сразу всем, всем, всем. Если подумать, это ли не чудо? Но радиоэлектроника так избаловала нас чудесами, что мы давно разучились удивляться.

Впервые вот так, со всем миром, разговаривал большевистский крейсер «Аврора» накануне Великой Октябрьской революции. Так и начиналась та передача: «Всем, всем, всем...»

В то время радио еще не умело ни говорить, ни петь. Только писать телеграфной азбукой Морзе умели тогдашние радиостанции. Эту радиограмму прочитали радисты, дежурившие у приемников, но все равно весь мир по радио узнал в тот день, что рабочий класс России перешел в наступление.

А спустя два дня победивший народ через ту же радиостанцию передал первый закон Советской власти — декрет о мире, подписанный Лениным.

В те годы разруха и голод царили в нашей стране. У нас всего не хватало. А вот на радио нашлись средства, и с 1918 года в городе, который теперь носит имя Горького, по указанию Ленина уже работала оборудованная по последнему слову техники того времени мощная радиолаборатория.

У нас еще пахали сохой, молотили ручными цепами. Миллионы наших людей ходили в лаптях и не умели читать... А в Нижегородской радиолаборатории одну за другой создавали мощные радиолампы, каких еще не знали ни Европа, ни Америка.

Руководил Нижегородской лабораторией замечательный ученый М. А. Бонч-Бруевич. И когда однажды он сообщил Ленину, что советское радио заговорило со всем миром не комариным писком «морзянки», а живым человеческим голосом, Ленин написал:

«...Газета без бумаги и «без расстояния», которую Вы создаете — будет великим делом...»

Прошло немного лет, и целые леса приемных антенн выросли над крышами домов, и не осталось в нашей стране такого уголка, где не слушали бы по утрам и по вечерам «газету без бумаги и «без расстояния».

А это обычный полупроводник, одна из главнейших частей современного радиоприемника Он нарисован рядом со скрепкой для бумаги. Видите, какой он маленький, а специалисты пророчат ему большое будущее: скоро во многих приборах полупроводник заменит электронную лампу.

«ВЕЛИКИЙ НЕМОЙ» ЗАГОВОРИЛ

В конце того самого года, когда появился на свет грозоотметчик Попова, в Париже был открыт первый кинотеатр. Лет десять спустя уже миллионы поклонников появились у нового искусства. Но был у кинематографа один важный недостаток: кино не умело говорить. И сколько ни бились изобретатели, долгое время все попытки озвучить кино терпели неудачу.

И вот тут, сама едва научившись говорить, радиоэлектроника взялась учить кинематограф.

Теперь кажется, что это было совсем несложно. Но, конечно, не сразу радиоэлектронные приборы стали записывать звук на киноленту и снова превращать эту запись в громкий звук. Прошло немало времени и немало труда положили изобретатели, прежде чем кино заговорило. Но оно заговорило все-таки, и в 1931 году на экранах наших кинотеатров появилась первая советская звуковая картина «Путевка в жизнь».

Еще труднее оказалось передавать по радио движущиеся изображения. Но радиоэлектроника справилась и с этим, и сегодня никого уже не удивляет телевизор, ставший в больших городах обычным, как электрический свет, как водопровод или радио.

Едва родившись, телевидение нашло применение во многих отраслях большого человеческого хозяйства. В атомных установках телекамера дает возможность видеть то, что происходит в зонах опасной радиации. На железной дороге с помощью телевизора диспетчер может глазом окинуть все, что происходит на

С тех пор, как «великий немой» заговорил, на киноленте рядом с изображением появилась «звуковая дорожка».

его узле. На носу подводной лодки-лаборатории «Северянка» установлена телекамера, которая помогает ученым наблюдать жизнь моря... Сегодня на сотнях участков применяется телевизор в хозяйстве. Завтра этих участков будут тысячи, и недалеко время, когда мы своими глазами увидим, что происходит на Луне: на борту космического корабля, который отправится туда, непременно будет стоять телекамера.

РАДИОЭЛЕКТРОНИКА НА МОСТИКЕ КОРАБЛЯ

Наука кораблевождения — навигация — одна из самых древних наук. Тут каждый прием, каждая формула проверены веками. Казалось бы, штурману, кроме беспроволочной связи, ничего и не нужно от радиоэлектроники. Но радиоэлектроника властно вмешалась и в штурманское дело. Капитанам сегодняшних кораблей приходится иметь дело с радиоприборами не меньше, чем с картами и лоциями.

Первым радионавигационным прибором, который появился на кораблях, был радиопеленгатор. Это очень простой прибор: плоская приемная рамочная антенна поднята над палубой на вертикальном вращающемся шесте. Вот и все.

Рамку соединяют с приемником. Потом медленно поворачивают шест, одновременно следя за изменением слышимости радиосигналов.

В тот момент, когда радиосигналы почти или совсем не слышны, рамка оказывается расположенной перпендикулярно к линии, соединяющей судно с работающей радиостанцией. Направление этой линии называют пеленгом.

Таким образом, любая работающая станция превращается в маяк, а маяк, как известно, всегда помогал морякам определить свое место в море.

Радиопеленгатор широко применяется и на море и в воздухе, и применение его расширяется с каждым днем. Совсем недавно, например, убитого кита оставляли в море «на флаге»: укрепляли на его туше высокую легкую мачту с флагом, по которому буксировщик находил добычу в море.

Сейчас вместо флага на ките ставят радиомаяк — маленькую радиостанцию, пеленгуя которую корабль-буксировщик безошибочно находит добытого кита.

Радиопеленгатор помогает и авиационному штурману и капитану рыболовного траулера, заблудившемуся в море.

Но бывают случаи, когда надеяться на радиопеленгатор нельзя. Когда в темноте, в тумане нужно найти горло узкого залива, радиопеленгатор не годится. Он работает недостаточно точно, и, доверившись ему, легко сесть на мель или на подводную скалу.

Спастись от мелей штурману помогает другой радиоэлектронный прибор — эхолот. Эхолот похитрее пеленгатора: под днищем корабля устанавливается приборчик, посылающий ультразвуковые сигналы. Сигналы эти, отразившиеся, как эхо, от морского дна, возвращаются к кораблю и принимаются специальным приемником. Радиоэлектронное устройство точно учитывает время между посылкой сигнала и возвращением эхо, само делает нужные пересчеты и на шкале прибора с большой точностью показывает глубины.

Надежный помощник штурманов — эхолот — впервые появился на море лет сорок назад. Перед Великой Отечественной войной у морского эхолота появился сухопутный брат «РУС-1» — построенный советскими инженерами прибор для радиоулавливания самолетов.

Это был тот же эхолот, только вместо ультразвуковых сигналов он посылал радиосигналы и ловил их отражения. Так же, как и в эхолоте, на шкале прибора можно было прочесть расстояние до летящего самолета и, что еще важнее, определить направление на него. Вскоре «РУС-1» превратился в радиолокатор, позволяющий в любую погоду обнаружить летящий самолет, засечь его координаты и даже определить его величину и форму. А еще лет через десять у радиолокатора появился маленький морской братец — судовой радиолокатор, который стоит сейчас на вооружении почти всех морских и многих речных судов.

На экране судового локатора штурман видит все, что творится вокруг его корабля. В тумане, в темноте, в условиях самой плохой видимости штурман ясно различает на экране берега, обстановочные знаки, встречные суда. В любую секунду он может опре-

Своими глазами не увидишь старт большой ракеты: это опасно. Но электронный глаз — телекамера — позволяет конструкторам ракет наблюдать все подробности старта.

делить положение их на карте и расстояние до них...

Семья радиолокаторов растет. Есть геодезические радиолокаторы, помогающие вести съемку карт. Есть метеорологические локаторы, следящие за облаками, есть локаторы, которые прощупывают самые высокие слои атмосферы, есть и космические локаторы, с помощью которых астрономы прощупали поверхность Луны.

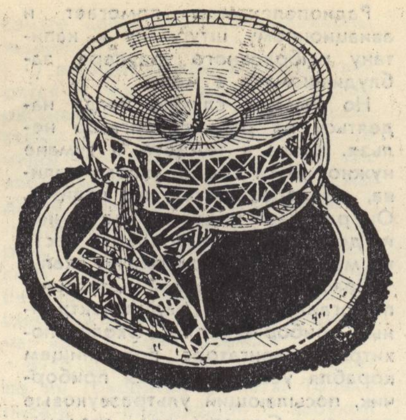
ОТ КОСМОСА ДО МИКРОМИРА

У старика-радиопеленгатора появились и космические «родственники» — радиотелескопы.

Дело в том, что далекие миры — туманности, звезды, наше Солнце, планеты, их спутники и даже метеоры — время от времени излучают в мировое пространство радиоволны. Эти волны доходят и до Земли. Ученые ловят эти волны, определяют, откуда они пришли, изучают силу и характер этих волн и таким образом лучше узнают большой мир, крошечной частицей которого является наша Земля.

Далеко за пределы солнечной системы, в тайны космоса заглянул человек с помощью электронных приборов.

С их помощью заглянул он и

Это радиотелескоп — огромное ухо, с помощью которого люди слушают голоса далеких миров.

в тайны живого организма. Оказывается, в живом организме любой жизненный процесс сопровождается возбуждением и изменением электрических токов. Токи эти так слабы, что долгое время о них не знали. Только с помощью радиоэлектронных аппаратов удалось поймать и усилить эти токи. Сейчас записанная на пленку кривая работы сердца лучше самого больного рассказывает о состоянии его здоровья. Удалось, пока еще одним глазком, заглянуть и в работу самого сложного, самого совершенного аппарата в мире — человеческого мозга.

А пока биологи изучают работу живого мозга, инженеры и математики создают «искусственный мозг» — сложнейшие электронные схемы и машины, обладающие памятью, способные самостоятельно выбрать наиболее правильное решение.

Уже и сегодня эти приборы успешно помогают человеку управлять станками и цехами, уже и сегодня эти «умные машины» решают сложнейшие математические задачи, а завтра тысячи таких машин, созданных руками советских людей, займут свое место в нашем большом советском хозяйстве, потому что отличительной чертой новой техники как раз и будут автоматические машины, управляемые с помощью радиоэлектроники.

Шестьдесят лет назад А. С. Попов предвидел, что его изобретение откроет новые пути в науке и в технике.

Но великий ученый не мог даже мечтать о сегодняшнем размахе радиоэлектроники — науки, рожденной в тот день, когда впервые зазвенел звонок грозоотметчика. С каждым днем радиоэлектроника раскрывает перед людьми все новые и новые возможности, и эти возможности неисчерпаемы.

ВЕСТИ ИЗ РАДИОКРУЖКОВ

Свой телецентр

В кабинете биологии гаснет свет. У телевизора притихла группа шестиклассников. По экрану медленно проплывает рыбка, другая. Вот рыбки хватают что-то и неподвижно застывают у водорослей. Ребята чувствуют себя путешественниками в подводной лодке, через иллюминатор наблюдающими жизнь моря.

На самом деле все значительно проще. Это десятиклассник Вася Монахов навел объектив передающей телекамеры на аквариум в живом уголке. Опыт удался, школьный телецентр работал безотказно.

Кто заглядывал внутрь телевизора, тот знает, какой это сложный аппарат. Шесть месяцев упорно трудились радиолюбители 69-й московской школы, пока экран самодельного телевизора не засветился голубоватым светом и на нем не появились четкие изображения.

Это было в прошлом году. Теперь конструкторы уже окончили школу, а школьный телецентр передали младшим товарищам. И те сейчас строят вторую телекамеру. Кружковцы мечтают вести ежедневные телевизионные передачи. Конечно, их не смогут смотреть все москвичи, они будут передаваться по кабелю только в классы, но это будут настоящие программы, такие же, как сейчас передаются школьным радиоузлом.

К своим радиопередачам школьники уже привыкли. Они очень удивились бы, если бы однажды утром не услышали знакомые голоса школьных дикторов Сережи Хромова, Лены Макаровой или Лены Гиляревской.

На первом этаже школы есть три неболь-

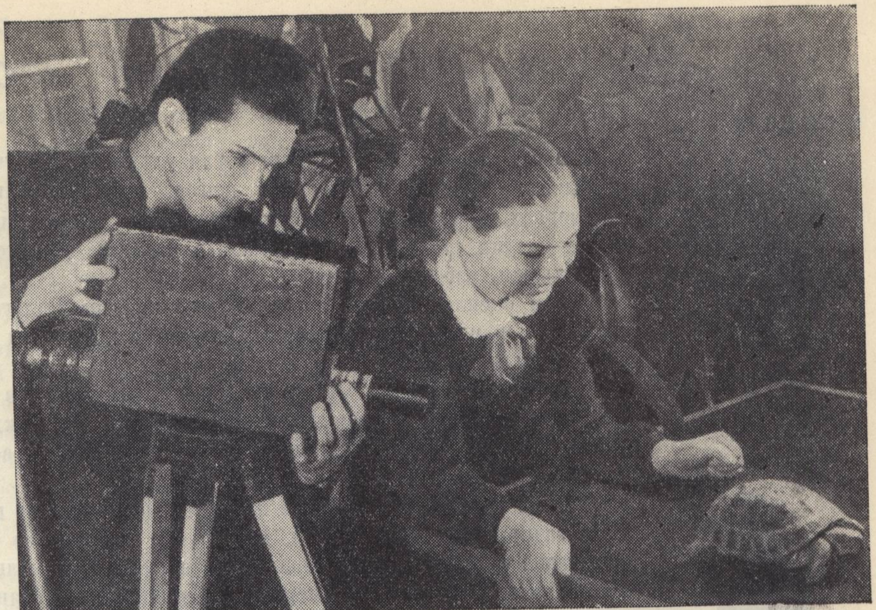
шие комнатки. Здесь находятся дикторская, радиоузел и комната звукозаписи, где установлены магнитофоны. Всем этим сложным хозяйством ведают заведующий радиоузлом ученик восьмого класса Вячеслав Тумов, дежурные техники Лева Ермаков, Леня Корчагин и другие радиолюбители.

Каждый вечер дежурные члены радиокомитета и техники радиоузла собираются в дикторской.

Они подробно обсуждают очередную передачу, придумывают, как сделать ее поинтереснее, подбирают пластинки для музыкального сопровождения. Потом передачи записывает магнитофон.

А на следующий день ровно в 8.20, когда ребята уже уселись за парты, в репродукторах, установленных в каждом классе, раздается голос Лены Гиляревской:

— Внимание! Говорит школьный радиоузел. Начинаем нашу передачу.

Телепередача из живого уголка.

Много полезных дел задумали и осуществили ученики 69-й школы! Верится, что пройдет немного времени, и начнет свои передачи школьный телецентр. Здесь есть для этого все: и хорошая мечта, и горячее желание, и умелые руки.

А. Гриф

Помощники ученых

Радиолюбители 6-й армавирской школы ведут научную работу — измеряют электрическую проводимость почвы.

В нашей стране с каждым годом все больше развиваются радиовещание и телевидение. Много новых телецентров и радиовещательных станций будет построено в эту семилетку.

Часть волн, которые излучают антенны радиовещательных станций, поглощается почвой. Волны, удаляясь от передающей станции, постепенно как бы теряют свою силу. Поэтому, чтобы решить, где лучше всего строить станции, какой мощности должен быть передатчик, нужно обязательно знать, как распространяются радиоволны по всей нашей стране. Необходимо составить карту электрической проводимости почв Советского Союза.

Для этой огромной работы надо провести множество опытов, измерений электрических свойств почвы по всей стране. Министерство связи СССР и Центральный комитет ДОСААФ совместно с журналом «Радио» обратились за помощью к советским радиолюбителям: они призвали их принять участие в конкурсе по составлению карты. На призыв откликнулись не только взрослые радиолюбители, но и сотни пионеров и школьников Еревана, Ростова-на-Дону, Херсона, Куйбышева, Благовещенска, Ферганы, Архангельска и многих других городов. Ребята сами сделали измерительные приборы, переделав для этого переносные радиоприемники «Дорожный» и «Турист», и стали проводить измерения.

Радиолюбители 6-й армавирской школы под руководством преподавателя физики В. П. Белова уже измерили электропроводимость почвы в двенадцати пунктах Краснодарского края.

А. Мстиславский

Женщины ведут борьбу

Е. РУБЦОВА

В тот далекий вечер старая узкая улица на рабочей окраине Лейпцига жила необычной жизнью. Глухое эхо шагов, тихо перекликающиеся голоса, смутные в сумерках силуэты торопливо идущих людей... Люди движутся непрерывным потоком, и все — один за другим — исчезают в подъезде угрюмого, серого дома, где должно происходить рабочее собрание.

Дом оцеплен полицией германского кайзера Вильгельма. Полицейские в синих мундирах, в черных металлических касках с когтистым императорским орлом заняли все входы и выходы.

Будет ли собрание? Никто не знает. Проходящих в подъезд полиция не трогает, но это еще ничего не доказывает. Полицейским нет нужды разгонять рабочих. Достаточно задержать докладчика, не пустить его внутрь, арестовать наконец, и все будет в «порядке»: собрание не состоится.

Зорко смотрят полицейские на всех входящих. Вот прошел пожилой слесарь. Вот пара задиристых подмастерьев. Вот группа девушек со швейной фабрики. Вот молодая бедно одетая женщина. Она ведет за руки двух мальчуганов. Полицейский пожимает плечами: по меньшей мере глупо тащить на собрание двух сосунков! Но пусть, в конце концов это не запрещается... И женщина входит в дом.

Однако где же докладчик? «Блюстители порядка» в недоумении. Потом они начинают надеяться, что докладчик, опасаясь ареста, не рискнул показаться. Вот уже и людской поток редеет. Лишь изредка проходят опоздавшие. «Спешите, спешите! —

ЖЕНЩИНЫ ВЕДУТ БОРЬБУ за мир, за разоружение. Эта борьба объединяет женщин всего земного шара. Вот японки подписывают воззвание против атомных бомб.

ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ, за свободу народов борются женщины. Вот Трэди, связная при штабе алжирской освободительной армии. Трэди попала в плен к французам, но ее спас партизан. Рискуя жизнью, он выкрал Трэди и на плечах унес ее, обессиленную от пыток, в родные горы, к боевым товарищам.

ухмыляются про себя полицейские.— Все равно уйдете ни с чем». Однако оцепления они не снимают: вдруг докладчик все же появится? Говорят, это какой-то очень опасный бунтарь и подстрекатель.

А «опасный бунтарь и подстрекатель» — та самая женщина с двумя сынишками — уже давно на трибуне и бросает в тишину зала горячие и правдивые революционные мысли. Это Клара Цеткин, выдающаяся немецкая коммунистка, друг и сподвижник Фридриха Энгельса.

Не первый раз ей приходится смелостью и хитростью побеждать полицейских. Ведь цель ее жизни — объединить на борьбу с угнетателями рабочий класс и в первую очередь самую угнетенную, самую бесправную, самую обездоленную часть рабочего класса: женщин-работниц и жен рабочих.

Это по предложению Клары Цеткин в 1910 году в Копенгагене конгресс женщин-социалисток, собравшихся из разных стран, решил ежегодно проводить Международный день работниц, день сплочения великой трудовой армии женщин всего мира.

Для проведения Международного женского дня конгресс выбрал 8 марта, потому что за год перед тем, 8 марта, в Америке по призыву социалистов происходили митинги и демонстрации с требованием избирательных прав для женщин.

Может быть, некоторые из вас, ребята, спросят: как это так — женщина бесправна? Почему?

Такой вопрос не удивителен. Вы родились и растете в стране, где женщина имеет равные права с мужчиной. Вам, наверное, трудно даже представить себе, как может быть иначе. Давайте попробуем мысленно перенестись в прошлое. Вот ваша мама работает на заводе, работает хорошо, но ей платят вдвое меньше, чем получает за точно такую же работу мужчина. Почему? Только потому, что она женщина.

А теперь вообразите, что ваша мама лишена избирательных прав. Она не может голосовать во время выборов, и ее не могут никуда выбрать. И тоже потому лишь, что

ЗА ТО, ЧТОБЫ ЭТО НЕ ПОВТОРЯЛОСЬ, **борются передовые женщины разных стран. Вы видите на фото высадку войск США в Ливане. Что нужно американцам на чужих берегах? Женщины не хотят, чтобы их сыновья становились убийцами и палачами мирных народов.**

она женщина. Странно, не правда ли? Ведь вы привыкли, что у нас в выборах участвуют все советские граждане: и мужчины и женщины. Лишены избирательных прав лишь сумасшедшие и преступники.

Но вернемся в прошлое. Ваша мама пришла на собрание рабочих. Собрание разрешено властями, но маму все равно могли выгнать из зала, потому что она женщина, а женщинам запрещалось участвовать в собраниях. В Германии, например, этим даже пользовались как предлогом, чтобы вообще разогнать собрания рабочих. А в России было еще хуже: женщина не имела даже своего паспорта; она была приписана в паспорт своего мужа, и, если бы ей пришлось уехать от него без спроса, полиция могла по его требованию вернуть беглянку насильно, «по этапу», под конвоем.

В Англии до сих пор существует старинный закон, «защищающий» женщин. Этот закон запрещает мужу бить жену по голове, а что же, не по голове можно? В Японии фабрикантам еще совсем недавно разрешалось не только нанимать, но и просто покупать маленьких девочек-работниц. Их покупали в измученных голодом и нуждой, доведенных до отчаяния семьях бедняков.

Сплотить угнетенных, задавленных нищетой и тяжелым трудом женщин, поднять их на борьбу за свои права значило удвоить силы рабочего класса. Так считали Маркс и Энгельс. Так учил Ленин. Законы о неравенстве женщин он называл неслыханно подлыми, отвратительно грязными, зверски грубыми. Он говорил, что привлечь женщин к революционной борьбе — одно из решающих условий для победы рабочих.

А победа над капиталистами, захват власти рабочими — единственное условие, при котором женщина станет совсем свободной от гнета, получит человеческие права.

Это уже сбылось в нашей стране и в странах социалистического лагеря. Но половина человечества все еще находится под пятой капитализма. Всюду, где его власть, женщины равны лишь перед лицом голода и нищеты.

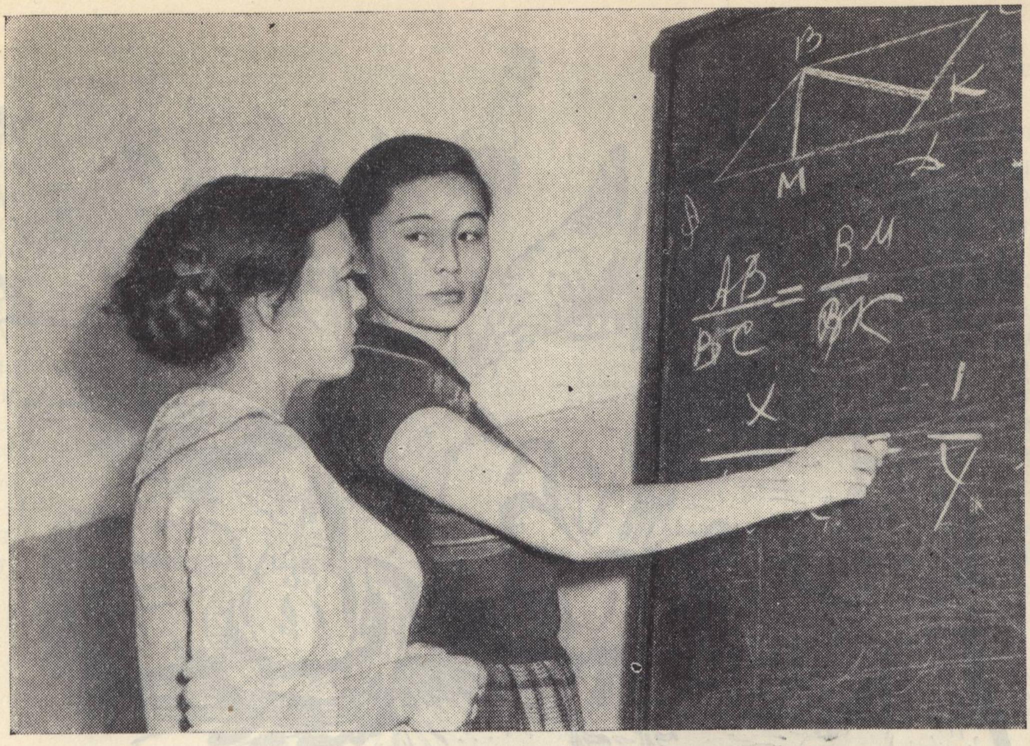
Но не напрасно почти полвека назад была посеяна искра борьбы угнетенных женщин за свою свободу и счастье! С тех пор эта борьба шла не останавливаясь, не угасая, а разрастаясь. Она продолжается и сейчас.

Пример победивших, свободных женщин социалистических стран дает силы и мужество остальным. Великая армия женщин требует теперь не только хлеба и человеческих прав. Она ведет борьбу против войны, за разоружение, против смертоносных ядерных бомб. Она ведет борьбу за свободу и независимость колониальных народов. Она ведет борьбу в защиту детей от голода, нищеты, болезней, солдатских пуль и непосильного труда. В этой многомиллионной боевой армии стоят плечом к плечу свободные женщины стран социализма и их угнетенные сестры.

В ЗАЩИТУ ДЕТЕЙ

борются женщины всего мира. Они хотят, чтобы не было голодных и беспризорных, каких вы видите здесь, на фотографии. Это маленькие граждане США, беспризорные, живущие продажей газет.

ЖЕНЩИНЫ ВЕДУТ БОРЬБУ ЗА СЧАСТЬЕ ВСЕГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА, ЗА КОММУНИЗМ!

Нургайша Ибраева и Нина Сушкова — члены бригады коммунистического труда. Они великолепно работают на швейной фабрике у себя в Казахстане и учатся в Москве (заочно). Людям коммунизма надо много знать!

Свободные женщины Китая — великая сила. В Пекине проходил Всекитайский слет активисток социалистического строительства. 2 500 женщин, представительниц всех слоев населения, участвовали в слете.

КАК ЛИСА СУДЬЕЙ БЫЛА

ЛЕЗГИНСКАЯ СКАЗКА

Записала А. Гарф. **Рисунки А. Брея.**

Забралась лиса в курятник и говорит:

— Спокойно, куры, спокойно. Внимание! Я не какая-нибудь дикая, грубая лиса, у меня нет этой отвратительной привычки хватать кого попало, без разбора, без суда и следствия и тут же сжирать. Это отвратительно, это омерзительно, это разбой! Я люблю поступать по закону. Виноватых я казню, а правых я всегда милую. Итак, давайте разберемся, что к чему, согласно закону.

Лиса села на опрокинутое лукошко, очки надела, раскрыла толстую книгу, почитала, почитала — да как тявкнет:

— Петух! Подойди-ка сюда. По закону тут написано, что тебе следует кукарекать только на рассвете, а ты кричишь и среди дня, никого не спросясь. Это бы еще ничего, один грех прощается. Но скажи, пожалуйста, известно ли тебе, что всякий порядочный сын должен почитать своих родителей? Отчего же ты, как найдешь червяка, скликаешь кур со всей округи, а стоит подойти петуху, даже если это твой родной отец, ты на него бросаешься, растопырив крылья и навострив шпоры?.. Ладно, оставим это. В книге сказано: два проступка можно помиловать. Но давай поговорим о шпорах. Как ты смеешь носить шпоры, когда ты никакого отношения не имеешь к кавалерии? Ты не кавалерист, ты, ничтожный пехотинец, присвоил себе шпоры! За все эти незаконные дела, за все эти три преступления, вместе взятые, сказано в книге, тебя, петуха, следует мне, лисе, съесть.

И съела.

Убежала лиса из курятника в поле и там увидела зайца.

— Спокойно, заяц, спокойно! Я не из тех грубиянок, которые при виде зайца теряют

совесть и сжирают его ни за что, ни про что. Я всегда придерживаюсь буквы закона.

Лиса села на кочку и раскрыла книгу, очки она тоже не забыла нацепить на нос.

— Иди-ка сюда поближе, косой! Отвечай: для чего ты меняешь свою шерсть и весной и осенью? Не затем ли ты это проделываешь, чтобы морочить охотников? Впрочем, это всего лишь мелкое, шкурное мошенничество. В законе сказано: один проступок не карается. А вот скажи-ка мне, почему ты всегда косишь? Отчего никогда не взглянешь прямо? Не потому ли, что ты хочешь скрыть свои злые умыслы? Однако в законе это не считается доказанным преступлением. И за эти косые взгляды тебя можно бы еще простить. Но ответь мне: с какой целью ты отрастил задние ноги длиннее передних?.. Не для того ли, чтобы убегать от закона? За все эти три проступка, вместе взятые, полагается тебе быть съеденным.

И съела.

С поля лисица отправилась в лес и там на ветке дерева увидела птицу с красивыми высокими перьями на голове.

— Это ты, удод? А ну-ка, сядь пониже. Кто это тебе позволил носить царскую корону?

— Сам премудрый царь Соломон.

— Ты лжешь, а это очень большой грех. Одна ложь, сказано в книге, трех грехов стоит. Впрочем, ты еще можешь оправдаться, если найдешь свидетелей. Да, в книге сказано: лжеца могут оправдать веские свидетели. Приводи-ка их сюда, но только не такую мелочь, как ты сам, а приведи ты, как сказано, птиц веских: гусей или индюшек. Пусть они придут сюда немедленно и поклянутся, что ты говоришь правду.

— Клянусь царем Соломоном, приведу! — сказал удод и полетел за свидетелями.

Но позвал он не гусей и не индюшек, не уток и не лебедей, а злых собак. Те не заставили себя долго ждать, прибежали и давай лису трепать, еле-еле унесла лиса ноги. Залезла в свою нору и заплакала:

— Так тебе и надо, рыжая. Мало тебе было обвиняемых, понадобились тебе, умнице, еще и свидетели!

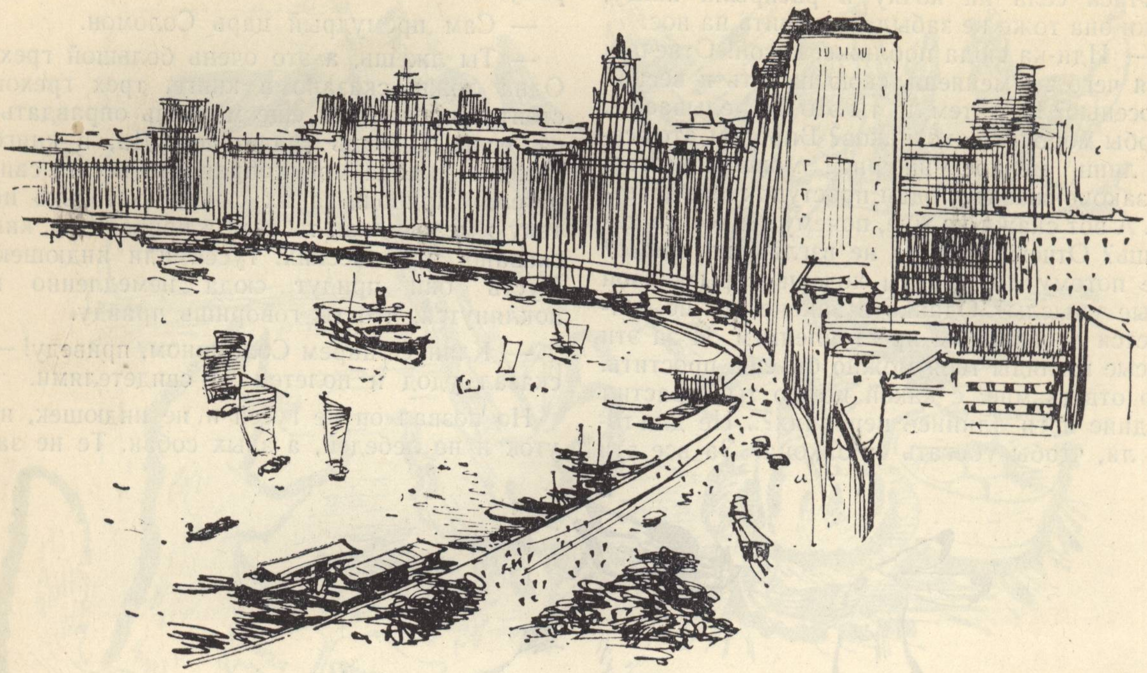

Дорогие ребята, сказки напечатанные, словно засушенный в книге цветок, никогда не меняются. Но сказки, которые передаются из уст в уста, изменяют постепенно свою форму, размеры, окраску, даже содержание. Каждый рассказчик сказывает по-своему: он меняет слова, забывает одно и прибавляет другое, а слово — это великая сила: словом можно возвеличить и убить, похвалить и высмеять.

Почти с самого детства я записываю сказки, но и двух сказок не встретилось мне, которые были бы совсем одинаковыми.

Летом вы отправитесь в экспедиции, в туристские походы, поедете в колхозы и пионерские лагеря. Среди прочих ваших больших, хороших, полезных дел не забывайте также и о сказках, о народных пословицах, поговорках, загадках, песнях.

Анна Гарф

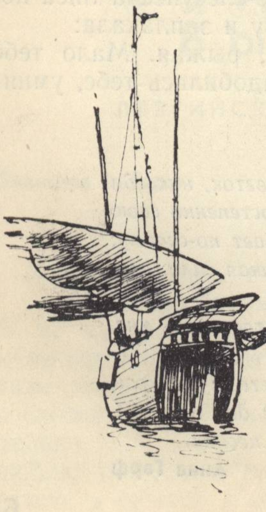

Чжунго, нинь хао!

(Продолжение)

Наталья **КОНЧАЛОВСКАЯ**,
Юлиан **СЕМЕНОВ**.

Рисунки В. Богаткина.
Фото Ю. Семенова.

Проезжая по одной из улиц Пекина, мы увидели плакат:

«А что сделал ты в борьбе против «четырех зол»?»

...Воробей — безобидная птица! Не ястреб — цыплят не таскает, не орел — детей не уносит. Летает да чирикает.

А вот китайские ученые подсчитали, что эта безобидная пичужка уничтожает много зерна!

И в Китае решили начать борьбу против воробьев. Но, кроме воробьев, есть еще мыши, мухи и комары. «Четыре зла»!

Участие в борьбе против «четырех зол» и есть второе «хорошо», вторая задача пионеров Китая.

Знаешь ли ты, читатель, что такое бригада Совета?

Пионеры из этих бригад проводят беседы о том, как важно соблюдать чистоту. Ведь чистота не только делает город красивым, не только приучает самых маленьких граждан к аккуратности и уважению к труду, но и сохраняет тысячи человеческих жизней. Да, это так! Ведь если на улицах, во дворах и квартирах будет абсолютная чистота, тогда сами по себе исчезнут и мухи, и комары, и мыши — разносчики страшных болезней. Мухи и мыши губят человеческое здоровье.

— Пионеры Китая очень советуют всем товарищам соблюдать чистоту на работе и дома! В этом залог здоровья! — говорят бригады Совета.— Итак, за чистоту!

А что такое бригада Активной Пропаганды?

...Пионер Сун Та-пин ходил по своему участку и говорил в рупор о том, как надо соблюдать чистоту и почему следует бороться против «четырех зол». Но, признаться по правде, слушали Сун Та-пина довольно плохо. То ли скучно он говорил, то ли тихо.

Тогда пионер отправился в библиотеку, сел за стол и глубоко задумался. Долго думал Сун Та-пин, потом взял перо, бумагу и начал что-то писать. Что же он пишет?

На следующий день он вышел на свою улицу, приложил к губам большой красный рупор и... запел. Сун Та-пин запел стихи, которые он написал вчера. Люди останавливались. Пятьсот человек похлопали ему за его стихи и пообещали всегда и везде соблюдать чистоту.

Вот как работают китайские пионеры в бригадах Активной Пропаганды!

...В районе Дун Тань пионеры из бригад Активной Пропаганды сочиняют целые спектакли и разыгрывают их на улицах. Они высмеивают нечистоплотных людей, после окончания спектакля вывешивают смешные рисунки и стенгазеты...

Знаешь ли ты, что такое бригада Гигиены?

Двенадцатилетний Цой Лен-си сказал:

— Я вступлю в пионеры только после того, как уничтожу сто мышей.

И вступил!

В районе Фунь Тай пионеры истребили пятьдесят тысяч мух.

Пионер пекинской школы Су Тянь-то ликвидировал двадцать пять килограммов личинок мух!

Вот так работают бригады Гигиены.

Так китайские пионеры борются против «четырех зол», так они борются за выполнение своей второй задачи, второго «хорошо»...

★

— Сегодня в десять часов утра мы поедем на Великую китайскую стену,— сказала наша переводчица Сюй Пын.— А пока у вас есть время погулять по городу...

И мы отправились.

На перекрестке двух веселых и шумных улиц собрались ребята. Они окружили старого фокусника. Он сидел на раскладном стульчике со скучающим видом. Рядом со стариком стоял мальчик и бойко выкрикивал:

— Все сюда! Вы увидите великий фокус! Всего один фынь — шесть копеек.

— Не много ли? — деловито осведомились юные пекинцы.

— Жадность к лицу только злодею,— бесстрастно заметил фокусник.

Ученая обезьянка, сидевшая у него на плече, хихикнула.

— И все ж таки фынь с одного человека очень много,— не унимался маленький мальчик.

Фокусник рассердился.

— Лучше скажи нам,— спросил он,— сколько ты уничтожил комаров и мышей?

Мальчик промолчал.

— Ага! — крикнул фокусник.— Ты молчишь?! А ведь мышь уничтожает добра каждый год на сотню фыней.

Старый фокусник прав. Ему аплодируют. В шапку летят монеты.

— Сейчас! Сейчас вы увидите великий, необыкновенный фокус! — во всю силу своих легких закричал маленький ассистент.

— Карета, запряженная даже пятью конями, не догонит сказанного слова,— заметил кто-то из ребят.

— Тот, кто не верит другим, поймет, что и другие не верят ему,— ответил фокусник.— Если ты не веришь величию моего фокуса, отойди в сторону. Не расстраивай меня и не мешай остальным.

— Почему вы так рассердились, уважаемый фокусник? Ведь истинное золото не боится огня.

Старик даже закрыл глаза от гнева.

— Самый красивый пион,— кивнул головой на фокусника его маленький ассистент,— нуждается в тех зеленых листьях,— и он тронул себя пальцем за нос,— которые его поддерживают.

— Он будет настоящим дипломатом,— решили взрослые, стоявшие поодаль.

А старый фокусник взял в это время с земли булыжник, ударил по нему другим булыжником, показывая, как крепок камень, потом положил его на тротуар и закрыл глаза.

Все насторожились. Все молчат.

С работы труженики возвращаются, как с парада, как с великого праздника.

Фокусник открывает глаза. Кашляет. Бьет ребром ладони по булыжнику. Булыжник раскалывается на две части.

— Разве не велик этот фокус? — торжествующе спрашивает мальчик-ассистент.

Зрители дружно аплодируют в ответ.

★

У нас в стране человек заходит во дворы и кричит громким голосом:

— Ножи точу-у-у!

Или:

— Чиню-ю, па-а-аяю!

В Китае никто ничего не кричит.

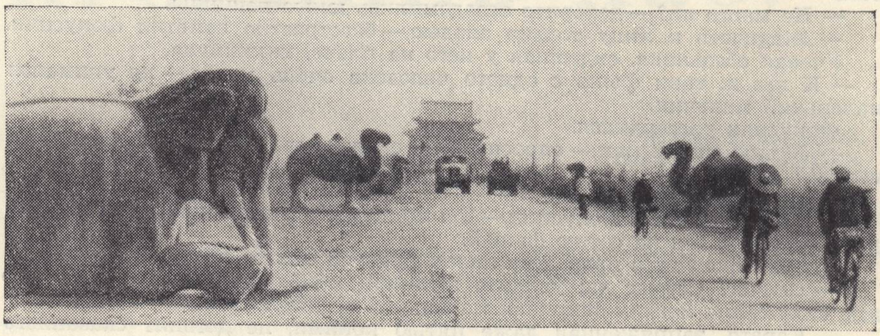
Просто каждый мастер — точильщик, лудильщик — имеет свой пароль, на который, словно бабочки на огонек, хозяйки несут в починку домашнюю утварь. Лудильщик, например, несет всю свою мастерскую на бамбуковом коромысле, и в такт его шагам маленький медный молоточек бьет в медную кастрюлю. Этот звук — его пароль.

★

Мы едем на Великую китайскую стену. Наша машина забирается все выше и выше в горы. Зной висит над землей. Сейчас бы спрятаться куда-нибудь в тень и отдыхать. Нам отдохнуть можно. Но китайцам сейчас не до отдыха. Китай набирает сил, Китай строит.

Мы то и дело проезжаем мимо строек. Вот проехали всего сто метров — и новая стройка.

Машина остановилась. Мы в высокогорном ущелье Бадалин. Перед нами — Великая китайская стена.

Спустившись с Великой китайской стены, мы попали в царство каменных животных.

Небо здесь как будто такое же, как над Москвой или Краснодаром. И земля такая же: теплая, прогретая солнцем; и цикады сухо трещат.

Но нет, и небо здесь другое, и земля другая, и даже цикады звенят по-особому. Торжественно. Потому что рядом — только протяни руки — теплые кирпичи Великой китайской стены.

Не верится, что мы сидим около «Стены десяти тысяч ли»! [1]. Она змеится по вершинам гор, падает в пропасти, бежит, как жонглер по проволоке, вдоль крутых берегов стремительных горных рек.

...И вспоминается снимок Великой стены в учебнике истории. Она там казалась узенькой, низкой. На самом деле стена такая высокая и широкая,

[1] Ли — китайская мера длины, около 600 метров.

что по ней можно проложить два железнодорожных пути. Один — туда, другой — обратно.

Если в одно и то же время выехать из Москвы в Ленинград и отправиться на воображаемом паровозе вдоль по стене, то можно успеть съездить к Финскому заливу, вернуться в столицу, съездить в Тулу, снова вернуться домой, а воображаемый паровоз еще только будет подъезжать к заставе Цзяйгуань — западному концу Великой китайской стены.

...На вершине горы — старинный форт, полузакрытый облаками. Сложен он из глыб. Каждая глыба — величиной с танк и весит полтонны.

...И небо здесь обыкновенное, и земля обыкновенная, и цикады звенят обыкновенно. Вот только рядом — протяни руку — теплые, прогретые солнцем камни Великой китайской стены...

Спустившись с Великой китайской стены, мы попали в царство каменных изваяний. Как тщательно сделаны складки на коже слона! А ведь он каменный!

Мы побывали у могил императоров Миньской династии, правившей Китаем в течение нескольких столетий. Неподалеку от могил — изваянный из камня чиновник, многие столетия он хранил покой умерших императоров...

У могил всегда тишина. Но сейчас, если прислушаться, в горах Шисаньлина звенит песня. Раньше люди считали, что Шисаньлин — горный дух. Кто же поет в неприступных скалах? Неужели Шисаньлин? Нет, поют люди. Как они попали в горы? Что они там делают?

Головой упершись в тучи,
Восседает Шисаньлин.
Он сидит на самой круче,
Горных высей властелин.
На плече орел могучий,
Исполин!

Раз пришли к нему с поклоном
Землепашцы из долин
И сказали: «Тяжело нам,
Помоги нам, Шисаньлин!

Пропадают все труды,
Засыхают все сады,
Дай воды!»

Шисаньлин повел плечами —
И растаял горный снег,
Побежал с вершин ручьями,
А ручьи сливались сами
В водопады горных рек.
Воду просит человек?
На, возьми!

И воды такая сила
Сразу хлынула с вершин!
Всю долину затопила!
Что ж ты сделал, Шисаньлин?
Снова люди в джонках стонут:
«Шисаньлин, деревни тонут!

Слишком много дал воды,
Пропадают все труды.
Ай-ай-ай!»

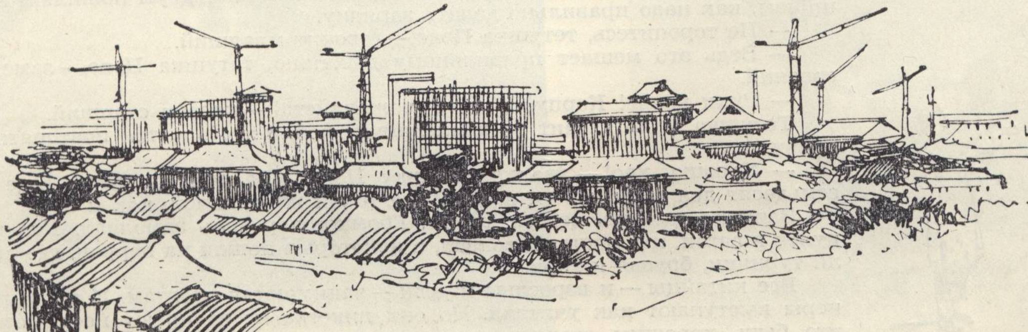
Шисаньлин помог народу:
Он собрал в ущелье воду,
Горы сжал, что было сил,
И потоп остановил,
Чтобы не было вреда.
Стой, вода!

Время шло, ручьи иссякли,
Снова нет воды ни капли.
Месяц, два, четыре, пять —
Стало сохнуть все опять.

И тогда опять приходит
Весь народ к подножью гор.
С Шисаньлином он заводит
Тот же самый разговор:

«Мы к тебе опять с бедою.
Будь нам другом. Выручай!
Обеспечь ты нас водою,
Заварить нам нечем чай!
Выручай!»

Рассердился Шисаньлин:
«Много вас, а я один!
Добывайте воду сами!»
И... закрылся облаками...

Китай строит.

И вот теперь сюда пришли девяносто тысяч человек со всего Китая и начали строить плотину.

Палит солнце, в горах ухает гром, и кажется, будто сам Шисаньлин теперь уже недоволен: «Накликал беду на свою голову. Может, все-таки дать им воды?»

Но люди смеются. Людям не нужна милость Шисаньлина. Они сами возьмут у него столько воды, сколько захотят.

Трудно было воевать с Шисаньлином. Но посмотри, читатель, труженики возвращались в свои палатки, как с парада, как с великого праздника: с развернутыми знаменами, с песнями, с весельем и дерзостью! И они победили Шисаньлин, они взяли у него воду.

★

— Скажите, пожалуйста, как пройти на главную площадку? — спросила Сюй Пын рабочего.

Тот покачал головой и протянул Сюй Пын руку ладонью вверх. Она пальцем начертила на его ладони иероглиф. Рабочий обрадованно засмеялся и показал рукой на предгорья.

Сюй Пын задумчиво посмотрела ему вслед и сказала:

— Вот, товарищи, сейчас вы оказались перед загадкой «третьего пионерского «хорошо»...

— Расскажите, Сюй Пын...

Девушка отрицательно покачала головой:

— Поедем в Шанхай. Там вы все узнаете.

И мы поехали в Шанхай.

★

Наш поезд остановился всего на десять минут. Моросил мелкий дождь. Мы вышли из вагона. Станция Цихоу встретила нас тишиной. Было восемь часов утра.

И вдруг тишина сменилась грохотом. Забили гонги, загремела музыка.

Читатель, ты когда-нибудь слышал оркестр, составленный из сорока барабанов и одной скрипки? Не слышал? Так знай, что эта громкоголосая музыка в Китае означает сигнал утренней зарядки. И все, кто прогуливался вдоль вагонов, спускался в тоннели, поднимался по переходным лестницам над железнодорожными путями,— все остановились. Казалось, какой-то волшебник взмахнул чудесной палочкой.

Отзвучали первые аккорды. Китайцы поставили свои чемоданы и начали неторопливо, сосредоточенно, в такт музыке делать гимнастические упражнения.

В привокзальном садике три пионера показывают двум пожилым женщинам, как надо правильно делать зарядку.

— Не торопитесь, тетушка Цзяо,— говорит младший.

— Ведь это мешает правильному дыханию, тетушка Цзяо,— замечает средний.

— Руки выше! Корпус ровнее, пожалуйста! — просит старший.

Тетушка Цзяо следит за движениями ребят и старается повторять их правильно.

— Хорошо, хао! — хвалит тетушку Цзяо младший пионер.— Еще сто семьдесят два занятия — и вы станете такой же сильной, как и я.

Зарядка длилась десять минут. Громкоговоритель замолчал. Кто вернулся в вагон, кто пошел в вокзал, а некоторые пошли на перрон, где стояли турники, брусья и гири.

Все китайцы — и взрослые и дети — занимаются спортом. И часто пионеры выступают как учителя. Но они никогда не задирают носа, потому что быть хорошим спортсменом — это значит в первую очередь быть скромным.

...Не думайте, что зарядку в Китае делают один раз в день!

По-китайски, для порядку,
Чтоб прогнать усталость, лень,
Физкультурную зарядку
Нужно делать трижды в день.
Если ты сидишь в вагоне
И от дома вдалеке,
Вылезай-ка! На перроне
Покрутись на турнике.
Если ты за партой в школе,
Выходи на школьный двор.
Если помогаешь в поле,
Для гимнастики простор!
Если ты на производстве,
От других не отставай:
Выходи-ка на площадку,
Чтобы делать физзарядку,
Да смотри не опоздай!

Потому что все в Китае
(Так бы надо в целом мире!)
В такт движениям считая:
Раз, два, три, четыре,
Помогают в каждом теле
Воспитать здоровый дух,
Чтоб китаец в каждом деле
Успевал один за двух.

★

Когда поезд тронулся, мы вспомнили один случай.

Несколько дней назад, гуляя по Пекину, мы забрели в район старых домов. Нас окружили школьники и студенты. Один юноша, студент университета, говорил немного по-русски. Он и переводил по мере сил. Разговаривали мы о Москве, о будущем лете, о Пекине, о бродячих фокусниках. Вдруг кольцо ребят разорвалось, и в образовавшийся коридорчик прошла старушка. Бабушка поздоровалась с нами, осведомилась о здоровье, а потом, как бы невзначай, пощупала руки и спину одной из наших спутниц и что-то сказала ей.

Наш переводчик отчего-то смутился и быстро заговорил о том, какие интересные фильмы вышли на экраны пекинских кинотеатров.

Мы записали фразу бабушки и сейчас, в вагоне, вспомнили, что слова-то до сих пор не переведены.

— Очень плохо быть толстым. Тяжело сердцу. Надо делать зарядку. Как я...— перевела нам Сюй Пын мудрые слова пожилой физкультурницы...

(Продолжение следует)

Чьи это такие смешные дети?

Наши приключения в Уэст Поли

Томас ГАРДИ

Рисунки Г. Филипповского.

(Продолжение)

КАК МЫ ПОПАЛИСЬ В СОБСТВЕННУЮ ЛОВУШКУ

Мы были на вершине своей славы, и нужно же, чтобы в этот самый момент на дороге показался человек, в котором Стив узнал крестьянина из Уэст Поли. На нашу беду, и он узнал Стива.

— Чего это тебя занесло в здешние края, мастер Стиви? Ба, да и твой братишка здесь! А бороды-то! Ну и вырядились... Ха-ха-ха!

Сильно смутившись, Стив поспешил отвести крестьянина подальше от ребят.

— Послушай, — сказал он мне, отделавшись от навязчивого простака, чуть было не выдавшего нас,— хватит на сегодня. Пошли-ка отсюда, пока они не смекнули, в чем дело.

Я охотно согласился, и мы ушли.

— Смотри, что тут творится! — воскликнул Стив.

Обогнув забор, мы оказались свидетелями перебранки между бедной вдовой и хлеботорговцем, который собрался ставить мельницу в нижнем течении реки. Для этого он сделал запруду, и вода затопила сад бедной женщины, превратив его в озеро.

— Право, сэр, вы могли бы пощадить мой участок,— говорила она со слезами на глазах.— Неужели нельзя было устроить пруд пониже! Ведь вам-то все равно, а копать пришлось бы совсем немного. Правда, по закону дом и сад принадлежат вам, сэр. Но этот дом был построен моим отцом, сэр. Я родилась здесь и хотела бы окончить свои дни под его крышей.

— Ничем не могу помочь вам, миссис,— отвечал хлеботорговец.— Ваш сад — уже готовый пруд, а чтобы выкопать новый, придется затратить большие деньги. Вон на холме неплохой домишко: будете жить там не хуже, чем здесь. После смерти вашего отца дом перешел в мои руки, а со своей собственностью я могу делать что мне вздумается.

Несчастная женщина ушла, а мы со Стивом с огорчением смотрели на погубленный сад, в котором между полузатопленными яблонями, как маленькие островки, торчали кусты крыжовника.

— Какой негодяй! — сказал Стив.— Я вижу, что в этом мире почти невозможно осчастливить одних и в то же время не повредить другим.

— Раз мы не осчастливили и жителей Ист Поли,— сказал я,— не лучше ли вернуть речку в ее старое русло, в Уэст Поли?

— Но тогда начнет работать мельница Гриффина, и по условиям договора бедняге Джобу придется вернуться к хозяину и снова терпеть побои...

Видно, чтобы быть справедливым, надо иметь не только доброе сердце, но и умную голову.

Мы все еще бились над этой сложной задачей, когда повернули в свою деревню и в полумиле от Уэст Поли встретили поджидавшего нас Джоба.

— Ну, как? — спросил он, сгорая от нетерпения, и тотчас же сам принялся рассказывать: — Как только стрелки часов показали четверть двенадцатого, я начал копать и быстро отвел воду. Только не туда, куда вы думаете, нет, это значило бы пустить в ход мельницу, а я не собирался этого делать.

— Так куда же ты ее направил?! — воскликнул Стив.

— Я нашел еще одно отверстие,— ответил Джоб.

— Третье?

— Да, третье.— Джоб засмеялся.— Я разобрал камни вокруг нового отверстия, отгреб глину, и вода с шумом хлынула вниз. Через пять минут я повернул ее назад, к Ист Поли, как мы условились.

Но уж в Уэст Поли я бы ее ни за что на свете не пустил.

Стив объяснил ему, что мы не собираемся облагодетельствовать водой ни Ист Поли, ни Уэст Поли, так как в обеих деревнях царит несправедливость. Сообщение Джоба о найденном стоке разрешало все наши затруднения.

— Надо, не теряя времени, пустить воду в третий сток,— заключил Стив.

Мы вернулись в деревню. Так как было уже поздно, мы решили сегодня ничего больше не предпринимать, а завтра вечером снова всем собраться в пещере и закончить работу.

На следующий день мать послала Стива на базар за покупками, и мы договорились, что, если он запоздает, я один пойду по направлению к «Чертову карману» и мы встретимся, когда он будет возвращаться из города. В этот день мне было очень не по себе: меня томили мрачные сомнения, имеем ли мы право на свой страх и риск отнимать воду у двух деревень, даже если к этому нас побуждает естественное чувство справедливости. Наконец наступили сумерки, и, видя, что Стива все еще нет, я решил, что придется встретиться с ним у входа в пещеру. Торопиться было некуда, поэтому я увлекся погоней за крольчонком, попавшимся по дороге. Поймать его не удалось, но, гоняясь за кроликом, я очутился на огороженном поле, а выходя на дорогу, услышал разговор, который заставил меня остановиться.

— Коли так, то это странная история,— донесся до меня голос мельника Гриффина. — Известно, что в Ист Поли любят приврать, но если мальчишки толкуют о колдовстве, так, наверно, неспроста.

— А что они говорят? — спросил голос сапожника.

— Они говорят, что эти молодцы, одетые колдунами, появились там около двенадцати часов и похвастались, что могут остановить реку. Ребята из Ист Поли стали их подзадоривать. И, ей-же-ей, им удалось ее остановить. Они что-то пошептали — и река высохла как по волшебству. Попомните мои слова: эти паршивцы добрались до истока реки и что-то там натворили. Река, которая очутилась в Ист Поли,— та самая река, что должна вращать колесо моей мельницы.

— Ну и озорники! — сказал сапожник.— Я всегда недолюбливал этих мальчишек, особенно Стива. Он у меня не то что пару башмаков сшить, набойки не поставил с тех пор, как подрос и сам стал покупать вещи. Не пойму только, что они могли сделать, даже подобравшись к истоку. Ведь ключ-то бьет из глубины холма! Как же они смогли остановить этот ключ?

Очевидно, мельник тоже не мог ничего объяснить, так как ответа не последовало.

Мне было ясно: надо немедленно бежать в «Чертов карман», рассказать, что нас заподозрили, и убедить ребят подождать до тех пор, пока мы не посоветуемся с каким-нибудь опытным человеком, например с Неудачником.

Я зайцем пустился напрямик через клевера и скоро оставил собеседников далеко позади.

Еще издали я с облегчением увидел вырисовывающуюся на фоне неба знакомую фигуру Стива и торопливо рассказал ему обо всем. Он задумался.

— Значит, они не подозревают, что секрет кроется в пещере? — сказал он.

— Пока не подозревают,— ответил я.

— Что ж! У нас хватит времени выполнить то, что мы решили, и пустить поток в третье отверстие, а после мы подумаем и дадим речку тем, кто ее больше заслуживает.

— Давай посоветуемся с хорошим человеком, прошу тебя,— сказал я.

Не без колебания Стив согласился, что как только наш план будет приведен в исполнение, мы обратимся к какому-нибудь мудрому советчику, который все рассудит по справедливости.

— Но где же Джоб? — спросил Стив.— Наверное, уже в пещере, я ведь обещал быть здесь раньше.

Войдя в пещеру, мы увидели, что свечи и другие вещи исчезли. Вероятно, Джоб взял их с собой, и мы двинулись вперед в темноте, время от времени зажигая спички, чтобы было видно, куда идти. Пройдя первую пещеру, мы заметили вдали слабое мерцание и вскоре увидели Джоба, который изо всех сил трудился при свете свечей.

— Я почти загнал ее в третье отверстие, но не хотел без вас кончать работу,— сказал он, вытирая лоб.

Мы сообщили Джобу, что соседи напали на след и могут догадаться о наших проделках в «Чертовом кармане». Они могут прийти сюда и обнаружить, что родник, из которого будто бы вытекает река, сам питается водой из пещеры, поэтому мы предложили Джобу поскорее отвести воду и вместе с нами убраться восвояси.

— У-у,— жалобно протянул Джоб.— Тогда я пропал. Завтра сюда придут, мельница снова закрутится, и опять мне батрачить... Вот как он меня разукрасил! — Джоб закатал рукав и показал ссадины и синяки — красноречивые следы побоев мельника.

Стив вспыхнул от негодования.

— Я все готов отдать, чтобы навсегда закрыть воде доступ в обе деревни! — сказал он.—Это легко сделать при помощи камней и глины. Пусть их тогда приходят. Вода навеки уйдет в третье отверстие, и мы спасем и Джоба и бедную вдову.

— Ну, что ж,— проговорил Джоб, готовый на что угодно, лишь бы не возвращаться на мельницу.— Давайте начнем.

Стив взял лопату, Джоб — кирку. Сначала они закончили начатое Джобом и отвели поток в третью расщелину, а затем стали забивать камнями, глиной и землей два других отверстия, заравнивая землю лопатой, чтобы нельзя было найти место, где находились водостоки.

Мы так увлеклись работой, что, к нашему величайшему несчастью, совершенно не заметили, что́ происходит вокруг.

Я обернулся первым, так как мне показалось, что вода, бегущая в расщелину Джоба, журчит как-то по-иному. Зрелище, представившееся моим глазам, могло испугать и более храброго и опытного человека.

Вместо того, чтобы стекать вниз, в недра холма, остановленный поток бушевал у нас за спиной, разрастаясь в огромное озеро и постепенно заполняя пещеру. Было очевидно, что расщелина, которую Джоб принял за сток, оказалась тупиком. В первый раз, когда Джоб помогал нам разыграть роль волшебников, вода просто не успела заполнить этот каменный мешок.

— Стив, Джоб! — только и хватило у меня духу вымолвить.

Они быстро обернулись и поняли, что произошло. Вода поднялась гораздо выше уровня штрека, служившего единственным выходом из пещеры. «Чертов карман» превратился в ловушку. Старый сток — в Уэст Поли и другой, найденный Стивом сток — в Ист Поли, оба наглухо засыпанные нами по недомыслию, оказавшемуся роковым,— все скрылось под водой. Целый вечер мы были заняты тем, что превращали пещеру в закупоренную бутылку, в

которой вода теперь поднималась, грозя утопить нас.

— Есть только один выход, только один,— хрипло сказал Стив.

— Какой? — воскликнули мы в один голос.

— Открыть старый водосток, ведущий к мельнице.

— Я бы с большей охотой утонул, чем сделал это,— мрачно пробормотал Джоб.— Но речь идет о жизни других, и я буду работать изо всех сил. Только удастся ли вообще открыть какой-нибудь сток?

Надо было действовать не мешкая. Представлялось совершенно невероятным, чтобы у нас хватило сил откопать один из этих подземных ходов. Оба они имели форму воронки, которая, постепенно сужаясь, превращалась в узкую трещину, заполненную плотно спрессованной глиной и камнями. Если раньше еще можно было как-то вытащить камни, то теперь, когда они были под водой, задача становилась под силу только Геркулесу.

Но мы плохо знали Стива.

— Ну-ка, помогай мне! — приказал он Джобу, указывая на то место, где был сток к Уэст Поли.— Лэнни, братишка,— продолжал он, обернувшись ко мне,— мы попали в беду. Оставайся в нише: следи, чтобы свечи не гасли от сквозняка, и зажигай их только по одной. Джоб, сколько у нас осталось?

— Десять штук, считая и короткие.

— Этого хватит надолго,— сказал Стив.— А сейчас давайте нырять и вытаскивать камни.

Они быстро разделись, сложили вещи в нише и в одних трусах вышли на середину пещеры. Вода уже была им по пояс, а там, где скрывалось отверстие, выводящее воду к Уэст Поли, было еще глубже.

Именно тут Стив и нырнул. Сотни, нет, тысячи раз с тех пор я вспоминал, как он появился на поверхности, и в тусклом свете свечи его голова казалась похожей на плывущее по воде яблоко. Он выпрямился, держа в руках камень величиной с собственную голову.

— Первый,— сказал он, едва переводя дух.— А сколько их еще осталось!

Он швырнул камень в сторону, а Джоб, не теряя времени, погрузился в воду. Он нырял хуже Стива, но мог дольше оставаться под водой, и прошло очень много времени, прежде чем он выплыл, прижимая к груди еще один большой камень и несколько маленьких. Джоб бросил камни, а Стив, успевший к тому времени отдышаться, нырнул вторично.

Даже сейчас, много лет спустя, я не могу без волнения вспоминать об этих ужасных минутах. Мне было, пожалуй, еще тяжелее, чем остальным: в отличие от них мне не приходилось испытывать огромного физического напряжения, которое отвлекает от мыслей. Беречь свечи, защищая их от ветра, было неизмеримо легче того, что делали Стив и Джоб, но я с радостью поменялся бы с ними, если бы это было мне под силу, лишь бы уйти от бездействия, невыносимого в нашем отчаянном положении.

Я видел, как сантиметр за сантиметром прибывала вода, и вероятный исход наших приключений вырисовывался передо мной все яснее и яснее.

Чтобы поток, запертый в пещере, мог вырваться на свободу, нужно было вынуть по крайней мере еще десяток или два камней, а вытаскивать их становилось все труднее и труднее по двум причинам: во-первых, каждый новый камень сидел в воронке глубже, чем предыдущий, а во-вторых, уровень воды поднимался, и глубина увеличивалась. И все же мои товарищи продолжали мужественно бороться со стихией, и число вытащенных камней уже достигло семи. Нам даже показалось, что образовался небольшой сток. И хотя вода продолжала подниматься, но как будто уже не так быстро, как прежде.

Последние попытки Стива и Джоба закончились неудачей: они несколько раз возвращались с пустыми руками и наконец заявили, что больше ничего не могут сделать. Оставшиеся камни сидели в воронке так плотно, что казалось, не хватит человеческих сил, чтобы извлечь их.

Джоб и Стив вылезли из воды. Они выбились из сил, их била дрожь. Да это и не удивительно.

— Надо придумать что-то другое,— произнес Стив.

— Что? — спросил я.

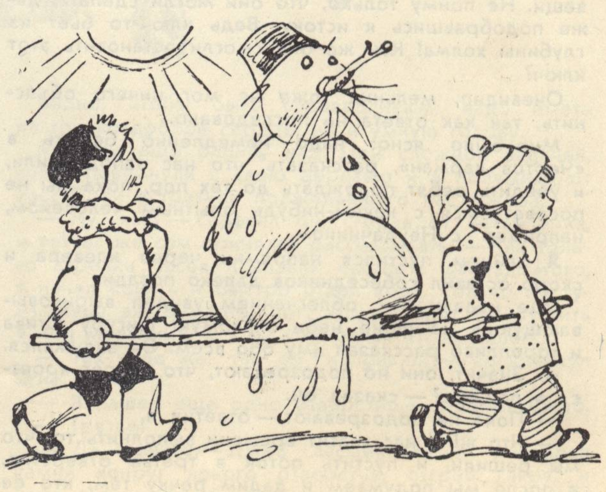
Стив обернулся ко мне.

— Молодчина ты, хорошо держишься! — сказал он,

Рисунки Ю. Узбякова.

— Пока мама вернется, он же растает?!

. . . .

и что-то похожее на слезу блеснуло у него на глазах.

Мальчики оделись. Отказавшись от мысли спустить воду и выйти через старый штрек, заполненный водой, мы в надежде отыскать какую-нибудь лазейку стали осматривать потолок пещеры. Одинокая свеча давала слишком мало света, чтобы разглядеть все своды, однако видно было, что они не образуют правильного купола.

Своды были покрыты трещинами и неровностями, а с одной стороны, там, куда едва проникал свет, виднелась большая расщелина, похожая на слуховое окно, ведущее неизвестно куда. Именно оттуда, как казалось, тянул ветерок, заставлявший трепетать и клониться пламя нашей свечи.

Нечего было и думать о том, чтобы добраться до отверстия, терявшегося в глубине сводов высоко над нашими головами: для этого потребовалась бы ловкость мухи, умеющей ходить вверх ногами. Спасения надо было искать не здесь.

Неподалеку от места, где мы стояли, имелся небольшой уступ, и мои отважные товарищи приложили все силы, чтобы добраться до него. Джоб кое-как вырубил киркой ступеньку фута на три выше уровня ниши, встал на нее и обратился ко мне:

— Слушай, Леонард, ты самый легкий. Прыгай сюда, становись мне на плечи, а потом залезешь на уступ и поможешь нам.

Я вскочил на ступеньку, взобрался на широкую спину Джоба и, оттолкнувшись, прыгнул на уступ. Джоб протянул мне кирку и объяснил, как укрепить ее в одной из трещин, а потом велел мне лечь на живот, держась за ручку кирки, и протянуть ему руку. Я повиновался, он вскарабкался вслед за мной и помог перебраться Стиву.

Это было все, что мы могли сделать. Нам оставалось только ждать и надеяться, что вода найдет какой-нибудь невидимый сток, прежде чем успеет добраться до нас.

Джоб и Стив были страшно измучены, им хотелось только одного — отдохнуть, все остальное, казалось, перестало их интересовать. И все-таки они пытались изобретать какие-то новые планы и с тоской глядели на воду.

— Неужели она все еще прибывает? — промолвил я.— А вдруг перестала?

— Ну что ж, значит, мы не утонем, а просто умрем с голоду,— отозвался Стив.

Джоб вместо ответа нагнулся и опустил руку вниз. Когда он выпрямился, лицо его было спокойно.

— Придется все-таки утонуть,— беззвучно произнес он и поднял руку — с нее стекала вода.

О ТОМ, КАК В ДЕЛО ВМЕШАЛИСЬ ЛЮДИ ПОСТАРШЕ

Вода поднялась так высоко, что, свесившись с уступа, Джоб смог коснуться рукой ее поверхности. Но, несмотря ни на что, мы все еще мечтали, что если вода остановится, то со временем нам как-нибудь удастся освободиться.

— Там, в темноте,— сказал Джоб,— наверное, есть лазейки, которые выведут нас наружу; только бы отыскать их, а добраться до них можно вплавь. Давайте запустим туда свечу!

— Каким образом?! — воскликнули мы со Стивом.

— А вот как,— сказал Джоб. Сняв с головы соломенную шляпу, он перочинным ножом прорезал в ней отверстие. Сюда он вставил огарок, зажег его и, наклонившись, опустил шляпу на поверхность воды.

Как он и ожидал, в воде было слабое течение, и шляпа медленно поплыла по кругу. Шесть глаз как зачарованные следили за странствующим огоньком. Он удалялся, освещая выступ за выступом и впадину за впадиной, которые мы не могли видеть раньше, но нашему жадному взору не открылось ни безопасное убежище, ни путь к спасению. Шляпа плыла все дальше и дальше в темноту, и вот уже огонек мерцал, как одинокая звездочка. Шляпа двинулась вправо, затем медленно повернула обратно; огонек стал расти, потерялся в глыбах скал, снова появился и поплыл по направлению к нам, пока, наконец, шляпа не подплыла к самому уступу, где мы и подобрали ее. Она описала по пещере полный круг, так как все прибывавшая вода создавала круговое течение, но никакой лазейки мы так и не увидели.

— Во всем виноват я! — мрачно сказал Стив.

— Нет,— возразил Джоб,— ты не стал бы останавливать речку, если бы не хотел спасти меня.

— Все равно всю кашу заварил я,— с горечью произнес Стив.— И вел себя, как самонадеянный дурак. Какое я имел право распоряжаться речкой, которая кормит десятки людей втрое старше меня!

— Я тоже думал только о себе,— сказал Джоб.— Нельзя было ради меня одного останавливать мельницу, снабжавшую мукой целую деревню. Надо было спросить совета у людей поумнее.

Мы замолчали. Сознание собственной беспомощности сковало нас холодом.

Нас охватило гнетущее чувство безысходности. Когда все попытки спастись оказались безуспешными, возбуждение уступило место глубокой усталости. Стив и Джоб откинулись назад и забылись тяжелым сном.

— Интересно, куда он ведет? — снова пробормотал я. И в ту самую минуту, когда я произносил эти слова, до моего слуха донеслось нечто такое, от чего волосы зашевелились у меня на голове. Звуки вырвались из зияющего отверстия.

Если читатель способен представить себе, что испытывает пойманная птица, с трепетом ожидающая конца, когда вдруг она чувствует, что может свободно расправить крылья и улететь, то он поймет и мое состояние, когда я постиг, что до моего слуха доносились звуки человеческого голоса.

— Откуда взялся этот чертов камень? — Это был голос мельника.

— Будь я проклят, если знаю! Только он чуть не проломил мне череп! — отвечал голос сапожника.

— Стив, Джоб! — крикнул я.

Я был утомлен меньше, чем они, и совсем не хотел спать. Я сидел с широко открытыми глазами, все еще машинально защищая от ветра свечу, и спрашивал себя: неужели мы действительно должны умереть?

Мой взгляд снова остановился на расщелине у меня над головой, и я подумал: «Интересно, куда ведет эта дыра?» Подобрав камень величиной с кулак, я без особой охоты, но довольно метко запустил его в пролом. Камень влетел в темное отверстие, и слышно было, что он ударился обо что-то и отпрыгнул, как теннисный мяч. Вслед за тем раздался грохот, и, хотя он доносился издалека, я слышал его довольно отчетливо, потому что эхо долго еще повторяло звук под сводами пещеры. Это означало, что по ту сторону каменной пасти, зияющей надо мной, находился спуск, ведущий, должно быть, в другую пещеру, и что камень скатился по этому проходу.

Ребята в испуге вскочили. Я хотел крикнуть, но не мог.

— Нас нашли... Они там... Мельник и сапожник,— шептал я, указывая наверх.

Стив и Джоб поняли меня. Надежда на спасение вспыхнула с новой силой, и от радости мы, наверное, лишились бы чувств, если бы спасителем не оказался наш враг, которого мы так стремились одолеть. Но в нашем безвыходном положении эта вражда не имела никакого значения.

Наши голоса слились в едином крике. Этот крик разбудил эхо, не потревоженное, наверное, с тех далеких времен, когда образовались Мендипские холмы, в сердце которых мы находились.

Эхо затихло, а мы стояли и вслушивались, слегка приоткрыв рты.

Мельник снова заговорил:

— Уж поверь мне, это они, разбойники! Камнями швыряются, застращать хотят и выжить отсюда.

Слыхал ли кто о подобной наглости? Вот тебе и ключ к разгадке тайны реки. Своим баловством они выдали себя. Лезь-ка сюда, и не быть мне мукомолом, если я не обломаю об их бока самую крепкую хворостину на свете!

Вслед за этим у нас над головой послышался шорох: кто-то толстый полз на четвереньках, пыхтя, тяжело отдуваясь и издавая восклицания, которые мы не рискнем привести здесь.

Наверху появился слабый свет, похожий на тусклое мерцание свечи, а затем из отверстия осторожно высунулась чья-то голова. Это был сапожник. Вслед за ним, размахивая палкой и рыча: «У-у, разбойники!»,— спешил высунуться кто-то еще.

Мы едва успели узнать мельника, как он, двигаясь с излишней резвостью и в пылу не заметив края воронки, шагнул дальше, чем следовало. Мельник упал головой вперед и погрузился в водоворот шагах в тридцати от нас.

При виде старого недруга Джоб побледнел и стиснул зубы, но когда случилось несчастье, на лице его появилось более мягкое выражение.

— Нельзя дать ему утонуть,— сказал он.

— Конечно,— отозвался Стив,— только как его вытащишь в таком неудобном месте?

Однако сначала не было особых причин для беспокойства. Толстый мельник кое-как держался на воде.

При падении он глубоко погрузился и, наглотавшись воды, всплыл на поверхность, яростно отплевываясь:

— Ф-рр, у-фф, ох, тону! — Он захлебывался.— Утоп ваш мельник... Все из-за этих негодных... я хотел сказать хороших, мальчиков. Ах, Джоб, если бы ты мне помог, я бы уж тебе задал... то бишь воздал, не поскупившись! Буль-буль-буль-буль!

Джоб внимательно слушал.

— Предоставь это дело мне,— сказал он.

— Охотно,— ответил Стив.

— Слушай, Гриффин,— обратился Джоб к мельнику,— ни я, ни мои товарищи не поможем тебе, покуда ты не будешь с нами обращаться по-человечески. Да смотри, без увертки. Давай по совести, а не хочешь — как хочешь. Дай слово, что не сделаешь нам зла, и если речка снова вернется в старое русло, мельница начнет работать и я вернусь к тебе, то ты меня и пальцем не тронешь. Не дашь слова — можешь считать себя утопленником.

— Хозяин волен над своим работником! — с отчаянием вопил мельник, кружась на одном месте.— Твои тело и душа принадлежат мне... но я не хочу тонуть!

— Похоже, что хочешь,— спокойно заметил Джоб.— Твои дружки далеко, они тебе не помогут.

— Чего же ты требуешь? Ох! Ох! Буль-буль-буль!

— Повторяй за мной: я, мельник Гриффин, торжественно клянусь, что если когда-нибудь осмелюсь поднять руку на Джоба Трэя, он вправе немедленно бросить работу у меня и искать себе другое место. Повтори это при свидетелях!

— Согласен... клянусь... буль-буль... клянусь.— И мельник повторил слова клятвы.

— Вот теперь я тебя вытащу,— сказал Джоб.

Он лег на живот и, протянув черенок лопаты барахтающемуся в воде мельнику, подтащил его к уступу. Стив ухватил мельника за одну руку, Джоб за другую, и вот он уже стоял рядом с нами.

— Спасен! Спасен! — вопил Гриффин.

— Ну-ка, подвинься,— заметил Стив.— На этой узенькой полочке не очень-то разгуляешься.

— Да, да, конечно! — с радостью согласился спасенный.— А теперь пошли отсюда, нечего торчать в этой темной дыре! Эй, Джонс! Где ты там? Сейчас мы придем... Но куда же девался сапожник?

— Правда,— сказал Стив,— где же он?

Все четверо мы напряженно вглядывались в то место, откуда свалился мельник. Но его спутника не было.

— Ну и шут с ним! — добродушно сказал Гриффин.— Мы его догоним. В какую сторону идти?

— Ни в какую. Отсюда нет выхода.

— Как нет? — эхом откликнулся мельник, озираясь по сторонам и начиная понимать, что очутился в западне.— Значит, я погиб? — завизжал он.— И мне никогда не выйти отсюда?

— Нам не спастись, если ваш друг не придет,— сказал Джоб.— Его помощь — наша единственная надежда, иначе все пропало. Вот уже два часа, как мы цепляемся за этот кусочек скалы и ждем смерти. А теперь прибавился еще один обреченный, если только сапожник не приведет людей!

Несмотря на исчезновение сапожника, Джоб не терял хладнокровия, и Стив тоже пытался казаться спокойным. Но они были ошеломлены этим необъяснимым исчезновением, пожалуй, ничуть не меньше, чем сам мельник.

Поразмыслив, мы решили, что вряд ли сапожник трусливо бросил нас на произвол судьбы. Вернее всего, он просто пошел за людьми. Но любой на нашем месте пал бы духом при одной мысли, что сапожник может не вернуться.

— Он не может не вернуться,— мрачно бормотал мельник в то время, как мы жались на узкой площадке, как воробьи, слетевшиеся на печную трубу.

— Будем надеяться,— сказал Стив,— что он настоящий человек.

— Он должен прийти! — с жаром твердил мельник.— Правда, я как-то сказал ему в глаза, что он никудышный мастер... И угораздило же меня! Ах, если бы я этого не говорил! Но это случилось так давно, и дай-то бог, чтобы он забыл. Другой раз — что было, то было — я назвал его скупердяем. Но мы помирились и с той поры жили в дружбе. Только, может быть, он из тех, кто прячет камень за пазухой, и теперь готов отплатить мне.

— Очень плохо, если из-за вашего злобного нрава он захочет обречь на смерть и нас троих,— сказал я.

— Верно,— поддержал Джоб.

— Типун тебе на язык! — заорал Гриффин.— Было б где размахнуться на этой проклятой жердочке, я б тебя...

— Пальцем не тронул,— вставил Джоб.— И у вас хватает низости вести себя так, когда вода поднимается и каждую минуту грозит затопить нас?!

— Как затопить? — спросил мельник.

— Очень просто,— ответил Стив.— Она уже заливает мне ноги.

Перевод с английского
С. Майзельс и Ю. Полякова.

(Окончание в следующем номере.)

Летят голуби

Что нам читать?

Представьте себе, что редакция, в которой готовится к печати книга,— это голубятня и в нее со всех сторон летят почтовые голуби. В клювах у них конверты — белые, розовые, голубые — с марками не только разных государств, но и разных эпох. А в каждом конверте — интересное, важное, животрепещущее сообщение.

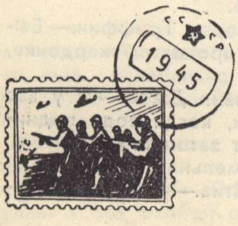
Так задуман и сделан сборник «Голубятня», выпущенный издательством «Молодая гвардия». Голуби-почтари слетелись в редакцию отовсюду, даже из «Страны Сказок». Эта крылатая почта была, разумеется, воображаемой, но стихи, рассказы, повести в сборнике самые настоящие. Писали их хорошо вам известные поэты и прозаики: А. Барто, С. Михалков, З. Александрова, Е. Тараховская, С. Баруздин, В. Берестов, Л. Воронкова, Н. Кальма, Е. Пермяк и многие, многие другие...

Раскрывая «Голубятню», представьте себе, что вы получили большое, толстое письмо, — недаром на обложке сборника — марка и штемпель. Марками украшены все разделы книги. А сколько заманчивого в каждом разделе! Загляните в «конверты с иностранными марками», и вы тут же залпом прочитаете увлекательную повесть И. Рахтанова «Денис Ощепков и Банни Сидней». Множество интересных рассказов и стихов о жизни ребят в «заказных письмах с пионерской голубятни».

Но как бы то ни было, «Голубятня» — письмо, вернее, целый сборник писем, а письма люди воспринимают по-разному: кому что по сердцу... Мне, например, среди «писем с марками тех памятных лет» очень понравилась повесть Я. Тайца «Ландрин». В ней просто, с мягким юмором рассказано о жизни одной обыкновенной семьи в первые годы революции... А в разделе «Военно-полевая почта» особенно запомнился рассказ «Речные камешки». Автор его Е. Судакова тепло и поэтически рассказывает о том, как жили ребята в трудные дни эвакуации, об их первых серьезных переживаниях, о дружбе, о тоске по школе, от которой они тогда невольно были оторваны. Почитайте о том, как девочка Таля во время остановки в пути пытается хоть несколько дней поучиться в школе, и, может быть, вы с особым чувством взглянете на ваш класс, на учебники, на все, что у вас сейчас под рукой и что вы, быть может, не всегда цените...

Очень хотелось бы, чтобы вы по заслугам оценили и повесть Л. Воронковой о детстве в старой Москве «Детство на старой Божедомке» и рассказ о вашем сверстнике и современнике «Кешка». Этот рассказ — одна из многочисленных удач уже хорошо вам известного писателя А. Мошковского. Он будит много серьезных вопросов: о настоящем мужестве, о подвиге, про который никто не знает, о совести...

Повторяю, письма — дело личное. Мне в «Голубятне» запомнилось одно, а вам, может быть, гораздо больше понравится другое. В сборнике столько хороших стихов и рассказов о настоящем и прошлом, о ребятах и о природе, об истории и о технике!.. Но что бы ни приглянулось вам из отдельных вещей, заканчивая книгу, вы невольно подумаете: как чудесно, как весело на нашей пионерской голубятне, какое высокое небо синеет над ней и какое прекрасное чувство дружбы связывает всех хороших ребят и честных людей всего мира!..

Ю. НОВИКОВА

Древнее сказание

Сказание о сыне Солнца, благородном Раме, возникло в Индии более двух тысяч лет назад. В ту пору в Индии еще не было письменности, и «Рамаяну» (так называется это сказание) пели народные певцы; они изменяли ее и дополняли. Мы вправе сказать, что «Рамаяну» создавал весь индийский народ и герои ее отражают душу народа.

Имя Рамы известно всем детям Индии, все они видели «рамлила» — театральное представление, посвященное его подвигам. Но «Сказание о Раме» для детей написано совсем недавно. Написал его прогрессивный писатель Индии Прем Чанд.

А теперь эта поэтическая книга переведена на русский язык, и вы тоже можете с ней познакомиться.

Просим любить и жаловать!

Познакомьтесь с ним, ребята! Его зовут Ян Корнелл. Он сторож виноградника. По внешности он неказист и к тому же изранен. Но он добрый малый и охотно расскажет вам о Тридцатилетней войне, в которой сам участвовал, о своих приключениях на суше и на море...

Мы описали Яна так подробно потому, что в книге чешского писателя Милоша Вацлава Кратохвила описание героя дано в предисловии. А перед предисловием написано: «Если вы не интересуетесь отвлеченными мудрствованиями и желаете, чтобы сразу завязалось какое-нибудь действие, то пропустите это предисловие»... Так вот, может быть, вы и в самом деле пропустите предисловие, хотя оно и интересно.

Ну, а последующие главы книги «Удивительные приключения Яна Корнелла» мы здесь вам не станем рассказывать. Вы их сами начнете читать и непременно дочитаете до конца, хотя события, описанные в книге, происходили три века назад.

Как можно путешествовать

Рассказ о путешествии — всегда рассказ о необычном: ведь в пути человек встречается с новыми людьми, с новыми местами, с новой для него природой.

Но есть путешествия необычные сами по себе.

Можно ли считать обычным путешествие через Атлантику в маленькой резиновой лодке, как путешествовал француз Ален Бомбар? Иные же путешествуют совсем странным образом: не выходя из своей комнаты. Именно так, не покидая своего кабинета, советский ученый В. Ю. Визе открыл новый остров.

Об этих путешествиях и о других — не менее интересных и удивительных — вы прочитаете в книге Глеба Голубева «Необычные путешествия».

Сокровища пустыни

«Тот народ богат, у которого есть пустыня и вода» — говорит туркменская поговорка.

«Какое же это богатство — пустыня? — спросите вы.— Ведь пустыня — сухая, мертвая земля».

Нет, оказывается, и в пустыне живут птицы и звери, растут полезные растения.

О том, как группа советских людей исследует жизнь пустыни Туркменистана, вы прочитаете в книге М. Ивина «По следу бешеной реки». В этой книге рассказывается и о загадках пустыни. Когда все они будут разрешены — а этот день недалек! — пески Каракумов превратятся в цветущие сады и тучные пастбища.

В марте, как обычно, по всей нашей стране проходит традиционная неделя детской книги. Поэтому, разбирая папку профессора Коллекциани-Собирайлова, мы старались взять из нее для этого номера только те истории, факты и рисунки, которые рассказывали бы не о делах давно минувших дней, а о писателях и книгах — наших современниках.

Из воспоминаний о Гайдаре

Жизнь Гайдара была иногда продолжением, а иногда и началом его книг. Года за два до того, как вышел «Тимур и его команда», Гайдар зашел как-то ко мне. У меня был трудно болен сын, и мы сбились с ног в поисках одного редкого лекарства. Его нигде не было.

Гайдар подошел к телефону и позвонил к себе домой.

— Пришлите сейчас же ко мне,— сказал он,— всех мальчиков из нашего двора. Я жду.

Он повесил трубку. Через десять минут раздался отчаянный звонок у двери. Гайдар вышел в переднюю. На площадке за дверью стояло человек десять мальчиков, очень взволнованных и запыхавшихся.

— Вот что,— сказал им Гайдар,— тяжело болен один мальчик. Нужно вот такое лекарство. Я вам запишу каждому его название на бумажке. Сейчас же — во все аптеки: на юг, восток, на север и запад! Из аптек звонить мне сюда. Все понятно?

— Понятно, Аркадий Петрович! — закричали мальчики и понеслись вниз по лестнице.

Вскоре начались звонки.

— Аркадий Петрович! — кричал в трубку взволнованный детский голос.— В аптеке на Маросейке нету.

— Поезжай дальше. На Разгуляй.

Гайдар сидел у телефона, как капитан на мостике корабля. Через сорок минут восторженный детский голос прокричал в трубку:

— Аркадий Петрович, есть! Я достал!

— Где?

— В Марьиной Роще.

— Вези сюда. Немедленно.

Лекарство было привезено, и сыну вскоре стало легче.

— Ну что,— спросил меня Гайдар, собираясь уходить,— хорошо работает моя команда?

Константин **ПАУСТОВСКИЙ**

Лягушка и вол

Жила-была лягушка,
Резвушка и вертушка,
И с нею дружбу вел
Вол.

Однажды лягушка сказала:
«Скакать по болоту мне мало!
Что без цели мне слоняться
На лугу,
На лугу!
В толщине с волом сравняться
Я могу,
Я могу.
Замычу — так заглушу я пушку!
У меня на это хватит духа!»
Все решили: добрую лягушку
Укусила муха-цокотуха...

— Постойте! — скажете вы, увидев этот отрывок.— Вы же обещали, что у вас в этом номере будет только то, что связано с советской литературой, с книгами наших современников. Как же попала сюда старая басня Крылова?

Прочитайте отрывок внимательно, и вы сразу поймете, что эти стихи написал не Крылов, хотя и написаны они на сюжет старой крыловской басни. Это пародия. Пародия на любимого вашего поэта. Интересно, вы уже догадались, на кого? Если не догадались, взгляните на юмористический портрет этого поэта. Портрет сделали художники Кукрыниксы.

Юрию Нагибину

Дорогая редакция! Мы прочитали книгу «Трудное счастье». Очень хорошая книга. Мы хотим знать, откуда Юрий Нагибин так хорошо знает цыганскую жизнь?

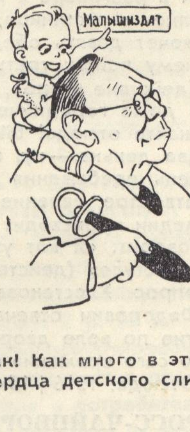
Книга нас многому научила. Мы живем в деревне, и наши родители работают в колхозе, все мы живем честным трудом. До сих пор мы не знали, что богатые наживают добро. И зачем им столько? Ради наживы они убивают и грабят людей. Где у них совесть? Ведь их богатство облито кровью трудящихся.

Удивило нас, что и в школе обидели цыганенка. Мы бы, наоборот, помогли ему учиться. И даже не напомнили бы ему, что он цыган. А почему учительница не защищала цыганенка? Плохая была Поздневская школа. Наша учительница Анастасия Николаевна никого не дает в обиду. Она очень любит правду. И мы будем честными и правдивыми.

Просим ответ написать по адресу: г. Зап. Двина, Троицкая школа, ученикам 3-го класса.

Владимир Долганов и
Евгений Матвеев.

Света и Вова поверили Мюнхгаузену!

Маршак! Как много в этом слове
Для сердца детского слилось...

Дорогая редакция!

Я учусь в 1-й железнодорожной школе в 5-м классе. Мне 11 лет. Я прочитала книгу «Приключения Мюнхгаузена». Книга мне очень понравилась. Мюнхгаузен был очень умный, находчивый, храбрый. Мой младший брат Володя (ему пять лет) тоже полюбил Мюнхгаузена и хочет быть таким же храбрым, как Мюнхгаузен. Нам с Вовой очень хочется полететь на Луну и посмотреть, какая там жизнь и есть ли там люди. Рассказам Мюнхгаузена трудно не верить. Очень правдиво он рассказывает.

Дорогая редакция, мне хочется, чтобы было больше таких людей, как Мюнхгаузен.

До свидания.

Света, Вова.

г. Челябинск, улица Тимирязева, д. 33, кв. 44.

А вы, ребята, как думаете?

Вы тоже считаете, что рассказы Мюнхгаузена очень правдивы?

Где Травка?

Я читала книгу «Приключения Травки». Меня очень заинтересовали его приключения. Как он путешествовал в детстве. Мне очень понравился такой мальчик. Травка отчаянный. Конечно, это очень хорошо, такие люди нам нужны в Советском Союзе.

Шпилько Лидия, ученица 5-го класса.
Ростовская область, Мальчевский район, село Нагольня.

Прошу ответить про Травкиных родителей и про Травку. Живы они или нет.

До свидания.

Дорогая Лида!

Хорошо, что тебя заинтересовал Травка и его приключения. А вот на вопрос, жив ли Травка и его родители, не так-то легко ответить. Дело в том, что писатели далеко не всегда пишут свои книги о людях, которые жили на самом деле. Чаще они выдумывают своих героев.

Если тебя и других ребят интересует, как это происходит, мы расскажем об этом подробно в нашем журнале как-нибудь в другой раз.

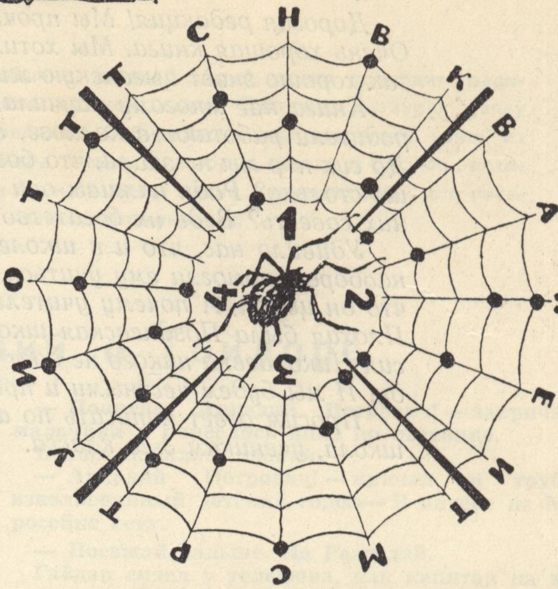

КАКАЯ ПОГОВОРКА?

Вот четырнадцать слов: халат, калина, узда, гарнир, гектар, ясень, ужи, сказка, клок, стог, доля, крест, ода, земляк.

В каждом из этих слов нужно заменить начальную букву другой буквой так, чтобы получилось новое слово, тоже имя существительное. По начальным буквам новых слов, сохраняя ту же последовательность, вы прочитаете текст известной французской поговорки.

Составила **Галина Тасалова.**

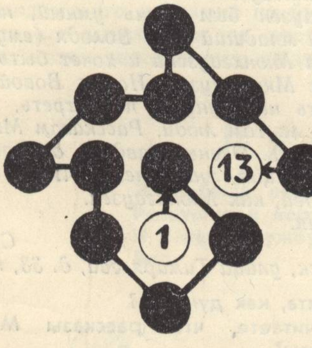
ЧТО ЗДЕСЬ НАПИСАНО?

В этой головоломке зашифрован текст русской народной загадки. Прочитайте ее и попробуйте отгадать. Может быть, кое-что подскажет вам и паук, спрятавшийся в центре фигуры.

Составил **Валерик Кочаров.**

ОТВЕТЫ
на задачи, помещенные в № 1

ГОЛОВОЛОМКА-РЕБУС

На рисунке дана схема движения от кружка к кружку. Соединяя частицы ребуса в этой последовательности, вы прочитаете заключительные строки из стихотворения В. Маяковского «Кем быть?»:

«Книгу переворошив,
Намотай себе на ус —
все работы хороши,
выбирай
на вкус!»

ЛИТЕРАТУРНАЯ ВИКТОРИНА
(Н. В. Гоголь «Ревизор»)

1. Хлестаков прожил в уездном городишке около трех недель. Осип в разговоре с Хлестаковым, еще когда они находились в гостинице, говорит, что хозяин больше не хочет давать обедать: «Еще, говорит, и к городничему пойду; третью неделю барин денег не платит» (действие второе, явление II).

Позднее, уже в доме городничего, Осип говорит Хлестакову: «Уезжайте отсюда! Ей-богу, уже пора... Погуляли здесь два денька,— ну, и довольно». Это был последний день пребывания Хлестакова в городе (действие четвертое, явление IX).

2. Действие комедии происходит в 1831 году. Аммос Федорович говорит: «Я вот уж пятнадцать лет сижу на судейском стуле» (действие первое, явление III). На вопрос Хлестакова «Так вы здесь судья?» Аммос Федорович отвечает: «С 816 был избран на трехлетие по воле дворянства и продолжаю должность до сего времени» (действие четвертое, явление III). Отсюда: 1816+15=1831.

КРОСС-ЧАЙНВОРД

1. Фанза. 2. Альбом. 3. Мука. 4. Акр. 5. Ромб. 6. Бук. 7. Комар. 8. Рыбка. 9. Анис. 10. Село. 11. Овин. 12. Насос. 13. Сукно. 14. Отвес. 15. Сорт. 16. Тьма. 17. Актер. 18. Рамка. 19. Ангар. 20. Ропот. 21. Тантал. 22. Лопата. 23. Атлас. 24. Стена. 25. Артек. 26. Крест. 27. Танк. 28. Кот. 29. Торф.

Из букв, попадающих в среднюю горизонталь, составляется текст русской народной загадки: «Зубы есть, а рта нет» (пила).

Редколлегия: **Ильина Н. В.** (редактор), **Каверин В. А., Кассиль Л. А., Орджоникидзе В. Н.** (заместитель редактора), **Орлов В. И., Поддубная В. А.** (ответственный секретарь), **Прилежаева М. П., Сотник Ю. В., Тимофеева Г. Я., Шмаринов Д. А.**

Адрес редакции: Москва, Д-47, улица «Правды», 24, комната 710, тел. Д 3-30-73.
Рукописи не возвращаются.

Художественный редактор **П. Кузьмичев.** Технический редактор **А. Ефимова**

А 00179. Подписано к печати 3/III 1959 г. Тираж 450 000 экз. Изд. № 470. Заказ № 282.
Форм. бум. 84×108¹/₁₆. Бум. листов 2,62. Печ. листов 8,61.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.

Литература народов СССР

Скоро в Государственном издательстве детской литературы выйдут из печати новые книги серии «Школьная библиотека»:

М. АЙБЕК. ВЕТЕР ЗОЛОТОЙ ДОЛИНЫ. Повесть о послевоенном узбекском колхозе, о мирном труде бывших солдат. Перевод с узбекского. Цена 6 р. 20 к.

В. АНАНЯН. НА БЕРЕГУ СЕВАНА. Повесть о жизни и приключениях юных натуралистов Армении, о том, как сельские пионеры отправились на поиски воды, чтобы спасти от засухи посевы колхоза и фермы водоплавающих птиц. Перевод с армянского. Цена 6 р. 20 к.

Д. ГУЛИА. СТИХИ. Стихи о родном крае, его природе и людях, о дружбе, долге, труде. Перевод с абхазского. Цена 2 р. 55 к.

Г. ИБРАГИМОВ. ЧУБАРЫЙ. В сборник вошли рассказы «Чубарый», «Пастухи», «Старый батрак» и другие, в которых автор повествует о дореволюционной деревне, о трудовой жизни бедняков, о детях и их любви к природе. Перевод с татарского. Цена 2 р. 55 к.

КРАЙ НАШ РОДНОЙ. Сборник. Избранные рассказы и стихи писателей Российской Федерации. Цена 7 р. 70 к.

ЯНКО МАВР. Т.В.Т. Повесть о школьниках, организовавших «Товарищество воинствующих техников». Перевод с белорусского. Цена 3 р. 60 к.

НАШ КОСТА. Рассказы современных осетинских писателей о народном поэте Коста Хетагурове, его жизни и творчестве. Перевод с осетинского. Цена 3 р. 05 к.

ПУТЕШЕСТВИЕ НА ЛЬДИНЕ. Сборник. Рассказы татарских писателей о прошлой и современной жизни детей. Перевод с татарского. Цена 4 р. 10 к.

К. ЧОРНЫЙ. ЗАВТРАШНИЙ ДЕНЬ. В сборник входят пять рассказов. Рассказы повествуют о мужестве, героизме и благородстве советских людей в гражданскую войну, в дни мирного строительства и в Великую Отечественную войну. Перевод с белорусского. Цена 3 р. 60 к.

Цены указаны ориентировочно. Перечисленные книги поступят в продажу в магазины Книготорга и потребительской кооперации, где вы сможете их приобрести.

«СОЮЗКНИГА»

ПИОНЕРСКАЯ ПТИЦЖИЛСТРОЙКОНТОРА

Принимаются заявки на ремонт гнезд и скворечников, очистку дупел и другие весенние работы.

Рисунок Е. Ведерникова.